

10(148)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Эрдниева Мария Владимировна (15 октября 1921, д. Тин-Толга, Малодербетовский улус, Малодербетовский район, Чувашская автономная область — 16 апреля 2019, г. Москва) — педагог, математик-методист, академик Российской академии образования (1989), заслуженный деятель науки РСФСР, почётный гражданин Республики Калмыкия. Герой Калмыкии (2014).

Доктор педагогических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны.

В 1938 году окончил сельскую школу в Малых Дербетах[3]. В 1939—1940 годах учился в Астраханском педагогическом училище. учёбу совмещал с работой учителя неполной средней школы. В 1940 году призван в ряды Красной Армии. рядовым, сержантом, младшим лейтенантом прошёл всю войну. Награждён орденами Отечественной войны I и II степени, медалями[4].

После демобилизации в 1945 году поступил на физико-математический факультет Барнаульского педагогического института, окончив который в 1949 году стал работать заведующим учебной частью Нечунаевской семилетней школы Алтайского края. В 1957 году окончил аспирантуру Академии педагогических наук СССР с защитой диссертации «Развитие навыков самоконтроля в связи с активизацией процесса обучения математике», затем работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом Ставропольского педагогического института. С 1964 года по 2019 год заведовал кафедрой алгебры, геометрии и методики математики в Калмыцком университете[4].

В 1950—1970-х годах на материале школьной математики разработал систему укрупнения дидактических единиц (УДЕ)[2]. В 1972 году защитил в Алма-Ате диссертацию на степень доктора педагогических наук в форме научного доклада «Проблемы интенсификации обучения математике». В 1989 году был избран академиком Российской академии образования[4].

В 1989 году выиграл грант Президиума Академии педагогических наук СССР, по которому разработал и издал альтернативные учебники математики для учеников 1—8 классов российских средней школы[4].

В 1998 году удостоен премии Президента Российской Федерации в области образования за разработку «Новаторских» учебников математики, в которых использованы принципы укрупнения дидактических единиц, а также принципы системно-деятельностного подхода к обучению математике.

105 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
15 октября 2026 г.

ЭРДНИЕВ
ПЮРВЯ МУЧКАЕВИ
1921-2019 гг.

UNIVERSUM: ПСИХОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 10(148)

Октябрь 2026 г.

Новосибирск
2026

ББК 74+88

U55

Главный редактор журнала:

Ходакова Нина Павловна – д-р пед. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Андруник Андрей Петрович – д-р пед. наук, проф.;

Бабаян Анжела Владиславовна – д-р пед. наук, проф.;

Вербицкая Наталья Олеговна – д-р пед. наук, проф.;

Виговская Мария Евгеньевна – канд. пед. наук;

Ежкова Нина Сергеевна – д-р пед. наук, доц.;

Зекерьяев Руслан Ильвисович – канд. психол. наук, доц.;

Иванова Светлана Юрьевна – канд. пед. наук, доц.;

Игнатова Ирина Борисовна – д-р пед. наук, проф.;

Кузьменко Наталья Ивановна – канд. пед. наук, доц.;

Маликов Рустам Шайдуллович – д-р пед. наук, проф.;

Насиханова Астра Захаровна – канд. пед. наук, доц.;

Писаренко Вероника Игоревна – д-р пед. наук, проф.;

Рулиене Любовь Нимажаповна – д-р пед. наук, проф.;

Сидячева Наталья Владимировна – канд. психол. наук;

Стоян Геннадий Владимирович – канд. пед. наук, доц.;

Ульянина Ольга Александровна – д-р психол. наук, канд. социол. наук, доц., чл.-корр. РАО;

Хасанов Навруз Баротович – д-р пед. наук.

U55 Universum: психология и образование : электронный научный журнал. — № 10(148). — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 128 с. — Текст : электронный. — URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/category/10148> (дата публикации: 08.10.2026).

ISSN 2311-6099

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10

Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»

© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

Педагогика

Теория и методика обучения и воспитания

- Игровые технологии во внеаудиторной среде как средство формирования функциональной грамотности на уроках китайского языка в начальной школе 5
Горохова Анастасия Кирилловна

- Механизмы государственно-общественного управления в формировании патриотизма обучающихся как научная проблема 11
Есипова Анастасия Сергеевна
Ганаева Елена Аркадьевна

- Методические подходы к развитию профилактической иммунной культуры студентов-медиков в условиях цифрового образования 18
Мирзакаримова Дилдора Баходировна

Профессиональное и высшее образование

- Обзор исследований учебников по иностранным языкам в китайских вузах в 2016–2025 гг. 23
Сунь Кайюе
Хуан Тяньдэ

Физическое воспитание и спортивная педагогика

- Взаимосвязь между уровнем физической подготовленности и учебными достижениями будущих педагогов-психологов 43
Еримбетов Нуржигит
Баймуханбетов Багдат

Цифровизация образования и дистанционное обучение

- Цифровая образовательная среда в обучении корейскому языку как иностранному: вызовы и методические решения 52
Меркулова Алина Станиславовна

Психология

Общая психология и психология личности

- Управление финансами по типу личности: интроверты, экстраверты 63
Бурнаевская Анастасия Михайловна
Ардашева Галина Николаевна

- Исследование профессионального выгорания педагогов 71
Хабибуллина Розалия Ильясовна

Социальная психология

- Влияние культуры успеха на современное общество 77
Богданов Руслан Ришатович

Медицинская и клиническая психология

- Репродуктивный выбор женщин с повторными абортами в анамнезе: психологические трудности и пути их преодоления 88
Градинович София Евгеньевна

Психология труда и организационная психология

- Программный комплекс анализа экстралингвистических характеристик речи в психологическом консультировании: архитектура и принцип трёхуровневой интерпретируемости** 96
Шанин Александр Владимирович

Articles in English

Psychology

Social Psychology

- The role of visual art in emotional recovery during crisis situations: a conceptual analysis in the context of forced Ukrainian displacement** 105
Mariien Kateryna

Medical and Clinical Psychology

- Artificial intelligence for dementia diagnostics and treatment: a systematic literature review** 120
Pavenkov Oleg
Rubtcova Mariia

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПЕДАГОГИКА

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Статья поступила в редакцию: 23.09.2026

Статья принята к публикации: 28.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 372.881

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23467

Игровые технологии во внеаудиторной среде как средство формирования функциональной грамотности на уроках китайского языка в начальной школе

Горохова Анастасия Кирилловна
студент

Алтайский государственный педагогический университет
Российская Федерация, г. Барнаул
E-mail: am.abhinanda@gmail.com

Game technologies in the extracurricular environment as a means of forming functional literacy in Chinese lessons at primary school

Gorokhova Anastasia Kirillovna
student, Altai State Pedagogical University
Russia, Barnaul

Аннотация

Формирование функциональной грамотности является одной из приоритетных задач начального образования, однако при изучении китайского языка высокая когнитивная нагрузка и статичная работа за партой снижают учебную мотивацию младших школьников. Цель исследования — обоснование и описание авторской методики «Класс без стен», построенной на обучении через деятельность (Activity-Based Learning) во внеаудиторной среде. Работа выполнена в парадигме исследования действием (Action Research) с циклом «планирование — действие — наблюдение — рефлексия»; исследование проводилось в летнем пришкольном лагере с четырьмя группами детей 7–10 лет, а основным методом сбора

Библиографическое описание: Горохова А.К. Игровые технологии во внеаудиторной среде как средство формирования функциональной грамотности на уроках китайского языка в начальной школе // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23467>

данных было включённое педагогическое наблюдение. Разработаны и апробированы игровые модули: кинестетическое освоение иероглифики и счёта, лексические подвижные игры, творческие задания с интеграцией языка и культуры. Наблюдение зафиксировало устойчивое повышение когнитивной, эмоциональной и поведенческой вовлечённости, а также перенос языкового материала в практическую деятельность, что свидетельствует о формировании функциональной грамотности. Методика не требует перестройки учебного плана и может применяться учителями начальной школы; перспектива исследования — адаптация модулей к условиям учебного года и количественная оценка результатов.

Abstract

The formation of functional literacy is one of the priority tasks of primary education; however, in learning Chinese, high cognitive load and static work at the desk reduce the learning motivation of primary schoolchildren. The aim of the study is to substantiate and describe the author's «Class Without Walls» method, based on Activity-Based Learning in an extracurricular environment. The work follows the Action Research paradigm with the cycle «planning — action — observation — reflection»; the study was conducted in a summer school camp with four groups of children aged 7–10, and the main data collection method was participant pedagogical observation. Game modules were developed and tested: kinesthetic acquisition of characters and counting, lexical outdoor games, and creative tasks integrating language and culture. Observation recorded a sustained increase in cognitive, emotional and behavioural engagement, as well as the transfer of language material into practical activity, which indicates the formation of functional literacy. The method requires no restructuring of the curriculum and can be used by primary school teachers; the research perspective is the adaptation of the modules to the school year and quantitative assessment of results.

Ключевые слова: обучение на открытом воздухе, класс без стен, методика преподавания китайского языка, младший школьный возраст, обучение через деятельность, функциональная грамотность, игровые технологии.

Keywords: outdoor learning, class without walls, Chinese language teaching, primary school age, activity-based learning, functional literacy, game technologies.

Введение

Одной из центральных проблем начальной школы является поддержание учебной мотивации: в условиях информационного общества традиционные формы обучения утрачивают привлекательность и ведут к снижению интереса детей. Формирование функциональной грамотности — способности применять знания для решения практических задач — признано приоритетной задачей современного образования [1; 5]. Особенно остро проблема мотивации проявляется при изучении китайского языка, где высокая когнитивная нагрузка быстро приводит к утомлению и «выпадению» учеников [4]. Д.Л. Смолина подчёркивает необходимость формировать внутреннюю мотивацию к учению [6]. Классно-урочная система, ориентированная на статичную работу за партой, не отвечает психофизиологическим потребностям младших школьников, поэтому актуальным становится выход за пределы класса и использование дидактического потенциала внеаудиторного

пространства [7; 8]. Значимость подхода усиливается в контексте диалога культур: изучение языка неотделимо от постижения культуры, а в условиях глобализации актуальны проблемы сохранения культурной идентичности и духовного воспитания в Китае [2]. Цель статьи — описание и обоснование методики «Класс без стен», построенной на обучении через деятельность (Activity-Based Learning). Исследовательский вопрос: как обучение через деятельность на открытом воздухе повышает когнитивную и эмоциональную вовлечённость младших школьников при изучении китайского языка?

Материалы и методы

Методика «Класс без стен» опирается на синтез педагогических и психологических концепций. Ключевой подход — обучение через деятельность (Activity-Based Learning): знания осваиваются эффективнее в практической, осмысленной деятельности [10]. Результат оценивается через концепцию вовлечённости, включающую поведенческий, эмоциональный и когнитивный компоненты [10]. Психологическим механизмом обучения через движение выступает теория воплощённого познания (Embodied Cognition): память и понимание связаны с телесным опытом, а мышление распределено в системе «мозг — тело — среда» [9].

Работа выполнена в парадигме исследования действием (Action Research) с циклом «планирование — действие — наблюдение — рефлексия». Исследование проводилось в летнем пришкольном лагере с четырьмя группами детей 7–10 лет; образовательной средой служило внеаудиторное пространство школьного двора. Основной метод сбора данных — включённое педагогическое наблюдение с фиксацией результатов в рефлексивном дневнике учителя.

Методика представляет собой гибкую систему игровых модулей, реализуемых преимущественно на открытом воздухе. Первый модуль направлен на кинестетическое освоение иероглифики и счёта: на асфальте рисовалась сетка для игры в «классики», где вместо цифр писались китайские иероглифы чисел; рисование знаков в большом масштабе превращало написание из мелкой моторики в движение всего тела, что соответствует принципам воплощённого познания [9]. Затем дети прыгали по клеткам, произнося числительные, а для закрепления счёта выполняли движения ушу.

Второй модуль посвящён игровому освоению лексики. После темы «Цвета» группа выходила на улицу для игры «Найди цвет»: педагог называл цвет на китайском, а дети быстро находили предмет нужного цвета. В игре «Светофор» водящие ловили игроков, в одежде которых присутствовал названный цвет. Подобные игры формируют функциональную грамотность — способность применять языковые знания для решения практической задачи [5]. Азарт поддерживал эмоциональную вовлечённость, а необходимость быстро реагировать стимулировала когнитивные процессы.

Третий модуль интегрировал язык, творчество и культуру. После темы «Семья» дети рисовали мелом на асфальте семью в образе драконов и подписывали персонажей иероглифами, помещая лексику в личностно значимый контекст. Активные игры чередовались с музыкальными паузами с китайскими песнями; это позволяло сменить деятельность и повторить лексику.

Результаты и обсуждения

Анализ качественных данных позволил выделить ряд результатов. Наиболее очевидным стало изменение эмоционального фона и уровня энергии учащихся: на уличных занятиях дети демонстрировали стабильно высокий энтузиазм, который через чёткие правила игр направлялся в учебную деятельность. Это свидетельствует о том, что смена среды и деятельностный подход являются действенным средством решения проблемы снижения мотивации [6].

Игровые практики способствовали тому, что китайский язык стал восприниматься детьми как реальный инструмент достижения игровой цели, а окружающая среда превратилась в живой интерактивный учебник — показатель формирования функциональной грамотности [5]. Показательны результаты в освоении иероглифики: дети с удовольствием рисовали их мелом на асфальте, физически «проживая» структуру телом, что подтверждает теорию воплощённого познания [9] и согласуется с данными о зависимости запоминания иероглифов от способа их предъявления и о факторах их забываемости [4; 3].

Успешность методики можно проанализировать через концепцию вовлечённости [10]: поведенческая вовлечённость поддерживалась физической активностью, эмоциональная — азартом и радостью от игры, когнитивная — необходимостью быстро применять языковой материал. Все три компонента находятся в гармонии, что подтверждает: для ребёнка «понять» часто означает «сделать», и соотносится с выводами о пользе обучения вне класса [7; 8].

Заключение

Проведённое исследование подтверждает эффективность методики «Класс без стен» для решения образовательных, развивающих и воспитательных задач на уроках китайского языка в начальной школе. Подход повышает учебную мотивацию и целенаправленно формирует функциональную грамотность. Новизна работы — в адаптации и комплексном применении принципов обучения через деятельность и воплощённого познания к преподаванию китайского языка во внеаудиторной среде. Практическая значимость состоит в том, что описанные игровые модули могут непосредственно использоваться учителями: рекомендуется интегрировать короткие «языковые вылазки» на улицу, применять асфальт для кинестетического освоения иероглифики и адаптировать подвижные игры для отработки лексики. Исследование носит качественный характер; перспектива — адаптация к условиям учебного года и количественные измерения.

Список литературы

1. Акопьян В.А. Актуализация формирования функциональной грамотности обучающихся общеобразовательной школы // Russian Journal of Education and Psychology. – 2023. – Т. 14, № 5. – С. 61–74. – DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-5-61-74.
2. Гарколь Н.С. Глобализация и сохранение культурной идентичности: проблемы духовного воспитания в Китае // Климентовские чтения: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. – 2025. – С. 117–120.

3. Глушкова С.Ю., Воронина Е.Б. Особенности преподавания китайского языка в контексте развития способностей запоминания китайских иероглифов в начальной школе // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 4. – С. 57–59.
4. Жэнь Гэнтянь. Проблема забываемости иероглифов в методике преподавания китайского как иностранного // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 2. – С. 155–164. – DOI: 10.15593/2224–9389/2020.2.13.
5. Логинова А.А. Формирование функциональной грамотности у младших школьников на уроках английского языка // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 844–849.
6. Смолина Д.Л. Учебная мотивация школьников: проблемы и пути их решения // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 289–292.
7. Kiviranta L., Lindfors E., Rönkkö M.-L., Luukka E. Outdoor learning in early childhood education: Exploring benefits and challenges // Educational Research. – 2023. – Т. 66, № 1. – P. 102–119. – DOI: 10.1080/00131881.2023.2285762.
8. Mann J., Gray T., Truong S. et al. Getting Out of the Classroom and Into Nature: A Systematic Review of Nature-Specific Outdoor Learning on School Children's Learning and Development // Frontiers in Public Health. – 2022. – Т. 10. – Art. 877058. – DOI: 10.3389/fpubh.2022.877058.
9. Shapiro L. (ed.) The Routledge Handbook of Embodied Cognition. – London: Routledge, 2014. – 400 P.
10. Yuan G. Development of Activity-Based Language Learning of Chinese for a Primary School in Western Sydney: A Participatory Action Research Study // Open Journal of Social Sciences. – 2023. – Т. 11. – P. 384–403.

References

1. Garkol N.S. [Globalization and the preservation of cultural identity: problems of spiritual education in China] // Klimentovskie chteniya: sb. materialov II Vseros. nauch.-prakt. konf. – 2025. – P. 117–120. (In Russ.)
2. [The problem of forgetting hieroglyphs in the methodology of teaching Chinese as a foreign language] // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki. – 2020. – No. 2. – P. 155–164. – DOI: 10.15593/2224–9389/2020.2.13. (In Russ.)
3. Akopyan V.A. [Actualization of the formation of functional literacy of secondary school students] // Russian Journal of Education and Psychology. – 2023. – Vol. 14, No. 5. – P. 61–74. – DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-5-61-74. (In Russ.)
4. Loginova A.A. [Formation of functional literacy in primary schoolchildren in English lessons] // Gertsenovskie chteniya. Nachalnoe obrazovanie. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 844–849. (In Russ.)
5. Smolina D.L. [Learning motivation of schoolchildren: problems and ways to solve them] // Gertsenovskie chteniya. Nachalnoe obrazovanie. – 2022. – Vol. 13, No. 1. – P. 289–292. (In Russ.)

6. Kiviranta L., Lindfors E., Ronkko M.-L., Luukka E. Outdoor learning in early childhood education: Exploring benefits and challenges // *Educational Research*. – 2023. – Vol. 66, No. 1. – P. 102–119. – DOI: 10.1080/00131881.2023.2285762.
7. Mann J., Gray T., Truong S. et al. Getting Out of the Classroom and Into Nature: A Systematic Review of Nature-Specific Outdoor Learning on School Children's Learning and Development // *Frontiers in Public Health*. – 2022. – Vol. 10. – Art. 877058. – DOI: 10.3389/fpubh.2022.877058.
8. Yuan G. Development of Activity-Based Language Learning of Chinese for a Primary School in Western Sydney: A Participatory Action Research Study // *Open Journal of Social Sciences*. – 2023. – Vol. 11. – P. 384–403.
9. Shapiro L. (ed.) *The Routledge Handbook of Embodied Cognition*. – London: Routledge, 2014. – 400 P.
10. Glushkova S.Yu., Voronina E.B. [Specific features of teaching Chinese in the context of developing the ability to memorize Chinese characters in primary school] // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. – 2017. – No. 4. – P. 57–59. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.09.2026

Статья принята к публикации: 26.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 37.01+352.07

Механизмы государственно-общественного управления в формировании патриотизма обучающихся как научная проблема

Есипова Анастасия Сергеевна

магистрант

ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет

Российская Федерация, г. Оренбург

E-mail: nesipova0507@gmail.com

Ганаева Елена Аркадьевна

д-р пед. наук, проф.

ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет

Российская Федерация, г. Оренбург

Public-state governance mechanisms in the formation of students' patriotism as a scientific problem

Esipova Anastasia Sergeevna

Master's student, Orenburg State Pedagogical University

Russia, Orenburg

Ganaeva Elena Arkadievna

doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Orenburg State Pedagogical University

Russia, Orenburg

Аннотация

Статья посвящена теоретическому осмыслению проблемы формирования патриотизма в общеобразовательных организациях сквозь призму государственно-общественного управления. Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в модернизации управленческих подходов к патриотическому воспитанию в условиях обновления нормативно-правовой базы и реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Авторами проанализированы современные подходы к созданию единого воспитательно-образовательного пространства, интегрирующего ресурсы школы, семьи и внешних социальных институтов. В качестве методологической основы использованы методы теоретического анализа, сравнения и систематизации научных трудов отечественных исследователей. Выявлено методологическое противоречие между необходимостью построения гибкой системы патриотического воспитания, отвечающей современным вызовам, и традиционными жёсткими формами

Библиографическое описание: Есипова А.С., Ганаева Е.А. Механизмы государственно-общественного управления в формировании патриотизма обучающихся как научная проблема // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23466>

управления образовательными организациями. Обосновано, что эффективное формирование патриотических качеств личности возможно только при условии активного взаимодействия государственных и общественных субъектов, объединения ресурсов различных ведомств и организаций. Определено, что государственно-общественное управление выступает организационным механизмом, обеспечивающим целостность воспитательно-образовательного пространства и координацию интересов всех социальных заказчиков. На основе анализа установлено, что формирование патриотизма представляет собой интегративный процесс, требующий пространственно-временной координации внутренней среды школы и внешнего социокультурного окружения. Показано, что ключевыми элементами данного процесса выступают совместная разработка стратегических решений, открытый диалог между участниками образовательных отношений и учёт региональных социокультурных традиций. Результаты исследования могут быть использованы при разработке моделей управления патриотическим воспитанием в общеобразовательных организациях. Дальнейшая разработка проблемы предполагает эмпирическое исследование эффективности предложенных механизмов.

Abstract

The article is devoted to the theoretical comprehension of the patriotism formation problem in general education organizations through the prism of public-state governance. The relevance of the study is driven by the growing need to modernize management approaches to patriotic education in the context of updating the regulatory framework and implementing the federal project «Patriotic Education». The authors analyze modern approaches to creating a unified educational and upbringing space that integrates the resources of the school, family, and external social institutions. The methodological basis includes methods of theoretical analysis, comparison, and systematization of domestic researchers' works. A methodological contradiction between the need to build a flexible system of patriotic education that meets modern challenges and traditional rigid management forms is revealed. It is substantiated that the effective formation of patriotic personality traits is possible only under the condition of active interaction between state and public entities, combining resources of various departments and organizations. It is determined that public-state governance acts as an organizational mechanism ensuring the integrity of the educational and upbringing space and coordination of interests of all social customers. It is established that the formation of patriotism is an integrative process requiring spatio-temporal coordination of the school's internal environment and the external sociocultural environment. It is shown that the key elements of this process are joint development of strategic decisions, open dialogue between participants of educational relations, and consideration of regional sociocultural traditions. The results can be used in developing models of patriotic education management in educational organizations.

Ключевые слова: патриотизм, формирование патриотизма, общеобразовательные организации, государственно-общественное управление, воспитательно-образовательное пространство.

Keywords: patriotism, formation of patriotism, general education organizations, public-state governance, educational and upbringing space.

Введение

В современных социокультурных условиях модернизации российского образования приоритетным вектором государственной политики выступает воспитание гражданственности и патриотизма подрастающего поколения. Общеобразовательная организация становится ключевым звеном, где закладываются ценностные ориентации личности. Однако эффективная реализация этой функции невозможна силами исключительно педагогического коллектива, что порождает необходимость привлечения широкого спектра социальных партнёров. В связи с этим формирование патриотизма в рамках общеобразовательных организаций приобретает статус комплексной научной проблемы, требующей переосмысления управленческих подходов и активного внедрения государственно-общественного характера управления. Нормативно-правовую основу данного процесса составляют изменения внесённые в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся [9], а также положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, закрепляющей патриотическое воспитание граждан в качестве одного из стратегических приоритетов [8].

Материалы и методы

Для глубокого понимания заявленной проблемы обратимся к теоретическим аспектам государственно-общественного управления образованием, отражённым в трудах современных исследователей. Материалом исследования послужили научные публикации отечественных авторов, посвящённые проблемам государственно-общественного управления образовательными организациями и формирования патриотизма у обучающихся, а также нормативно-правовые документы, регламентирующие воспитательную деятельность в общеобразовательных организациях. В качестве методов исследования применялись теоретический анализ научной литературы, сравнительно-сопоставительный анализ различных концептуальных подходов, систематизация и обобщение полученных данных.

Результаты и обсуждение

Так, Д.Г. Гинванова характеризует государственно-общественный вектор управления как паритетное взаимодействие властных структур и институтов гражданского общества. Ключевая миссия такого партнёрства, по мнению исследователя, заключается в расширении академических прав и свобод непосредственных участников образовательного процесса — педагогов, учеников и их родителей (законных представителей). Автор справедливо подчёркивает, что данная система предполагает непрерывный и ответственный диалог между субъектами, представляющими государственную политику, и населением, выражающим реальные образовательные и социальные потребности.

Логическим развитием данной мысли выступает позиция Е.А. Гриценко, которая связывает сущность государственно-общественного управления с процедурами совместной разработки, открытого обсуждения и коллективного принятия стратегических решений. Применительно к теме нашего исследования автор смещает фокус на содержательный

компонент патриотического воспитания. В её трактовке оно должно основываться на трансляции системы культурных ценностей и паттернов патриотического поведения, внедрённых непосредственно в учебно-методическую ткань школы.

Практико-ориентированный управленческий подход предлагают В.Н. Гуров, Р.Р. Исламов и Е.В. Гурова. Учёные рассматривают государственно-частное и государственно-общественное партнёрство как драйвер повышения качества воспитательного процесса. В их концепции центральное место занимает проектирование единого воспитательно-образовательного пространства, способного связать потенциал отдельной школы с ресурсами всего муниципалитета, учитывая при этом исторические, экономические и этнокультурные традиции региона.

Таким образом, государственно-общественное управление создаёт организационный каркас для патриотического воспитания, однако сама дефиниция «формирование патриотизма в образовательной среде» также требует чёткого научного определения.

С.В. Лихачев и О.Ю. Владимирова, изучая современные каналы социализации (в частности, сетевые коммуникации), определяют пространственные границы этого процесса. Они рассматривают данное явление как сложное пространственно-временное поле, объединяющее внутреннюю среду школы и её внешнее окружение, включая демографические, экологические и социально-экономические факторы. В этой среде происходит координация интересов главных социальных заказчиков, среди которых личность ребёнка занимает приоритетное место.

Ж.Е. Френт, исследуя локальный опыт формирования социокультурных компетенций у младших школьников, дополняет данную структуру деятельностным компонентом. Автор убедительно доказывает, что формирование патриотизма реализуется через консолидированный комплекс образовательных услуг и воспитательных воздействий, оказываемых как самой школой, так и внешними учреждениями (музеями, общественными организациями, институтами дополнительного образования), имеющими высокий развивающий потенциал.

Сопоставляя взгляды указанных авторов, мы сталкиваемся с сущностью научной проблемы: формирование патриотизма в современной школе не может происходить линейно, оно напрямую зависит от качества управления воспитательным пространством.

Дополнительные подтверждения выявленных тенденций содержатся в работах, обобщающих практический опыт патриотического воспитания. Так, В.Н. Гуров, Р.Р. Исламов и Д.В. Гуров, анализируя деятельность «Шаймуратовских классов» и сельских школ, демонстрируют, что эффективность патриотического воспитания напрямую зависит от степени интеграции ресурсов образовательной организации и социальных партнёров [6]. А.Ю. Шкуров, рассматривая гражданско-патриотическое воспитание как компонент модели государственно-общественного управления, подчёркивает, что приоритетные направления воспитательной работы — от формирования гражданского сознания до пропаганды государственных символов — требуют системной методической базы и координированного участия всех субъектов образовательных отношений [11].

Заключение

Резюмируя теоретический анализ, можно сделать вывод, что государственно-общественное управление образованием представляет собой субъект-субъектное взаимодействие государственных органов и институтов гражданского общества на всех этапах управленческого цикла (от инициирования до реализации решений), учитывающее уникальные традиции конкретной школы.

В свою очередь, формирование патриотизма в общеобразовательных организациях выступает как интегративное пространственно-временное поле взаимодействия школы и внешней макросреды. Эффективность функционирования данного поля напрямую зависит от того, насколько успешно институты государственно-общественного управления способны объединить ресурсы различных ведомств и организаций для реализации целостного комплекса образовательных и развивающих услуг, отвечающих запросам личности, семьи и государства.

Список литературы

1. Гинванова Д.Г. Государственно-общественный характер управления общеобразовательной организацией // Молодой учёный. – 2022. – № 20 (415). – С. 558–559.
2. Гриценко Е.А. Модель управления патриотическим воспитанием в общеобразовательной организации // Социальное воспитание и социальная адаптация личности. – 2021. – № 1 (39). – С. 114–116.
3. Гуров В.Н., Исламов Р.Р., Гурова Е.В. Государственно-частное партнёрство в контексте повышения качества патриотического воспитания школьников // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 6. – С. 9–12.
4. Гуров В.Н., Исламов Р.Р., Гуров Д.В. Единое воспитательно-образовательное пространство в муниципалитете и отдельной образовательной организации как фактор повышения качества патриотического воспитания обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70–4. – С. 121–124.
5. Гуров В.Н., Исламов Р.Р., Гурова Е.В. Практика работы институтов государственно-общественного управления общеобразовательной школы по патриотическому воспитанию обучающихся // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (85). – С. 73–75.
6. Гуров В.Н., Исламов Р.Р., Гуров Д.В. Обобщение опыта патриотического воспитания обучающихся в общеобразовательных организациях // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 11. – С. 119–125.
7. Лихачев С.В., Владимирова О.Ю. Потенциал сетевой коммуникации в патриотическом воспитании // Начальная школа. – 2021. – № 1. – С. 42–44.
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
10. Френт Ж.Е. Формирование социокультурной компетентности младших школьников в процессе нравственно-патриотического воспитания на уроках русского языка // Инновационная наука. – 2021. – № 2. – С. 121–124.
11. Шкуров А.Ю. Роль гражданско-патриотического воспитания участников образовательных отношений в системе государственно-общественного управления школой // Актуальные исследования. – 2024. – № 6 (188). – С. 44–47.

References

1. Ginvanova D.G. [Public-State Character of Management in General Education Organizations] // Molodoj uchyonyj. – 2022. – No. 20 (415). (In Russ.)
2. Gritsenko E.A. [Model of Patriotic Education Management in General Education Organizations] // Sotsial'noe vospitanie i sotsial'naya adaptatsiya lichnosti. – 2021. – No. 1 (39). (In Russ.)
3. Gurov V.N., Islamov R.R., Gurova E.V. [Public-Private Partnership in the Context of Improving the Quality of Patriotic Education of Schoolchildren] // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2021. – No. 6. (In Russ.)
4. Gurov V.N., Islamov R.R., Gurov D.V. [Unified Educational Space in a Municipality and Individual Educational Organization as a Factor in Improving the Quality of Patriotic Education of Students] // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – No. 70–4. (In Russ.)
5. Gurov V.N., Islamov R.R., Gurova E.V. [Practice of Public-State Management Institutions in General Education Schools in Patriotic Education of Students] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2022. – No. 6 (85). (In Russ.)
6. Gurov V.N., Islamov R.R., Gurov D.V. [Generalization of the Experience of Patriotic Education of Students in General Education Organizations] // Pedagogicheskii zhurnal. – 2023. – Vol. 13, No. 11. (In Russ.)
7. Likhachev S.V., Vladimirova O.Yu. [Potential of Network Communication in Patriotic Education] // Nachal'naya shkola. – 2021. – No. 1. (In Russ.)
8. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 02.07.2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 07.10.2026). (In Russ.)
9. Federal Law No. 304-FZ of 31.07.2020 «On Amending the Federal Law 'On Education in the Russian Federation' on Issues of Education of Students» // Official Internet Portal of Legal Information – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 07.10.2026). (In Russ.)

-
10. Frent Zh.E. [Formation of Sociocultural Competence of Primary School Students in the Process of Moral-Patriotic Education in Russian Language Lessons] // Innovatsionnaya nauka. – 2021. – No. 2. (In Russ.)
 11. Shkurov A.Yu. [The Role of Civil-Patriotic Education of Participants in Educational Relations in the System of Public-State School Management] // Aktual'nye issledovaniya. – 2024. – No. 6 (188). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.08.2026

Статья принята к публикации: 13.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 378:61+614.47+004.9

Методические подходы к развитию профилактической иммунной культуры студентов-медиков в условиях цифрового образования

Мирзакаримова Дилдора Баходировна

независимый исследователь, Андижанский государственный медицинский институт

Республика Узбекистан, г. Андижан

E-mail: mohinabonumk@gmail.com

Methodological approaches to developing preventive immunological culture among medical students in the context of digital education

Mirzakarimova Dildora Bakhodirovna

Independent Researcher

Andijan State Medical Institute

Republic of Uzbekistan, Andijan

Аннотация

В статье рассматриваются методические подходы к развитию профилактической иммунной культуры студентов медицинских высших образовательных учреждений в условиях цифровизации образования на примере преподавания дисциплины «Инфекционные болезни». Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки будущих медицинских специалистов, способных усваивать научные сведения об инфекционных заболеваниях и иммунопрофилактике, критически оценивать медицинскую информацию, применять профилактические знания в профессиональных ситуациях и эффективно взаимодействовать с пациентами. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и разработке методических подходов к развитию профилактической иммунной культуры студентов с использованием цифровых образовательных технологий. Исследование носит теоретико-методический характер и основано на анализе и обобщении современной педагогической и медицинской литературы, сравнительном анализе, систематизации и педагогическом моделировании. Профилактическая иммунная культура рассматривается как интегративное качество личности, включающее когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностно-практический, коммуникативный и цифровой компоненты. Обоснована интеграция электронных образовательных ресурсов, мультимедийных материалов, интерактивных заданий, цифровых клинических кейсов, ситуационных задач и онлайн-тестирования.

Библиографическое описание: Мирзакаримова Д.Б. Методические подходы к развитию профилактической иммунной культуры студентов-медиков в условиях цифрового образования // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23402>

Abstract

The article examines methodological approaches to developing preventive immunological culture among students of medical higher education institutions in the context of the digital transformation of education, using the discipline “Infectious Diseases” as an example. The relevance of the study is determined by the need to prepare future healthcare professionals who can acquire scientific knowledge about infectious diseases and immunoprophylaxis, critically evaluate medical information, apply preventive knowledge in professional situations, and communicate effectively with patients. The aim of the study is to provide a theoretical justification and develop methodological approaches to improving students’ preventive immunological culture through digital educational technologies. The study has a theoretical and methodological character and is based on the analysis and synthesis of contemporary pedagogical and medical literature, comparative analysis, systematization, and pedagogical modeling. Preventive immunological culture is considered an integrative personal quality that includes cognitive, value-motivational, activity-practical, communicative, and digital components. The study substantiates the integration of electronic educational resources, multimedia materials, interactive tasks, digital clinical cases, situational problems, and online testing.

Ключевые слова: цифровое медицинское образование, профилактическая иммунная культура, иммунопрофилактика, инфекционные болезни, студенты-медики, цифровые образовательные технологии, профилактика.

Keywords: digital medical education, preventive immunological culture, immunoprophylaxis, infectious diseases, medical students, digital educational technologies, prevention.

Введение

Современное медицинское образование развивается в условиях активной цифровой трансформации. Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс изменяет традиционные подходы к подготовке будущих специалистов и создаёт новые возможности для повышения качества профессионального образования. Электронные образовательные платформы, интерактивные ресурсы, виртуальные клинические ситуации, цифровое тестирование и другие современные технологии позволяют сделать процесс обучения более доступным, индивидуализированным и практико-ориентированным.

Особое значение цифровизация приобретает в системе медицинского образования, поскольку подготовка будущего врача требует не только усвоения большого объёма теоретической информации, но и развития способности применять полученные знания в практической деятельности. Современный медицинский специалист должен уметь самостоятельно находить и анализировать научную информацию, оценивать её достоверность, принимать профессиональные решения и эффективно взаимодействовать с пациентами.

Материалы и методы

Исследование носит теоретико-методический характер. Методологическую основу исследования составляют системный, компетентностный, деятельностный и личностно-ориентированный подходы.

Системный подход позволил рассмотреть профилактическую иммунную культуру как сложное интегративное образование, состоящее из взаимосвязанных компонентов. Компетентностный подход направлен на формирование способности студентов применять полученные знания в профессиональной деятельности. Деятельностный подход предполагает активное участие студентов в решении профессионально ориентированных задач, анализе клинических ситуаций и разработке профилактических мероприятий.

В процессе исследования использовались методы анализа и обобщения научной, педагогической и медицинской литературы, сравнительный анализ, систематизация, педагогическое моделирование и проектирование образовательного процесса.

При разработке методики учитывались современные возможности цифрового медицинского образования. В качестве основных цифровых образовательных средств рассматривались электронные образовательные ресурсы, мультимедийные материалы, интерактивные задания, цифровые клинические кейсы, виртуальные ситуационные задачи и онлайн-тестирование.

Результаты и обсуждение

В результате проведённого анализа было определено, что профилактическая иммунная культура студентов медицинских образовательных учреждений представляет собой комплексное качество личности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки.

В её структуре можно выделить пять взаимосвязанных компонентов: когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностно-практический, коммуникативный и цифровой.

Основные компоненты профилактической иммунной культуры и показатели их сформированности представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Структурные компоненты профилактической иммунной культуры студентов

Компонент	Основное содержание
Когнитивный	Знания об инфекционных заболеваниях, иммунитете и иммунопрофилактике
Ценностно-мотивационный	Осознание значимости профилактики и профессиональной ответственности
Деятельностно-практический	Умение применять знания при решении профессиональных задач
Коммуникативный	Способность взаимодействовать с пациентами и объяснять профилактические мероприятия
Цифровой	Умение использовать цифровые ресурсы и критически оценивать медицинскую информацию

На основе выделенных компонентов была разработана методика развития профилактической иммунной культуры студентов. Методика предполагает интеграцию традиционных и цифровых образовательных технологий.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что развитие профилактической иммунной культуры является важным направлением профессиональной подготовки будущих медицинских специалистов. Профилактическая иммунная культура представляет собой интегративное качество личности, включающее когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностно-практический, коммуникативный и цифровой компоненты. Изучение дисциплины «Инфекционные болезни» создаёт значительные возможности для формирования данного качества, поскольку позволяет объединить знания об инфекционных заболеваниях, механизмах их распространения и современных мерах профилактики.

Совершенствование методики требует интеграции традиционных и цифровых образовательных технологий. Использование электронных образовательных ресурсов, интерактивных заданий, цифровых клинических кейсов, ситуационных задач и онлайн-контроля способствует повышению познавательной активности студентов и развитию навыков самостоятельной работы.

Список литературы

1. Delungahawatta T., Dunne S.S., Hyde S., Halpenny L. McGrath D., O'Regan A., Dunne C.P. Advances in e-learning in undergraduate clinical medicine: a systematic review // BMC Medical Education. – 2022. – Т. 22, № 1. – Art. 711. – DOI: 10.1186/s12909-022-03773-1.
2. Echelard J.-F., Méthot F., Nguyen H.-A., Pomey M.-P. Medical Student Training in eHealth: Scoping Review // JMIR Medical Education. – 2020. – Т. 6, № 2. – DOI: 10.2196/20027.
3. McGee R.G., Wark S., Mwangi F., Drovandi A., Alele F., Malau-Aduli B.S. et al. Digital learning of clinical skills and its impact on medical students' academic performance: a systematic review // BMC Medical Education. – 2024. – Т. 24, № 1. – Art. 1477. – DOI: 10.1186/s12909-024-06471-2.
4. Mutalib A.A.A., Akim A.M., Jaafar M.H. A systematic review of health sciences students' online learning during the COVID-19 pandemic // BMC Medical Education. – 2022. – Т. 22, № 1. – Art. 524. – DOI: 10.1186/s12909-022-03579-1.
5. Naciri A., Radid M., Kharbach A., Chemsu G. E-learning in health professions education during the COVID-19 pandemic: a systematic review // Journal of Educational Evaluation for Health Professions. – 2021. – Т. 18. – DOI: 10.3352/jeehp.2021.18.27.
6. Sojati J., Murali A., Rapsinski G., Williams J.V. Do Not Throw Away Your Shot: Pilot Study in Improving Medical School Curricula Through Focused Vaccine Education // AJPM Focus. – 2024. – Т. 3, № 2. – Art. 100178. – DOI: 10.1016/j.focus.2023.100178.
7. Tudor Car L., Kyaw B.M., Nannan Panday R.S. van der Kleij R., Chavannes N., Majeed A., Car J. Digital Health Training Programs for Medical Students: Scoping Review // JMIR Medical Education. – 2021. – Т. 7, № 3. – DOI: 10.2196/28275.

-
8. White P., Alberti H., Rowlands G., Tang E., Gagnon D. Dubé È. Vaccine hesitancy educational interventions for medical students: A systematic narrative review in western countries // Human Vaccines & Immunotherapeutics. – 2024. – Т. 20, № 1. – Art. 2397875. – DOI: 10.1080/21645515.2024.2397875.
 9. World Health Organization. Immunization Agenda 2030: A Global Strategy To Leave No One Behind. – Geneva: World Health Organization, 2020. – 60 P.
 10. Zhang E., Dai Z., Wang S., Wang X., Zhang X., Fang Q. Vaccine Literacy and Vaccination: A Systematic Review // International Journal of Public Health. – 2023. – Т. 68. – Art. 1605606. – DOI: 10.3389/ijph.2023.1605606.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Статья поступила в редакцию: 03.08.2026

Статья принята к публикации: 11.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 372.881+378

Обзор исследований учебников по иностранным языкам в китайских вузах в 2016–2025 гг.

Сунь Кайюэ

магистрант факультета русского языка

Институт европейских языков и культур,

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,

Китай, пров. Гуандун

E-mail: kaiyuesun753@gmail.com

Хуан Тяньдэ

канд. филол. наук, доц.,

Лаборатория билингвального сознания и развития,

Центр лингвистики и прикладной лингвистики,

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,

Китай, пров. Гуандун

A review of foreign language textbook research in Chinese higher education institutions (2016–2025)

Sun Kaiyue

Master's student,

Faculty of Russian Language,

Institute of European Languages and Cultures,

Guangdong University of Foreign Studies,

China, Guangdong Province

Huang Tiande

Candidate of Philology, Associate Professor,

Bilingual Cognition and Development Lab,

Center for Linguistics and Applied Linguistics,

Guangdong University of Foreign Studies,

China, Guangdong Province

Библиографическое описание: Сунь К., Хуан Т. Обзор исследований учебников по иностранным языкам в китайских вузах в 2016–2025 гг. // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23394>

Аннотация

Опираясь на базу данных CNKI (Китайская национальная инфраструктура знаний), автор настоящей статьи осуществляет систематический анализ научных публикаций, посвящённых исследованию учебников по иностранным языкам в китайских вузах за последнее десятилетие. В отмеченный период развитие исследований такого рода достигло пика своей активности. При этом фокус сместился с чисто лингвистического содержания на такие экстралингвистические аспекты, как идеологическое воспитание в рамках учебных дисциплин, культурная идентичность и национальное самосознание. В сфере разработки и использования учебников усиливается интерес к таким передовым направлениям, как интеграция искусственного интеллекта и создание учебников нового типа. Вместе с тем выявлен ряд ограничений: во-первых, недостаточное использование теоретических подходов и ограниченная глубина анализа; во-вторых, выраженный дисбаланс в распределении языков исследования при доминировании английского языка и практически полном отсутствии исследований учебников по русскому и другим языкам; в-третьих, методология исследования является довольно однообразной: она в основном опирается на неэмпирические исследования, при этом отсутствует эмпирический анализ, ориентированный на пользователей учебников; в-четвёртых, учебники по цифровой интеллектуализации находятся на начальной стадии эмпирических исследований. Исходя из этого, в данной статье предлагается, чтобы в будущих исследованиях усилилась ориентация на междисциплинарные теории, были преодолены языковые барьеры, а также активно использовались такие технологии, как искусственный интеллект и большие данные, для углубления разработки и оценки эффективности учебников «нового формата» с целью содействия высококачественному развитию образования в области иностранных языков.

Abstract

Drawing on the CNKI database, this study systematically reviews the literature on foreign language textbook research in Chinese higher education over the past decade. The findings indicate that research in this domain has been growing rapidly and has entered a period of peak productivity. The research focus has shifted markedly from a sole emphasis on linguistic knowledge to non-linguistic dimensions, including curriculum-based ideological and political education, cultural identity, and national consciousness. Regarding textbook development and use, scholarship has begun to address cutting-edge topics such as AI-enabled tools and the construction of new-form textbooks. Nevertheless, several limitations persist: first, the application of theoretical perspectives remains insufficiently prevalent and lacks depth; second, there is a severe imbalance in language distribution, with research objects overwhelmingly concentrated on English textbooks, while studies on less commonly taught languages such as Russian are virtually nonexistent; third, research methodologies are rather monolithic, relying primarily on non-empirical approaches with a notable absence of empirical analysis targeting textbook users; and fourth, empirical research on «digital-intelligent» textbook innovation is still in its nascent stage. Accordingly, this paper recommends that future research strengthen interdisciplinary theoretical guidance, break down language barriers, and actively leverage artificial intelligence and big data technologies to deepen the development and efficacy evaluation of new-form textbooks, thereby supporting the high-quality development of foreign language education.

Ключевые слова: китайские вузы, учебники по иностранным языкам, иноязычное образование, идеологическое воспитание, межкультурная коммуникация, Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI).

Keywords: Chinese higher education institutions, foreign language textbooks, foreign language education, curriculum-based ideological and political education, intercultural communication, China National Knowledge Infrastructure.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке грантов Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли «Реформирование и исследование курса “Основы русского языка” на основе долгосрочного эксперимента по отслеживанию педагогического процесса» (№2025XJJG023) и «Интеграция и представление китайской культуры в учебнике “Основы русского языка” с позиции идеологического-политического воспитания в учебном процессе» (№X202611846187). И авторы приносят глубокую благодарность Анастасии Игоревне Ткач, младшему научному сотруднику Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, за ценные замечания, профессиональную редактуру и вычитку русского текста статьи.

Acknowledgements and Funding: This research was supported by grants from Guangdong University of Foreign Studies, namely “Reform and Research of the Course ‘Fundamentals of the Russian Language’ Based on a Long-Term Pedagogical Tracking Experiment” (Grant No. 2025XJJG023) and “Integration and Presentation of Chinese Culture in the Textbook ‘Fundamentals of the Russian Language’ from the Perspective of Curriculum Ideological and Political Education” (Grant No. X202611846187). The authors express sincere gratitude to Anastasia Igorevna Tkach, Junior Research Fellow at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, for her valuable comments as well as the professional editing and proofreading of the Russian text of the article.

Введение

В последние годы учебники по иностранным языкам в Китае эволюционировали от вспомогательных средств обучения к цифровым учебным ресурсам нового типа, обладающим функциями ценностного ориентирования и культурной преемственности [1, с. 37–43]. На государственном уровне чётко обозначено, что именно цифровые учебные материалы должны играть ведущую роль: цифровизация и интеллектуализация учебников по иностранным языкам включены в число приоритетных направлений национального планирования, что способствует развитию учебных материалов нового поколения. В этой связи необходимость и значимость исследований вузовских учебников по иностранным языкам становятся всё более очевидными, превращаясь в важную научную основу обеспечения высококачественного развития иноязычного образования. Современные учебники иностранных языков наделяются множественными функциями и задачами, включая не только подготовку квалифицированных кадров, но и воспитание нравственности, укрепление духовных основ, формирование культурной идентичности и национального духа, а также развитие международной коммуникации. За последнее десятилетие количество китайских исследований в данной области существенно возросло. С целью системного

осмысления траектории развития исследований китайских учебников по иностранным языкам в указанный период в настоящей статье проводится обзор литературы с позиций теоретических подходов, исследовательской проблематики, методов исследования и изучаемых объектов. На основе систематического обзора и обобщения имеющихся результатов исследований учебников по иностранным языкам за 2016–2025 гг. выявляются основные закономерности, обозначаются существующие пробелы и предлагаются ориентиры для дальнейших исследований в области вузовских учебников по иностранным языкам в Китае, особенно в период 15-й пятилетки (2026–2030 гг.).

Материалы и методы

Источником проанализированных в данной работе публикаций является база данных CNKI. В качестве ключевого слова для поиска использовался термин «учебники по иностранным языкам», временной охват составил период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2025 г. Первичный поиск дал 294 публикации. Путём чтения заголовков, аннотаций и частичного ознакомления с полными текстами, руководствуясь критерием фокусировки на вузовских учебниках по иностранным языкам в Китае, из общего массива были исключены работы, не относящиеся к учебникам по иностранным языкам, и материалы конференций, в результате чего было отобрано 119 непосредственно релевантных публикаций, из которых 25 индексируются в CSSCI (Китайский индекс цитирования в области социальных наук) или входят в ядро Пекинского университета (в число основных журналов Пекинского университета), что в определённой степени свидетельствует о значительной исследовательской ценности учебников по иностранным языкам. На основе систематизации и обобщения отобранных публикаций были выявлены существующие пробелы и намечены возможные направления будущих исследований. В ходе анализа литературы было установлено, что тематика исследований вузовских учебников по иностранным языкам в Китае влияет на выбор методов и объектов исследования (соответствия представлены в таблице 2). В данной работе использована классификация исследовательских методов, в которой выделяются эмпирические (количественные, качественные и смешанные) и неэмпирические (умозрительные исследования, обзоры литературы, рецензии) [18, с. 87–95], а также, с учетом особенностей исследований учебников, выделены три дополнительные категории методов: (1) макроанализ учебных материалов – анализ принципов разработки учебных материалов; (2) количественный анализ учебных материалов – подсчёт количества изданных учебных материалов; (3) микроанализ учебных материалов – анализ языковых и неязыковых знаний на основе части учебных материалов.

Таблица 1.

Соответствие методов и объектов исследования тематике исследований

Тематика исследования	Подтема исследования	Методы исследования	Объекты исследования
Разработка учебников (42)	Анализ принципов разработки на материале учебников, созданных другими авторами (18)	Макроанализ учебников (16) Квантитативный анализ учебников (2)	Учебники, созданные другими авторами
	Анализ принципов разработки на материале учебников, в разработке которых принимал участие автор исследования (10)	Макроанализ учебников (10)	Учебники с участием Автора
	Анализ принципов разработки без опоры на конкретный учебник (14)	Умозрительные исследования (12) Рецензии (2)	—
Использование учебников (14)	Исследования рамок использования и примеров (3)	Умозрительные исследования (3)	—
	Исследования текущего состояния и эффективности использования (11)	Эмпирические методы (11)	Преподаватели / студенты
Содержание учебников (63)	Исследования лингвистических знаний (10)	Микроанализ учебников без опоры на корпус (4) Микроанализ на материале корпуса (6)	Учебники, созданные другими авторами
	Исследования нелингвистических знаний (53)	Микроанализ без опоры на корпус (32) Микроанализ на материале корпуса (7) Умозрительные исследования (14)	Учебники, созданные другими авторами

На основе данных, представленных в таблице 2, можно сделать вывод о том, что в исследованиях вузовских учебников по иностранным языкам в Китае преимущественно используются неэмпирические методы, тогда как эмпирические методы применяются значительно реже. В частности, исследования в области разработки учебников включают макроанализ на материале учебников, созданных другими авторами или с участием автора исследования (18), квантитативный анализ учебников (10) и умозрительные исследования (14). Исследования содержания учебников в основном представлены микроанализом учебников, созданных другими авторами (63), причём в некоторых случаях анализ выполнен с привлечением корпусов учебных материалов (13). В исследованиях использования учебников изучение рамок использования и примеров использования опирается на неэмпирические методы (3), тогда как изучение текущего состояния и эффективности использования основано на эмпирических методах с привлечением преподавателей и студентов (11). Например, Чэнь Бижун [29, 105с] исследовала с экологических позиций мнения китайских студентов неязыковых специальностей о вузовских учебниках по иностранному языку и их фактическое поведение при использовании этих учебников на занятиях по английскому языку; результаты показали, что большинство обучающихся демонстрируют «соответствие между восприятием и действием». Под влиянием используемых методов объектами исследования в имеющихся публикациях преимущественно выступают учебники, созданные другими авторами (81), или учебники

с участием автора исследования (10); в ряде работ конкретные объекты не указаны (28), и лишь в небольшом числе исследований объектами являются учителя или учащиеся (11). Это свидетельствует о том, что в современных исследованиях учебников по иностранным языкам эмпирические методы применяются недостаточно, а роль непосредственных участников образовательного процесса – преподавателей и студентов – зачастую игнорируется. Дальнейший анализ показывает, что большинство исследований сосредоточено на вузовских учебниках по английскому языку, тогда как работ, посвящённых другим языкам, крайне мало; имеются лишь отдельные исследования учебников по французскому, немецкому и японскому языкам, тогда как исследования учебников русского языка практически отсутствуют. Вышеизложенное отражает существенные пробелы в выборе объектов исследования в области изучения учебников по иностранным языкам.

Статистический анализ количества опубликованных статей по годам и тематике

Таблица 2.

Количество, годы и тематика опубликованных статей по исследованию учебников иностранных языков в Китае (2016–2025 гг.)

Год публикации	Количество статей	Темы исследований
2025 г.	28	применение ИИ, коллективная разработка учебников, учебники нового типа
2024 г.	18	интеграция идейно-политического воспитания, формирования национального сознания и обучения китайской культуре
2023 г.	19	метод, ориентированный на результат, критическое мышление, разработка междисциплинарных учебников
2022 г.	17	применение теорий оценки, анализ учебников и их соотнесённости с национальными стратегиями
2021 г.	13	цифровая трансформация, мультимедийная публикация, ранние исследования по идейно-политическому воспитанию
2020 г.	7	анализ и оценка репрезентации китайской культуры в учебниках
2019 г.	6	Применение методов эколингвистики и мультимодального дискурса-анализа
2018 г.	3	исследования коммуникативного подхода и культурной чувствительности
2017 г.	5	акцент на анализе потребностей, создании корпусов и эволюции структуры учебников
2016 г.	3	исследования гендерных предрассудков и нормативности языка

На основе данных таблицы можно отметить, что исследования вузовских учебников по иностранным языкам в Китае после 2020 года демонстрируют значительный рост. В 2020 году исследования в основном были сосредоточены на оценке учебников и анализе репрезентации китайской культуры в учебных материалах. Например, Чжан Хун и Юй Жуй [11, с. 42–48] обсуждают вопросы, касающиеся пропорций и форм представления китайской культуры в учебниках по английскому языку для вузов. Лю Дао [22, с. 64–71] анализирует шесть факторов, влияющих на учебники по иностранным языкам. Помимо учебных стандартов, на разработку и составление учебников по иностранным языкам также оказывают влияние обучающиеся, преподаватели, экологическая среда изучения

иностранный язык, методы преподавания и оценка учебного процесса. В 2021–2025 годах наблюдается быстрый рост числа публикаций по исследованию учебников иностранных языков, причём в 2025 году их количество достигло пика — 28 статей, что свидетельствует о повышении внимания к данному направлению, увеличении числа рукописей, а также о росте исследовательской активности и интереса.

Анализ содержания и тематики показывает, что в последние годы основными исследовательскими направлениями стали идейно-воспитательная работа, цифровизация и интеллектуализация, а также продвижение китайской культуры на международной арене. Сяо Вэйцин [20, с. 55–59] на основе обследования трёх комплектов комплексных учебников по английскому языку для вузов и пяти комплектов специализированных учебников по английскому языку, посвящённых китайской культуре, исследует стратегии и существующие проблемы реализации подхода «хорошего рассказа об истории Китая» в вузовских учебниках по английскому языку и выделяет такие аспекты, как временное измерение «китайских историй», глубина их представления, качество языка и сюжетность, что может служить ориентиром для разработки и создания вузовских учебников по английскому языку. Оу Лин и Мо Циян [15, с. 77–84], учитывая особенности эпохи, рассматривают рамочные принципы и основные способы разработки учебников по иностранным языкам с применением искусственного интеллекта в условиях его широкого распространения. Чжань Цзюаньцзюань и Ли Чжицин [27, с. 64–70] в свою очередь, отобрав в качестве образца 7 комплектов государственных вузовских учебников по английскому языку, провели систематическую обработку и анализ данных по «элементам идейно-воспитательной работы» в учебниках с использованием программного обеспечения для качественного анализа NVivo 14. Вэнь Цюфан [6, с. 13–26] обращаясь к существующим проблемам презентации культурологических знаний в современных учебниках, предлагает системную теоретическую рамку и рассматривает пути совершенствования разработки китайских учебников по иностранным языкам через построение «смысловой сети культуры».

Кроме того, из 119 отобранных статей 25 опубликованы в ведущих научных журналах, включая журналы, индексируемые в CSSCI (Китайский индекс цитирования в области социальных наук), и основные журналы Пекинского университета, которые являются авторитетными издательскими площадками в области преподавания иностранных языков и исследований учебников. Временное распределение этих публикаций отражает процесс развития исследований, посвящённых учебникам иностранных языков, от «постепенного накопления» к «взрывному росту»; особенно показательно, что в 2025 году число статей достигло 28, что составляет почти четверть от общего объёма выборки. Данная заметная тенденция роста свидетельствует не только о пристальном внимании академического сообщества к таким актуальным направлениям, как идейно-воспитательная работа в учебном процессе и продвижение китайской культуры на международной арене, но и о том, что исследования учебников по иностранным языкам постепенно перемещаются с периферии в ядро исследований в области преподавания иностранных языков.

Анализ исследовательских измерений

Анализ литературы показывает, что исследования вузовских учебников по иностранным языкам в Китае за последние десять лет в целом характеризуются следующими двумя особенностями. Во-первых, подавляющее большинство учебников, рассматриваемых в этих исследованиях, являются английскими, редко встречаются работы по другим языкам, например, по французскому, немецкому или японскому; при этом исследования учебников по русскому языку как иностранному в целом остаются сравнительно слабыми, публикации практически отсутствуют. С углублением инициативы «Один пояс, один путь» и ростом потребности в кадрах для глобального управления в будущем необходимо способствовать сбалансированному развитию исследований в области учебников по иностранным языкам, преодолев сложившуюся концентрацию на английском языке и усилив исследования учебников по другим языкам. Во-вторых, в отношении содержания учебников по иностранным языкам наблюдается переход от изучения лингвистических знаний к исследованию нелингвистических аспектов, что демонстрирует стремительный рост числа работ, посвящённых культурному и идейно-воспитательному содержанию учебников. Этот сдвиг от поверхностного языкового уровня к глубинным культурным и идейно-воспитательным смыслам проявляется не только в расширении масштабов исследований, но и, что более важно, в углублении их содержательной проработки. Для того чтобы преодолеть сугубо эмпирические описания и придать оценке учебников и анализу их содержания большую системность и научность, исследователи начинают активно привлекать междисциплинарные теоретические рамки и предпринимают попытки многоуровневого углублённого анализа учебников. Классификационная статистика полученных публикаций позволяет наглядно проследить, как теоретические подходы применяются в современных исследованиях учебников. Таким образом, в дальнейшем мы сосредоточимся на анализе трёх аспектов: теоретической перспективы, тематики исследований, а также методов и объектов исследований.

Теоретическая перспектива

Из 119 проанализированных публикаций одна пятая часть выполнена в рамках конкретных теоретических подходов. Среди наиболее репрезентативных работ можно выделить следующие. Чжан Е и Пань Хайин [23, с. 10–18] на основе мультимодальности и системно-функциональной лингвистики разработали пятиуровневую аналитическую рамку, охватывающую культурный контекст, значение, лексико-грамматический уровень, медиа и материальные объекты, с целью исследования того, каким образом учебники иностранных языков нового типа направляют обучающихся на динамическое конструирование культурных смыслов. Вэй Жун [5, с. 14–19] построив дискурсивно-аналитическую рамку на основе экологической философии, предложила преподавателям метаязыковой инструментарий для углублённого выявления элементов идейно-воспитательной работы в вузовских учебниках по английскому языку. Одновременно с этим, опираясь на метод, ориентированный на результат, автор разработала учебный процесс, включающий этапы мотивации, реализации и оценки, направленный на то, чтобы побудить студентов в языковой практике детально различать и воплощать в жизнь ценностные экологические ориентации. Су Фан и Ян Лусинь [16, с. 69–

76] с позиций теории сложных динамических систем глубоко исследуют динамическую природу эволюции субъектности обучающихся в контексте использования учебников по иностранным языкам, а также влияющие на неё факторы. Ван Цзинъи и Жэнь Сяои [2, с. 77–80] применяя систему аттитудов теории оценивания, анализируют, каким образом оценочная лексика — прилагательные, наречия и другие оценочные единицы — в учебнике «Продвинутый курс английского языка» транслирует ценностные ориентации, что позволяет выявить имплицитные элементы идейно-воспитательной работы.

Несмотря на разнообразие теоретических подходов, представленных в данных исследованиях, одни из которых сосредоточены на мультимодальном конструировании смысла, другие на динамической эволюции систем, а третьи – на анализе оценочной лексики, их внутренняя логика в значительной степени едина: все они нацелены на выявление той функции учебников по иностранным языкам, которая заключается в трансляции ценностных ориентаций и формировании культурной идентичности за пределами простой передачи знаний, а также предпринимают попытки предложить операциональные аналитические инструменты или педагогические стратегии для анализа учебников и проектирования учебного процесса. В совокупности эти работы показывают, что конкретные теоретические перспективы выступают не только средством интерпретации содержания учебников, но и ключевым посредником, позволяющим перевести концепцию идейно-воспитательной работы из теоретической плоскости в практическую деятельность, поддающуюся анализу и педагогическому проектированию.

Вместе с тем почти четыре пятых исследований вузовских учебников по иностранным языкам в настоящее время всё ещё проводятся без чётко обозначенной теоретической рамки, что в значительной мере ограничивает теоретическую глубину и объяснительную силу полученных результатов. Несмотря на то, что в последние годы перечисленные выше авторы предприняли плодотворные теоретические изыскания, в целом доля работ с теоретическим обоснованием остаётся по-прежнему невысокой. В будущих исследованиях настоятельно необходимо усилить опору на теоретические основания, активно привлекать разнообразные междисциплинарные теоретические подходы, чтобы на более глубоком уровне анализировать механизмы конструирования знания, пути трансляции ценностей и закономерности когнитивного восприятия в учебниках, способствуя тем самым переходу исследований учебников от описания феноменов к теоретической интерпретации.

Тематика исследований

Основываясь на классификации тем исследований учебников по иностранным языкам, предложенной Harwood [31, 373с], мы распределили 119 публикаций по трём основным категориям: исследования в области разработки учебников, исследования в области использования учебников и исследования содержания учебников. Последние, в свою очередь, подразделяются на исследования лингвистических знаний и исследования нелингвистических знаний в учебниках согласно Adamson [30, 256с].

Разработка учебников

Количество публикаций по разработке учебников составило 42 статьи. В области теоретической разработки Вэнь Цюфан [7, с. 2–11] на основе практического опыта сформулировала теоретическую систему разработки вузовских учебников по иностранным языкам. Данная система включает пять элементов, каждый из которых обладает собственными характеристиками, но при этом все они взаимосвязаны. С точки зрения первоначальной процедуры реализации эти элементы выстраиваются в определённой последовательности, однако в процессе разработки учебников все пять элементов должны функционировать совместно, чтобы обеспечить высокое качество создаваемых учебников по иностранным языкам. Оу Лин и Мо Ция [15, с. 77–84] учитывая особенности искусственного интеллекта, указывают, что разработка учебников должна руководствоваться принципами динамичности и интерактивности и что в будущем учебники по иностранным языкам под воздействием ИИ трансформируются из статичной системы знаний в динамическую интеллектуальную терминальную систему, способную в реальном времени удовлетворять индивидуализированные и многообразные потребности обучающихся. Хуан Фан [21, с. 29–35] в контексте учебников иностранных языков нового типа предлагает, чтобы разработка учебников следовала принципу глубокой интеграции цифровых и интеллектуальных технологий, используя большие данные и искусственный интеллект для реконфигурации мультимодальных ресурсов, осуществляя тем самым переход от однообразного бумажного контента к экосистеме интеллектуального обучения.

Несмотря на различия в исходных позициях, перечисленные исследования объединяет общая картина эволюционной траектории в области разработки учебников по иностранным языкам: от построения строгой теоретической системы, обеспечивающей качество разработки, к внедрению искусственного интеллекта для реализации персонализированного интеллектуального взаимодействия и далее — к трансформации формата учебников с целью развития навыков мышления высокого порядка. Данная траектория отражает тот факт, что разработка учебников выходит за рамки традиционной парадигмы текстового составления и движется к созданию системы, объединяющей теоретическую глубину, технологическую широту и воспитательную направленность. Фокус исследований смещается с вопроса о том, как качественно написать учебник, на вопрос о том, как построить систему учебников, способную к динамическому обучению в эпоху интеллектуальных технологий. При этом подчёркивается, что учебник является ключевым посредником, связывающим учебные стандарты, технологии и развитие преподавателей и учащихся, поэтому необходимо постоянное переосмысление его функций и ценности в процессе динамической эволюции. В целом данные исследования предоставляют управление разработкой учебников на макроуровне».

Вместе с тем современные исследования инноваций в учебниках под знаком «цифровизации и интеллектуализации» по-прежнему нуждаются в дальнейшем углублении. Хотя примерно с 2025 года соответствующие обсуждения вступили в фазу активного роста и начали уделять внимание применению ИИ и созданию учебников нового типа, большинство результатов по-прежнему ограничивается обсуждением принципов и прогнозированием тенденций. Перед лицом значительного влияния искусственного

интеллекта на учебники будущие исследования должны выйти за рамки объяснения макроуровневых концепций и сосредоточиться на изучении возможностей использования таких средств, как анализ больших данных и искусственный интеллект, для обеспечения персонализированного и точного предоставления содержания учебных материалов, обновления базы учебных ресурсов, а также на переосмыслении процессов разработки и критериев оценки учебных материалов в условиях совместного обучения с использованием новых технологий, с тем чтобы по-настоящему превратить цифровизацию и интеллектуализацию из теории в практические решения в области разработки учебных материалов.

Использование учебников

Количество публикаций по использованию учебников составило 14 статей. С одной стороны, исследования касаются построения китайских рамок использования и оценки учебников, под которой понимается конкретная осуществимая схема, выведенная исследователем путём обобщения и предназначенная для оценивания и анализа учебников. Например, Су Фан и Цао Минь [17, с. 114–127] внедрили метод мультимодального анализа взаимодействия в исследование использования учебников по иностранным языкам и разработали оценочную рамку использования учебников. Авторы полагают, что мультимодальный анализ взаимодействия позволяет восстановить реальное состояние использования учебников, а также способствует расширению междисциплинарного дискурсивного пространства в исследованиях учебников. С другой стороны, исследования сосредоточены на том, как преподаватели и студенты используют учебники и каких результатов при этом достигают. Жэнь Мяомяо и Ван Шудун [8, с. 64–67] рассматривают в контексте идейно-воспитательной работы вопрос о том, как преподаватели иностранных языков на основе адаптации учебников и углублённого использования учебников могут достичь органической интеграции языкового обучения и воспитательных целей, и предлагают три основных пути эффективного использования учебников по иностранным языкам. Сюй Цзиньфэнь и Лю Вэньбо [19, с. 132–142] утверждают, что эффективность использования учебников зависит не только от качества самих учебников, но в большей степени от того, как преподаватели понимают и применяют учебники, а также от взаимодействия между различными элементами в педагогическом контексте.

Таким образом, будущие исследования должны расширять определение учебников и контексты их использования, уделять внимание субъектности и кооперативности преподавателей и студентов в процессе использования учебников, будущие исследования должны способствовать диверсификации обучения использованию учебников и диверсификации обучения использованию методов исследования, чтобы обеспечить максимальную трансформацию ценности учебников в педагогической практике. Жэнь Мяомяо и Чэнь Ли [9, с. 129–133] опираясь на теорию «метода, ориентированного на результат», с систематической точки зрения рассматривают по четырём измерениям вопрос о том, как научно использовать учебники на трёх этапах — мотивации, реализации и оценки — для достижения двойной цели: повышения языковой компетенции и ценностного ориентирования. Данная работа обладает значительной практической направленностью, так как в ней предлагается воспроизводимая и масштабируемая педагогическая парадигма

использования учебников в контексте идейно-воспитательной работы при обучении иностранным языкам. Перечисленные исследования в совокупности образуют полный замкнутый цикл — от «построения аналитического инструментария» через «субъектную практическую деятельность» к «внедрению педагогической парадигмы». Вначале была предложена мультимодальная аналитическая рамка, в которой на методологическом уровне предоставляется междисциплинарный взгляд на изучение использования учебников. На этой основе было показано, что ключевым посредником трансформации ценности учебников является человек, что сместило фокус со статического текста на динамическую ситуацию. Затем, отталкиваясь от вторичного развития учебников в рамках идейно-воспитательной работы и конкретных этапов метода, ориентированного на результат, были даны ответы на вопрос о том, как воспитательные цели могут быть трансформированы в воспроизводимые аудиторные действия через конкретные действия преподавателей. Исследования выстраиваются в последовательную цепочку, что знаменует собой переход в изучении использования учебников от анализа отдельных текстов к системному исследованию, сосредоточенному на многомерном взаимодействии преподавателей, студентов, контекста и ресурсов.

Тем не менее, с точки зрения исследовательских методов, существующие исследования использования учебников по-прежнему основываются главным образом на умозрительных обсуждениях и макрооценках, а эмпирические исследования относительно немногочисленны. Хотя корпусные технологии набирают силу, а такие новые методы, как мультимодальный анализ взаимодействия, начинают внедряться, но глубинные интервью, масштабные анкетные опросы и исследования в аудитории, непосредственно направленные на субъектов использования учебников – преподавателей и студентов, всё ещё составляют меньшинство. Будущие исследования должны активно пропагандировать диверсификацию эмпирических методов, уделяя особое внимание микроанализу процессов взаимодействия преподавателей и студентов с учебниками в реальных педагогических ситуациях, их ощущениям, интерпретациям и креативному использованию учебников, чтобы тем самым обогатить исследовательские парадигмы и одновременно более точно выявить реальную эффективность использования учебников и направления для улучшения.

Исследования лингвистических знаний в учебниках

Количество публикаций по исследованию лингвистических знаний в учебниках составило 10 статей. Мяо Сюэ [14, с. 99–101] на основе анализа конкретных примеров выявил логические ошибки, фактические неточности и нарушения языковых норм в упражнениях, адаптированных текстах и толкованиях слов в учебниках, призвав к более строгому подходу к составлению учебных материалов. Последующие исследования в большей степени исходят из конкретных лингвистических аспектов, используя эмпирические методы и корпусные технологии для систематической классификации и углублённого анализа содержания учебников. В частности, соответствующие исследования сосредоточены на следующих трёх направлениях:

(1) лексический анализ: Ван Ли [3 с. 107–109] применяя корпусную методологию, исследовала частотность употребления местоимений, обозначающих гендерную принадлежность, в двух комплектах вузовских учебников по английскому языку

и установила, что в обоих комплексах частота употребления мужских местоимений значительно выше, чем женских, что позволило обсудить проблему андроцентризма в вузовских учебниках по английскому языку. Чжан Ся [24, с. 134] обосновала, что создание микрокорпусов, ориентированных на ключевую лексику учебников, является насущной потребностью реформы вузовского преподавания английского языка, поскольку это позволяет существенно повысить эффективность обучения, укрепить способность студентов к самостоятельному обучению и способствовать углублению научной базы исследований в области иностранных языков.

(2) грамматический анализ: Ван Дань [4, с. 29–30] на примере французского учебника «Alter ego + 1» провела углублённое исследование того, как данный учебник интегрирует обучение грамматике с практическими действиями. Автор показала, что ориентированный на действие подход способен эффективно преобразовывать грамматические правила в коммуникативный инструмент и значительно повысить практические языковые навыки учащихся посредством открытого обучения и задачно-ориентированного подхода. В статье утверждается, что подобный подход к разработке представляет значительный интерес для реформы китайских учебников по иностранным языкам (особенно разделов грамматики). Ма Жуюэ [13, 81с] на основе корпусных данных подтвердила тенденцию возрастания синтаксической сложности в вузовских учебниках по английскому языку по мере повышения уровня, а также указала на расхождение между учебным материалом и аутентичным языком, что предоставляет научное обоснование для разработки новых учебников и совершенствования преподавания грамматики.

(3) дискурсивный анализ: Чжан Синьсинь [25, 106с] на основе лонгитюдной оценки сложности текстов для чтения в вузовских учебниках по английскому языку подтвердила ступенчатый характер их сложности и предоставила теоретическую базу для оптимизации преподавания с учётом уровня текстовой сложности.

Таким образом, проведённые исследования, хотя и относятся к различным аналитическим измерениям – лексике, грамматике и дискурсу, – в совокупности образуют последовательный анализ системы языковых знаний в учебниках. Рассматривая разные уровни языка, они выстраиваются в поступательную последовательность и сходятся на одном ключевом императиве: разработка учебников должна преодолеть инерцию эмпирического подхода и, опираясь на корпусные данные и многомерный эмпирический анализ, обеспечивать точность, научность и адекватность языкового содержания, что в конечном счёте послужит глубокой интеграции целей развития языковых навыков и задач нравственного воспитания и подготовки кадров.

Исследования нелингвистических знаний в учебниках

Количество публикаций по исследованию нелингвистических знаний в учебниках, включая социокультурный компонент (23), концепции воспитания (17), ценностные ориентации (8) и национальный имидж (5), составило 53 статьи. Ли Цзюцзюнь [10, с. 66–75] исследовал особенности представления разных культур в вузовских учебниках общего английского языка и пришёл к выводу, что современные учебники достигли определённого прогресса в реализации задач нравственного воспитания и формировании межкультурной компетенции, однако по-прежнему сохраняется потенциал для оптимизации в плане

сбалансированного распределения культурного материала и системного подхода к его построению. Чжан Хун [26, с. 41] рассматривает роль учебников по иностранным языкам как «посредника культурной трансмиссии» и указывает на существующие недостатки в их разработке. Чжао Даньтун и Сян Минъю [28, с. 98–108] на примере учебника «Понимание современного Китая: комплексный курс английского языка для вузов» углублённо исследуют, каким образом через проектные задания в учебнике осуществляется развитие критического мышления студентов. Авторы показывают, что благодаря серии заданий данный учебник успешно объединяет повышение языковой компетенции и формирование критического мышления, что служит важным ориентиром для разработки аналогичных учебников и их внедрения в преподавание. Лю Цзинь и Сяо Цюн [12, с. 90–96] в макроисторическом контексте системно анализируют роль вузовских учебников по английскому языку в трансляции китайской культуры и формировании национального имиджа. Авторы приходят к выводу о том, что вузовские учебники по английскому языку являются «первым рубежом» в деле «хорошего рассказа о Китае» и требуют системного подхода и глубокой интеграции, чтобы студенты, совершенствуя языковые навыки, укрепляли культурную уверенность и приобретали способность объяснять Китай миру. Хотя четыре указанных исследования акцентируют разные аспекты, все они совместно раскрывают чёткую траекторию трансформации представления лингвистических знаний в учебниках от статического анализа содержания к динамической воспитательной функции. Двигаясь от «оценки культурной презентации» через «конструирование трансмиссионного посредничества» и «формирование национального имиджа» к «реализации воспитательных путей», данные работы демонстрируют, что современные исследования вузовских учебников по английскому языку вышли за рамки восприятия учебника как языкового инструмента и перешли на новый этап, характеризующийся глубоким слиянием передачи знаний, культурного проникновения и формирования ценностных ориентиров.

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ 119 публикаций за 2016–2025 гг. показывает, что сфера исследований вузовских учебников по иностранным языкам в Китае постепенно расширяется как по объёму, так и по тематике. Особенно заметный рост наблюдается после 2020 г., а в 2025 г. количество публикаций достигло 28. При этом исследовательский интерес постепенно смещается от преимущественно языковых и методических вопросов к культурным, ценностным, воспитательным и цифровым аспектам. Одним из основных результатов является изменение представления о функциях учебника. Учебник всё чаще рассматривается не только как средство передачи языковых знаний, но и как инструмент культурной репрезентации, формирования ценностей и развития обучающихся. Это отражает общую тенденцию китайского высшего образования к усилению культурного и воспитательного компонентов обучения иностранным языкам.

Вместе с тем тематическое расширение исследований пока не сопровождается достаточной теоретической и методологической глубиной. Большинство работ основано на анализе содержания учебников, тогда как эмпирические исследования с участием преподавателей и студентов представлены значительно слабее. Поэтому существующие исследования хорошо демонстрируют, что содержится в них, но в меньшей степени

объясняют, как учебники используются и насколько эффективно они влияют на процесс обучения. Другой существенной проблемой является языковой дисбаланс. Основная часть публикаций посвящена учебникам английского языка. Исследования учебников других языков представлены значительно меньше, а исследования учебников русского языка практически отсутствуют. Это ограничивает возможность распространения полученных выводов на систему иноязычного образования в целом и указывает на необходимость расширения языковой базы дальнейших исследований. Анализ также показывает постепенное усиление цифрового направления. В последние годы внимание исследователей всё чаще обращается к цифровым ресурсам, искусственному интеллекту и учебникам нового типа. Однако данное направление пока в основном находится на стадии теоретического обсуждения и разработки, а его реальная педагогическая эффективность требует дальнейшей эмпирической проверки. Таким образом, современные исследования вузовских учебников по иностранным языкам в Китае характеризуются переходом от текстоцентричного анализа к более комплексному изучению содержания, функций и использования учебника. Основными направлениями дальнейшего развития должны стать усиление теоретической базы, расширение эмпирических методов, изучение опыта преподавателей и студентов, а также увеличение числа исследований учебников русского и других иностранных языков. Одновременно развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий создаёт новые возможности для анализа и разработки учебников в период 15-й пятилетки (2026–2030 гг.).

Заключение

В настоящей статье на основе базы данных CNKI проведён систематический обзор исследований вузовских учебников по иностранным языкам в Китае за период с 2016 по 2025 гг. В работе представлена эволюционная траектория развития данной области за последнее десятилетие в трёх измерениях: теоретическая перспектива, тематика исследований, а также методы и объекты исследования. Результаты показывают, что исследования вузовских учебников по иностранным языкам в Китае переживают переход от этапа «постепенного накопления» к этапу «взрывного роста», при этом исследовательский фокус сместился с изучения исключительно лингвистических знаний на многомерные аспекты, включающие идейно-воспитательную работу, культурную идентичность и цифровизацию с интеллектуализацией. На основе анализа выявленных ограничений существующих исследований мы полагаем, что в будущих работах необходимо усилить направляющую роль теоретических подходов, преодолеть имеющую место концентрацию внимания на учебниках по английскому языку и активизировать углублённую разработку и оценку учебников по русскому и другим языкам. Одновременно с этим следует активно внедрять новые технологии, в частности искусственный интеллект, углублять эмпирические исследования учебников «нового типа», а также шире применять корпусный анализ и эмпирические методы, ориентированные на преподавателей и студентов, с целью повышения практической эффективности использования учебников.

Список литературы

1. Ван Ш. О необходимости единства идейности и научности и ведущей роли высококачественных учебников иностранных языков // Исследования учебников по иностранным языкам. – 2022. – № 00. – С. 37–43.
2. Ван Ц., Жэнь С., Ли С. Анализ элементов идеологико-политического содержания в учебниках иностранных языков позиции теории оценки – на примере курса «Продвинутый английский» // Журнал Куньминского металлургического колледжа. – 2022. – № 38. – С. 77–80.
3. Ван Л. Исследование гендерных местоимений в университетских учебниках английского языка на основе корпусного анализа // Журнал Ланьчжоуского транспортного университета. – 2016. – № 35. – С. 107–109.
4. Ван Д. Создание и применение деятельностного подхода в преподавании грамматики в учебниках иностранных языков – на примере французского учебника «Alter ego+ 1» исследование микро-корпуса ключевой лексики университетских учебников английского языка // Молодёжь Шаньси. – 2021. – № 10. – С. 29–30.
5. Вэй Ж. Ценностные ориентации университетских учебников английского языка в контексте идеологико-политического воспитания – экодискурсивный подход // Иностранные языки: исследования. – 2024. – № 41. – С. 14–19. – DOI: 10.13978/j.cnki.wuyj.2024.06.005.
6. Вэнь Ц. Конструирование сети культурных значений в китайских учебниках иностранных языков // Передовые исследования в области иноязычного образования. – 2025. – № 8. – С. 13–26. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2025.0056.
7. Вэнь Ц. Построение теоретической системы разработки университетских учебников иностранных языков // Иностранные языки (журнал Шанхайского университета иностранных языков). – 2023. – № 46. – С. 2–11.
8. Жэнь М., Ван Ш., Чжан Д. Пути эффективного использования учебников иностранных языков в контексте идеологико-политического воспитания // Качественное образование на Западе Китая. – 2024. – № 10. – С. 64–67. – DOI: 10.16681/j.cnki.wcqe.202414014.
9. Жэнь М., Чэнь Л., Сюй С. Эффективное использование учебников по иностранным языкам: единство идейности и научности – на примере курса Digital Retailing // Журнал высшего образования. – 2023. – № 9. – С. 129–133. – DOI: 10.19980/j.CN23-1593/G4.2023.S1.029.
10. Ли Ц. Исследование (меж)культурной репрезентации в университетских учебниках общего английского языка // Мир иностранных языков. – 2023. – № 01. – С. 66–75. – DOI: 10.26971/j.cnki.flw.1004–5112.2023.01.010.
11. Лю Д. О ключевых факторах, влияющих на разработку учебников иностранных языков // Куррикулум. Учебники. Методика. – 2020. – № 40. – С. 64–71. – DOI: 10.19877/j.cnki.kcjcf.2020.02.010.

12. Лю Ц., Сяо Ц. Современное значение и пути реализации роли университетских учебников английского языка в распространении китайской культуры // Высшее образование Китая. – 2024. – № 04. – С. 90–96.
13. Ма Ж. Исследование синтаксической сложности в университетских учебниках английского языка на основе корпусных данных: дис. маг. филол. наук: 05.02.11. – Чанчунь, 2022. – 81 с. – DOI: 10.27162/d.cnki.gjlin.2022.001646.
14. Мяо С. Краткий анализ проблем нормативности языка в учебниках иностранных языков– на примере «Чтение и письмо на английском языке XXI века», том 2 // Учитель. – 2016. – № 26. – С. 99–101.
15. Оу Л., Мо Ц., Лю Ч. Принципы и способы разработки учебников иностранных языковс применением ИИ // Китайские иностранные языки. – 2025. – № 22. – С. 77–84. – DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672–9382.2025.04.009.
16. Су Ф., Ян Л. Кейс-исследование субъектности обучающихся в условиях использования учебников иностранных языков– с позиции теории сложных динамических систем // Китайские иностранные языки. – 2024. – № 21. – С. 69–76. – DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672–9382.2024.03.006.
17. Су Ф., Цао М., Ли И. Новый подход к исследованию использования учебников иностранных языков– мультимодальный интерактивный анализ // Исследования учебников по иностранным языкам. – 2025. – № 2. – С. 114–127.
18. Сюй Ц., Ли С. Обзор и рефлексия методов исследования преподавателей второго языка в Китае и за рубежом (2000–2017) // Журнал Института иностранных языков НОАК. – 2018. – № 41. – С. 87–95.
19. Сюй Ц., Лю В. Использование учебников по иностранным языкам: аналитическая рамка и исследовательская проблематика // Современные иностранные языки. – 2023. – № 46. – С. 132–142. – DOI: 10.20071/j.cnki.xdwy.2023.01.002.
20. Сяо В. Содержание и практика «рассказывания китайских историй» в университетских учебниках английского языка в новую эпоху // Иностранные языки: исследования. – 2024. – № 41. – С. 55–59. – DOI: 10.13978/j.cnki.wuyj.2024.04.004.
21. Хуан Ф. Исследование формирования критического мышления студентов в условиях новых форм учебников и цифрово-интеллектуального сопровождения // Журнал Шанхайского университета науки и технологий (социальные науки). – 2025. – № 47. – С. 29–35. – DOI: 10.13256/j.cnki.jusst.sse.241101565.
22. Чжан Х., Юй Ж. Исследование репрезентации китайской культуры в университетских учебниках английского языка // Передовые исследования в области иноязычного образования. – 2020. – № 3. – С. 42–48. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2020.03.006.
23. Чжан Е., Пань Х. Мультимодальная аналитическая рамка конструирования культурного содержания в учебниках нового типа // Исследования в области иноязычного образования. – 2025. – № 13. – С. 10–18. – DOI: 10.16739/j.cnki.cn21-9203/g4.2025.02.001.
24. Чжан С. Создание и исследование микро-корпуса ключевой лексики университетских учебников английского языка // Талант. – 2017. – № 14.

25. Чжан С. Исследование сложности текстов для чтения в университетских учебниках английского языка: дис. маг. филол. наук: 05.02.11. – Чанчунь, 2023. – 106 с. – DOI: 10.27162/d.cnki.gjlin.2023.004547.
26. Чжан Х. Вступительное слово к тематическому разделу: исследование культурной репрезентации в учебниках иностранных языков // Передовые исследования в области иноязычного образования. – 2022. – № 5. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2022.04.012.
27. Чжань Ш., Ли Ч., Ли П. Исследование представления элементов идеологико-политического воспитания в университетских учебниках английского языка – на основе кодирования в NVivo 14 // Вестник иноязычных исследований. – 2025. – № 06. – С. 64–70. – DOI: 10.16263/j.cnki.23–1071/h.2025.06.008.
28. Чжао Д., Сян М., Лю Л. Проектирование заданий в университетских учебниках английского языка для развития критического мышления – на примере «Понимание современного Китая: комплексный курс английского языка» // Передовые исследования в области иноязычного образования. – 2025. – № 8. – С. 98–108. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2025.0052.
29. Чэнь Б. Исследование взаимосвязи взглядов студентов на учебники иностранных языков и их использования в учебном процессе с экологической точки зрения: дис. маг. филол. наук: 05.02.11. – Сиань, 2025. – 105 с. – DOI: 10.26976/d.cnki.gchau.2024.002490.
30. Adamson, B. China's English: A History of English in Chinese Education. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. – 256 P. – DOI: 10.1515/9789882200647.
31. Harwood, N. (ed.). English Language Teaching Textbooks: Content, Consumption, Production. C. 373. – New York: Palgrave, 2014. – DOI: 10.1057/9781137276285.

References

1. [On the Necessity of the Unity of Ideology and Scientific Nature and the Leading Role of High-Quality Foreign Language Textbooks] // Foreign Language Textbook Research. – 2022. – No. 00. – P. 37–43.
2. Wang Jingyi, Ren Xiaoyi, Li Xuemei. [Analysis of Ideological and Political Content Elements in Foreign-Language Textbooks from the Evaluation-Theory Perspective – Taking “Advanced English” as an Example] // Journal of Kunming Metallurgy College. – 2022. – Vol. 38, No. 05. – P. 77–80.
3. [A Corpus-Based Study of Gender Pronouns in University English Textbooks] // Journal of Lanzhou Jiaotong University. – 2016. – Vol. 35, No. 05. – P. 107–109.
4. [Construction and Application of the Activity-Based Approach in Grammar Teaching Within Foreign-Language Textbooks – Illustrated by the French Textbook Alter ego+ 1] // Youth of Shanxi. – 2021. – No. 10. – P. 29–30.
5. [Value Orientations of University English Textbooks in the Context of Ideological and Political Education – An Ecological-Discourse Approach] // Foreign Languages Research. – 2024. – Vol. 41, No. 06. – P. 14–19. – DOI: 10.13978/j.cnki.wyyj.2024.06.005.

6. [Constructing a Cultural-Meaning Network in Chinese Foreign-Language Textbooks] // Advanced Research in Foreign Language Education. – 2025. – Vol. 8, No. 06. – P. 13–26. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2025.0056.
7. [Constructing a Theoretical System for the Compilation of University Foreign-Language Textbooks] // Foreign Languages (Journal of Shanghai International Studies University). – 2023. – Vol. 46, No. 06. – P. 2–11.
8. Ren Miaomiao, Wang Shudong. Zhang Dongli. [Ways for the Effective Use of Foreign-Language Textbooks in Ideological and Political Education] // Western China Quality Education. – 2024. – Vol. 10, No. 14. – P. 64–67. – DOI: 10.16681/j.cnki.wcqe.202414014.
9. Ren Miaomiao, Chen Li. Xu Xiaojuan. [Effective Use of Foreign-Language Textbooks: Unity of Ideology and Scientificity – A Case of the Digital Retailing Course] // Journal of Higher Education. – 2023. – Vol. 9. – P. 129–133. – DOI: 10.19980/j.CN23-1593/G4.2023.S1.029.
10. [A Study of (Inter-)Cultural Representation in General English University Textbooks] // World of Foreign Languages. – 2023. – No. 01. – P. 66–75. – DOI: 10.26971/j.cnki.flw.1004-5112.2023.01.010.
11. [On the Key Factors Affecting the Compilation of Foreign-Language Textbooks] // Curriculum, Textbooks, Methodology. – 2020. – Vol. 40, No. 02. – P. 64–71. – DOI: 10.19877/j.cnki.kcjcjf.2020.02.010.
12. Liu Jin, Xiao Qiong. Liu Jin, Xiao Qiong. [The Contemporary Value and Implementation Paths of University English Textbooks in Disseminating Chinese Culture] // China Higher Education. – 2024. – No. 04. – P. 90–96.
13. [A Corpus-Data-Based Study of Syntactic Complexity in University English Textbooks]: Master's thesis in Philology: 05.02.11. Changchun. – Changchun. – 2022. – 81 P. – DOI: 10.27162/d.cnki.gjlin.2022.001646.
14. [A Brief Analysis of Language Normative Problems in Foreign-Language Textbooks – Taking “21st-Century English Reading and Writing,” as an Example] // The Teacher. – 2016. – Vol. 2, No. 26. – P. 99–101.
15. Ou Ling, Mo Qiyan. Liu Zhenguang. [Principles and Methods of Compiling Foreign-Language Textbooks with the Application of Artificial Intelligence] // Foreign Languages in China. – 2025. – Vol. 22, No. 04. – P. 77–84. – DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2025.04.009.
16. Su Fang, Yang Luxin. Su Fang, Yang Luxin. [A Case Study of Learner Agency in Foreign-Language Textbook Use from the Perspective of Complex Dynamic Systems Theory] // Foreign Languages in China. – 2024. – Vol. 21, No. 03. – P. 69–76. – DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2024.03.006.
17. Su Fang, Cao Min. Li Yihui. [A New Research Approach to Foreign-Language Textbook Use – Multimodal Interaction Analysis] // Foreign Language Textbook Research. – 2025. – No. 02. – P. 114–127.
18. Xu Jinfen, Li Xia. Xu Jinfen, Li Xia. [Review and Reflection on Research Methods of Second-Language Teachers at Home and Abroad (2000–2017)] // Journal of PLA University of Foreign Languages. – 2018. – Vol. 41, No. 04. – P. 87–95.

19. Xu Jinfen, Liu Wenbo. Xu Jinfen, Liu Wenbo. [Foreign-Language Textbook Use: Analytical Framework and Research Agenda] // *Modern Foreign Languages*. – 2023. – Vol. 46, No. 01. – P. 132–142. – DOI: 10.20071/j.cnki.xdwy.2023.01.002.
20. [Content and Practice of “Telling Chinese Stories” in University English Textbooks in the New Era] // *Foreign Languages Research*. – 2024. – Vol. 41, No. 04. – P. 55–59. – DOI: 10.13978/j.cnki.wyyj.2024.04.004.
21. [Research on Cultivating Students’ Critical Thinking Under New Textbook Forms and Digital-Intelligent Support] // *Journal of Shanghai University of Science and Technology (Social Sciences)*. – 2025. – Vol. 47, No. 01. – P. 29–35. – DOI: 10.13256/j.cnki.jusst.sse.241101565.
22. Zhang Hong, Yu Rui. Zhang Hong, Yu Rui. [A Study on the Representation of Chinese Culture in University English Textbooks] // *Advanced Research in Foreign Language Education*. – 2020. – Vol. 3, No. 03. – P. 42–48. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2020.03.006.
23. Zhang Ye, Pan Haiying. Zhang Ye, Pan Haiying. [A Multimodal Analytical Framework for Constructing Cultural Content in New-Type Textbooks] // *Foreign Language Education Research*. – 2025. – Vol. 13, No. 02. – P. 10–18. – DOI: 10.16739/j.cnki.cn21-9203/g4.2025.02.001.
24. [Construction and Research of a Micro-Corpus of Core Vocabulary for University English Textbooks] // *Talent*. – 2017. – No. 14.
25. [A Study of Reading-Text Complexity in University English Textbooks]: Master’s thesis in Philology: 05.02.11. Changchun. – Changchun. – 2023. – 106 P. – DOI: 10.27162/d.cnki.gjlin.2023.004547.
26. [Introduction to the Thematic Section: Research on Cultural Representation in Foreign-Language Textbooks] // *Advanced Research in Foreign Language Education*. – 2022. – Vol. 5, No. 04. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2022.04.012.
27. Zhan Shuangjuan, Li Zhiqing. Li Pan. [Research on the Presentation of Ideological and Political Education Elements in University English Textbooks – Based on NVivo 14 Coding] // *Journal of Foreign Language Studies*. – 2025. – No. 06. – P. 64–70. – DOI: 10.16263/j.cnki.23–1071/h.2025.06.008.
28. Zhao Dantong, Xiang Mingyu. Liu Li. [Task Design in University English Textbooks for Critical-Thinking Development – Taking “Understanding Modern China: A Comprehensive English Course” as an Example] // *Advanced Research in Foreign Language Education*. – 2025. – Vol. 8, No. 05. – P. 98–108. – DOI: 10.20083/j.cnki.fleic.2025.0052.
29. [A Study on the Relationship Between Students’ Perceptions of Foreign-Language Textbooks and Their Textbook Use from an Ecological Perspective]: Master’s thesis in Philology: 05.02.11. Xi’an. – Xi’an. – 2025. – 105 P. – DOI: 10.26976/d.cnki.gchau.2024.002490.
30. Adamson, B. *China’s English: A History of English in Chinese Education*. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. – 256 P. – DOI: 10.1515/9789882200647.
31. Harwood, N. (ed.). *English Language Teaching Textbooks: Content, Consumption, Production*. – New York: Palgrave, 2014. – 373 P. – DOI: 10.1057/9781137276285.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И СПОРТИВНАЯ ПЕДАГОГИКА

Статья поступила в редакцию: 22.09.2026

Статья принята к публикации: 27.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 796:378

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23470

Взаимосвязь между уровнем физической подготовленности и учебными достижениями будущих педагогов-психологов

Еримбетов Нуржигит

адъюнкт-проф. Школы физической культуры и спорта международного университета туризма и гостеприимства

Республика Казахстан, г. Туркестан

E-mail: Nurzhigit-wrestling@mail.ru

Баймуханбетов Багдат

PhD

и.о. проф. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави

Республика Казахстан, г. Туркестан

The relationship between physical fitness level and academic achievement among future educational psychologists

Yerimbetov Nurzhigit

Associate Professor

At the School of Physical Education and Sports International University of Tourism and Hospitality

Republic of Kazakhstan, Turkistan

Baimukhanbetov Bagdat

PhD, associate professor,

Khoja Akhmet Yassawi International

Kazakh-Turkish University,

Republic of Kazakhstan, Turkistan

Аннотация

В статье исследована взаимосвязь между уровнем физической подготовленности будущих педагогов-психологов и их академической успеваемостью. Цель исследования — определить взаимосвязь показателей физической подготовленности студентов с их учебными достижениями и интерпретировать полученные результаты на основе научных трудов. В исследовании приняли участие 15 студентов: 13 женщин и 2 мужчины; 14 студентов

Библиографическое описание: Еримбетов Н., Баймуханбетов Б. Взаимосвязь между уровнем физической подготовленности и учебными достижениями будущих педагогов-психологов // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23470>

обучались по государственному гранту, 1 студент — на платной основе. Академическая успеваемость оценивалась по среднему баллу результатов шести экзаменов. Физическая подготовленность определялась на основе сводного индекса оценок за прыжок в длину с места, силовую подготовку (поднимание туловища из положения лёжа на спине у женщин и подтягивание у мужчин) и бег на 100 метров.

В ходе исследования применялись: описательная статистика, ранговый корреляционный анализ Спирмена и направленный контент-анализ научных работ по теме. Среднее значение академической успеваемости составило $82,32 \pm 4,49$ балла, а сводный индекс физической подготовленности — $3,11 \pm 0,35$ балла. Между общей физической подготовленностью и средней академической успеваемостью была выявлена статистически значимая положительная взаимосвязь ($\rho = 0,629$; $p = 0,012$). Наиболее сильная связь наблюдалась с результатом четвертого экзамена ($\rho = 0,797$; $p < 0,001$). Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к более высоким учебным показателям у студентов с более высоким уровнем физической подготовленности. Однако ввиду малой выборки и корреляционного характера исследования результаты следует интерпретировать как статистическую взаимосвязь между переменными, а не как причинно-следственное влияние.

Abstract

This article examines the relationship between physical fitness and academic achievement among future educational psychologists. The study aimed to determine the association between students' physical fitness indicators and their academic achievement and to interpret the findings in light of relevant scientific literature. The study involved 15 students: 13 women and 2 men; 14 students were state-funded, while 1 was enrolled on a tuition-paying basis. Academic achievement was assessed using the average score from six examinations. Physical fitness was measured using a composite index comprising standing long jump, strength performance—trunk lifts from a supine position for women and pull-ups for men—and the 100-metre sprint. Descriptive statistics, Spearman's rank correlation analysis, and a targeted content analysis of relevant scientific publications were employed. The mean academic achievement score was 82.32 ± 4.49 , while the mean composite physical fitness index was 3.11 ± 0.35 . A statistically significant positive correlation was found between overall physical fitness and average academic achievement ($\rho = 0.629$; $p = 0.012$). The strongest correlation was observed with the fourth examination result ($\rho = 0.797$; $p < 0.001$). The findings indicate that students with higher physical fitness levels tend to demonstrate better academic achievement. However, given the small sample size and correlational design, the results should be interpreted as a statistical association rather than a causal relationship.

Ключевые слова: педагог-психолог, физическая подготовленность, академическая успеваемость, студент, физическая активность, корреляционный анализ, контент-анализ.

Keywords: educational psychologist, physical fitness, academic achievement, student, physical activity, correlation analysis, content analysis.

Введение

В системе высшего образования подготовка будущего педагога-психолога не ограничивается формированием профессиональных знаний и психолого-педагогических компетенций. Профессиональная деятельность такого специалиста требует высокой концентрации внимания, эмоциональной устойчивости, саморегуляции, устойчивости в общении и способности длительно сохранять умственную работоспособность. В этой связи физическая подготовленность рассматривается не только как ресурс здоровья студента, но и как комплексный фактор, способный влиять на организацию его учебной деятельности.

Возможная взаимосвязь физической активности и учебных достижений объясняется физиологическими и психологическими механизмами. Регулярная двигательная активность улучшает функционирование сердечно-сосудистой и дыхательной систем, поддерживает мозговое кровообращение и может влиять на нейропластичность, внимание, рабочую память и исполнительные функции. Кроме того, двигательный режим связан с такими промежуточными переменными, как качество сна, эмоциональное состояние, академический стресс и самоконтроль. Для педагогов-психологов эти механизмы особенно важны, поскольку их профессиональная подготовка требует одновременной активации когнитивных и эмоциональных ресурсов.

Эмпирические данные о связи физической активности с академической успеваемостью студентов неоднозначны: наряду с положительными результатами имеются исследования, в которых статистически значимая зависимость не выявлена. Различия могут быть обусловлены дизайном исследований, способами измерения активности и критериями учебных достижений. Поэтому актуальным является сопоставление объективных оценок физической подготовленности с учебными показателями в конкретной образовательной программе.

Цель исследования — определить взаимосвязь между уровнем физической подготовленности будущих педагогов-психологов и их академической успеваемостью, а также интерпретировать полученные результаты на основе контент-анализа научных работ по данной теме. Задачи исследования: охарактеризовать показатели учебной успеваемости и физической подготовленности студентов; рассчитать сводные индексы; оценить корреляционную связь между ними; систематизировать основные результаты и объяснительные механизмы, представленные в научной литературе.

Содержательная систематизация научной литературы позволяет рассматривать взаимосвязь физической подготовленности и академической успеваемости по четырём основным направлениям: 1) кардиореспираторная и общая физическая подготовленность; 2) когнитивные функции и саморегуляция; 3) психологическое благополучие и академический стресс; 4) физическая активность будущих педагогов как профессиональный образец.

Хотя понятия «физическая активность» и «физическая подготовленность» взаимосвязаны, они не являются тождественными. Физическая активность характеризует частоту, продолжительность и интенсивность движений, выполняемых человеком в течение определённого времени. Физическая подготовленность отражает достигнутый уровень таких функциональных качеств, как быстрота, сила, выносливость, гибкость и координация, обеспечивающих выполнение двигательной деятельности. Исходные данные, анализируемые

в настоящей статье, содержат не объём выполненных упражнений, а оценки подготовленности, полученные по конкретным нормативам. Поэтому выводы, представленные литературными источниками относительно физической активности, помогают интерпретировать результаты исследования. Однако эти два понятия напрямую не отождествляются.

Значение физической активности для здоровья закреплено в международных рекомендациях. Для взрослых обоснована необходимость регулярной двигательной активности умеренной и высокой интенсивности, а также сокращения времени, проводимого в сидячем положении [2]. В студенческий период учебное расписание и длительное использование цифровых устройств могут усиливать малоподвижное поведение; поэтому занятия физической культурой и повседневную активность следует рассматривать как компоненты образовательного процесса, поддерживающие здоровье и работоспособность.

Регулярная двигательная активность может способствовать улучшению настроения, стрессоустойчивости и общего самочувствия [4]. Поскольку подготовка педагогов-психологов включает консультирование, диагностику и педагогическое общение и требует эмоциональной саморегуляции, физическая активность может косвенно влиять на успеваемость посредством сохранения психологических ресурсов.

В исследовании принял участие 261 студент. Максимальное потребление кислорода оказалось значительно выше в группе с высокой академической успеваемостью; учебные результаты также были связаны с артериальным давлением и особенностями сна [6]. Эти данные позволяют рассматривать физическую подготовленность не только как спортивную способность, но и как функциональный ресурс учебной деятельности.

Систематический обзор и метаанализ исследований студентов университетов выявил положительную связь между высокой физической активностью и академической успеваемостью. Однако нарративный анализ дал смешанные результаты, а достоверность метааналитического вывода была оценена как низкая [7]. Противоречия могут быть связаны с неоднородностью инструментов измерения, использованием самоотчётов, различиями в оценке успеваемости и преобладанием поперечных дизайнов.

В рандомизированном полевом эксперименте предоставление студентам бесплатного абонеента в спортивный зал повысило частоту упражнений, снизило вероятность прекращения обучения и несдачи экзаменов, а также увеличило число завершённых курсов. Возможными посредниками эффекта выступили — более здоровый образ жизни и воспринимаемый самоконтроль [3]. Этот механизм особенно важен с учётом роли саморегуляции в подготовке педагогов-психологов.

Метаанализ 35 рандомизированных исследований показал, что физические упражнения снижают академическое выгорание и оказывают небольшое, но статистически значимое положительное влияние на общие учебные достижения [8]. Следовательно, эффект активности может реализовываться не только через академический балл, но и через эмоциональное отношение к учёбе и уровень стресса.

Исследования по педагогическим специальностям дополняют профессиональный контекст. У большинства студентов педагогических направлений были выявлены сниженные показатели физического состояния [5]. Среди 796 будущих учителей более продолжительный

и непрерывный спортивный опыт был связан с более высокой физической активностью во взрослом возрасте [1]. Личные двигательные привычки будущего педагога могут иметь значение и как образец профессионального поведения.

Авторы подчёркивают, что личные двигательные привычки будущего педагога впоследствии могут влиять на активное поведение обучающихся в профессиональной среде.

Материалы и методы

Исследование выполнено в количественном, поперечном и корреляционном дизайне. Выборку составили 15 будущих педагогов-психологов. Среди участников было 13 женщин (86,7 %) и 2 мужчины (13,3 %); 14 студентов обучались по государственному гранту (93,3 %), 1 студент — на платной основе (6,7 %). Малый объём выборки и её несбалансированность по полу и форме финансирования ограничили межгрупповые статистические сравнения, поэтому эти признаки представлены только на описательном уровне.

Исследование основывалось на имеющихся данных одной академической группы. Имена и фамилии участников не использовались; каждому студенту был присвоен код от 1 до 15. Анализ был направлен на агрегированное сопоставление академических оценок и результатов физической подготовленности. Информация, позволяющая идентифицировать отдельного студента, в итоговых таблицах и диаграмме не приводилась.

Академическая успеваемость оценивалась по результатам шести экзаменов. Для каждого студента рассчитывалось среднее арифметическое шести оценок, на основании чего была сформирована переменная «средняя академическая успеваемость». Внутренняя согласованность экзаменационных оценок была удовлетворительной (α Кронбаха = 0,776), что позволило использовать средний показатель в качестве сводного индикатора.

Физическая подготовленность оценивалась по трём компонентам: прыжок в длину с места, силовая подготовка и бег на 100 метров. Силовая подготовка измерялась с учётом пола: у женщин — подниманием туловища из положения лёжа на спине, у мужчин — подтягиванием. Поскольку все задания оценивались по общей шкале от 2 до 4 баллов, среднее арифметическое трёх оценок было рассчитано как «сводный индекс физической подготовленности». Более высокое значение соответствовало более высокому уровню подготовленности.

При статистической обработке использовались среднее значение (M), стандартное отклонение (SD), медиана, минимальное и максимальное значения. Поскольку оценки физической подготовленности представлены в порядковой шкале, а объём выборки мал, основная взаимосвязь оценивалась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (ρ). Порог статистической значимости был установлен на уровне $p < 0,05$. Результаты множественных сравнений по отдельным испытаниям интерпретировались как разведочные.

Результаты и обсуждения

Средняя успеваемость участников по шести экзаменам составила 82,32 балла ($SD = 4,49$), медиана — 83,17 балла. Минимальный средний результат равнялся 69,17, максимальный — 87,33. Среди экзаменов наиболее высокий средний балл отмечен на первом экзамене (86,67), наиболее низкий — на третьем (76,47); разброс результатов третьего экзамена также был наибольшим ($SD = 10,26$).

Таблица 1.

Описательная статистика результатов экзаменов

Показатель	М	SD
Экзамен 1	86,67	5,31
Экзамен 2	83,33	4,67
Экзамен 3	76,47	10,26
Экзамен 4	86,33	6,86
Экзамен 5	80,00	5,21
Экзамен 6	81,13	5,19
Среднее значение шести экзаменов	82,32	4,49

Сводный индекс физической подготовленности варьировал от 2,67 до 3,67; среднее значение составило 3,11 ($SD = 0,35$), медиана — 3,00. У трёх студентов с индексом 2,67 средний академический балл составил 75,83; у семи студентов с индексом 3,00 — 83,71; у двух студентов с индексом 3,33 — 81,08; у трёх студентов с индексом 3,67 — 86,39. Общая тенденция указывает на повышение академической успеваемости по мере роста физической подготовленности, однако в малой группе с уровнем 3,33 ($n = 2$) наблюдалось нелинейное отклонение.

Согласно описательному анализу, средняя академическая успеваемость студенток составила 83,40 балла, а индекс физической подготовленности — 3,13 балла. У двух студентов-мужчин соответствующие средние значения составили 75,33 и 3,00. Однако наличие только двух мужчин не позволяет надёжно оценить различия между полами. Аналогично, поскольку на платной основе обучался лишь один участник, статистическое сравнение студентов, обучающихся по гранту и на платной основе, не проводилось. Эти показатели представлены исключительно для характеристики структуры выборки.

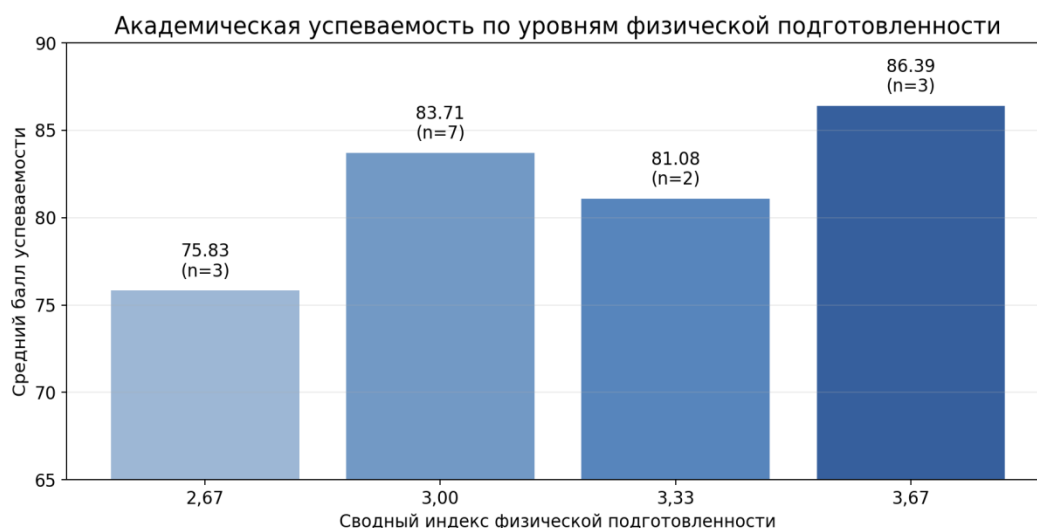

Рисунок 1. Средние значения академической успеваемости по уровням индекса физической подготовленности

Корреляция Спирмена показала наличие умеренно сильной и статистически значимой положительной взаимосвязи между сводным индексом физической подготовленности и средним баллом по шести экзаменам ($\rho = 0,629$; $p = 0,012$). Это означает, что в данной выборке студенты с более высоким уровнем физической подготовленности имели тенденцию к более высоким учебным результатам. Однако сама по себе корреляция не доказывает причинно-следственную связь.

Таблица 2.

Корреляция показателей физической подготовленности и академической успеваемости

Переменные	ρ	p	Интерпретация
Сводный индекс физической подготовленности - средняя академическая успеваемость	0,629	0,012	Значимая положительная связь
Прыжок в длину с места - средняя академическая успеваемость	0,415	0,124	Положительная, незначимая
Силовая подготовка - средняя академическая успеваемость	0,393	0,148	Положительная, незначимая
Бег на 100 м - средняя академическая успеваемость	0,404	0,136	Положительная, незначимая

При анализе отдельных экзаменов наиболее сильная связь была выявлена с четвёртым экзаменом ($\rho = 0,797$; $p < 0,001$). Для второго ($\rho = 0,483$; $p = 0,068$) и шестого ($\rho = 0,474$; $p = 0,074$) экзаменов наблюдалась положительная тенденция, не достигшая уровня 0,05. Для первого экзамена $\rho = 0,435$ ($p = 0,105$), для третьего — $\rho = 0,160$ ($p = 0,568$), для пятого — $\rho = 0,151$ ($p = 0,592$). Вышеназванные показатели позволяют предположить, что возможная связь физической подготовленности может варьироваться в зависимости от особенностей дисциплины или оценивания.

Выявленная положительная взаимосвязь требует осторожной интерпретации: поперечный дизайн не позволяет установить причинность или исключить обратную связь. Возможное объяснение состоит в том, что студенты с высокой учебной дисциплиной одновременно лучше организуют режим дня, сон и физические тренировки.

Результат согласуется с данными о более высокой кардиореспираторной подготовленности у студентов с высокой успеваемостью [6]. В настоящей выборке отдельные двигательные испытания имели положительное направление связи, но не достигли статистической значимости; следовательно, сводный показатель, объединяющий быстроту, силу и взрывную силу, может быть информативнее отдельного норматива.

Неоднозначные выводы систематического обзора дополнительно ограничивают обобщение результата [7]. В литературе физическая активность часто оценивается по самоотчётам, тогда как в данном труде использованы нормативные оценки физической подготовленности, не отражающие объём повседневной активности. В дальнейших исследованиях целесообразно дополнить их количеством шагов, продолжительностью нагрузки и показателями кардиореспираторной выносливости.

Предполагаемыми психологическими посредниками связи выступают самоконтроль, образ жизни и снижение академического выгорания [3; 8]. Для будущих педагогов-психологов физическая активность может поддерживать эмоциональную саморегуляцию и устойчивую когнитивную работоспособность.

Очень высокая связь с четвёртым экзаменом может быть обусловлена содержанием дисциплины, форматом экзамена или условиями периода подготовки. Использовать результат только одного экзамена в качестве основного доказательства некорректно, поскольку одновременно рассматривались шесть корреляций, а в малой выборке возрастает вероятность получения случайно высокого коэффициента. Поэтому основной вывод опирается на сводную взаимосвязь, рассчитанную по среднему показателю шести экзаменов.

Практическая значимость исследования состоит в обосновании системной, добровольной и индивидуально адаптированной поддержки физической активности будущих педагогов-психологов. Она может включать активные перерывы, рекомендации по безопасной двигательной активности, доступ к спортивной инфраструктуре и программы снижения стресса. Эти меры не гарантируют повышения академического балла, но способны поддерживать функциональные и психологические ресурсы студентов.

Эффективность мер целесообразно отслеживать по трёхэтапной схеме: исходная оценка физической подготовленности и учебной нагрузки, реализация индивидуальных рекомендаций, повторная оценка физического состояния, субъективного благополучия и академических результатов в конце семестра. Такой мониторинг позволяет определить направление изменений, хотя сам по себе не доказывает причинно-следственную связь.

Ограничения исследования: малый объём выборки ($n = 15$); неравное количество женщин и мужчин; наличие только одного студента на платной форме обучения; отсутствие контроля возраста, курса, сна, питания, состояния здоровья, стресса и социально-экономических факторов; преобразование результатов физической подготовленности в балльную шкалу; поперечный дизайн. В связи с этим результаты нельзя напрямую обобщать для всех студентов — будущих педагогов-психологов. В последующих исследованиях рекомендуется расширить выборку, охватить несколько учебных заведений и применить продольный или экспериментальный дизайн.

Заключение

В выборке из 15 будущих педагогов-психологов средняя академическая успеваемость составила $82,32 \pm 4,49$ балла, а сводный индекс физической подготовленности — $3,11 \pm 0,35$ балла. Между показателями выявлена умеренно сильная статистически значимая положительная связь (r Спирмена = 0,629; $p = 0,012$), подтвердившая гипотезу в пределах данной выборки.

Отдельные двигательные испытания имели положительное направление связи с успеваемостью, однако не достигли статистической значимости. Это указывает на целесообразность комплексной оценки физической подготовленности и осторожного отношения к высокой корреляции с отдельным экзаменом.

Контент-анализ связывает полученную зависимость с кардиореспираторной подготовленностью, саморегуляцией, сном, образом жизни и академическим стрессом. Результат не доказывает причинного влияния; его необходимо проверить на более крупной и сбалансированной выборке с использованием объективных показателей активности и продольного либо экспериментального дизайна.

Список литературы

1. Abate Daga F., Cazzoli S., Agostino S. Continuity of sport participation across developmental stages and physical activity levels: a life-course perspective in future teachers // Healthcare. – 2026. – Т. 14, № 9. – Art. 1142. – DOI: 10.3390/healthcare14091142.
2. Bull F.C., Al-Ansari S.S., Biddle S. et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour // British Journal of Sports Medicine. – 2020. – Т. 54, № 24. – P. 1451–1462. – DOI: 10.1136/bjsports-2020-102955.
3. Cappelen A.W., Charness G., Ekström M. et al. Exercise improves academic performance // Journal of Political Economy. – 2026. – Т. 134, № 1. – P. 397–434. – DOI: 10.1086/738251.
4. Mahindru A., Patil P., Agrawal V. Role of physical activity on mental health and well-being: a review // Cureus. – 2023. – Т. 15, № 1. – DOI: 10.7759/cureus.33475.
5. Matsukhova Y., Mykytchyk O. Physical condition of first-level higher education students studying pedagogical specialties // Theory and Practice of Physical Culture and Sports. – 2024. – Т. 3, № 1. – P. 35–41. – DOI: 10.69587/tppcs/1.2024.35.
6. Redondo-Flórez L., Ramos-Campo D.J., Clemente-Suárez V.J. Relationship between physical fitness and academic performance in university students // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Т. 19, № 22. – Art. 14750. – DOI: 10.3390/ijerph192214750.
7. Trott M., Johnstone J., Firth J. et al. Association between physical activity and academic performance in university students: systematic review and meta-analysis // Journal of Education and Health Promotion. – 2024. – Т. 13. – Art. 273. – DOI: 10.4103/jehp.jehp_1618_23.
8. Wang Y., Zhang H. Effects of physical exercise on academic burnout and achievement in university students: a meta-analysis of randomized controlled trials // Frontiers in Psychology. – 2026. – Т. 17. – Art. 1840246. – DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1840246.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Статья поступила в редакцию: 24.09.2026

Статья принята к публикации: 04.10.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 372.881.1:811.531

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23498

Цифровая образовательная среда в обучении корейскому языку как иностранному: вызовы и методические решения

Меркулова Алина Станиславовна

преподаватель кафедры иностранных языков и перевода

Уральский федеральный университет

Российская Федерация, г. Екатеринбург

E-mail: as.merkulove@yandex.ru

Digital educational environment in teaching Korean as a foreign language: challenges and methodological solutions

Merkulova Alina

lecturer

Department of Foreign Languages and Translation Ural Federal University

Russian Federation, Yekaterinburg

Аннотация

Цель исследования заключается в выявлении специфических трудностей использования цифровых средств при обучении корейскому языку как иностранному и определить методические решения, способствующие формированию лексических и коммуникативных навыков обучающихся. Методологическую основу составили анализ научной литературы по проблемам цифровой образовательной среды и онлайн-обучения иностранным языкам, обобщение педагогического опыта преподавания корейского языка и функциональный анализ применяемых цифровых инструментов. Установлено, что эффективность обучения корейскому языку с применением цифровых средств ограничивается техническими трудностями ввода текста на хангыле, недостаточной адаптированностью отдельных платформ к корейской письменности, ограниченностью качественных цифровых ресурсов и ослаблением социально-эмоционального взаимодействия в онлайн-формате. Показано, что преодоление этих затруднений возможно при поэтапном включении цифровых средств в семантизацию, тренировку и активизацию лексики, а также при использовании

Библиографическое описание: Меркулова А.С. Цифровая образовательная среда в обучении корейскому языку как иностранному: вызовы и методические решения // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23498>

интерактивных досок, цифровых платформ и генеративного искусственного интеллекта в рамках педагогически спроектированной системы заданий. Сделан вывод, что результативность цифровой образовательной среды определяется не количеством сервисов, а их соответствием целям обучения, особенностям корейского языка и организации речевого взаимодействия. Практическая значимость работы состоит в возможности применения предложенных решений при проектировании курсов корейского языка, разработке цифровых заданий и совершенствовании методики формирования лексических и коммуникативных навыков студентов.

Abstract

The study aims to identify the specific challenges of using digital tools in Korean as a foreign language instruction and to determine methodological solutions that facilitate the development of learners' lexical and communicative skills. The methodology includes an analysis of scholarly literature on digital learning environments and online foreign language teaching, a synthesis of teaching experience in Korean language instruction, and a functional analysis of digital tools used in the learning process. The findings indicate that the effectiveness of Korean language instruction supported by digital tools is limited by technical difficulties associated with Hangul text input, the insufficient adaptation of certain platforms to Korean writing, the limited availability of high-quality digital resources, and weaker socio-emotional interaction in online settings. These difficulties can be addressed through the phased integration of digital tools into vocabulary presentation, practice, and activation, as well as through the use of interactive whiteboards, digital platforms, and generative artificial intelligence within a pedagogically designed system of tasks. The study concludes that the effectiveness of a digital learning environment depends not on the number of services used, but on their alignment with learning objectives, the characteristics of the Korean language, and the organization of communicative interaction. The practical significance lies in the applicability of the proposed solutions to Korean language course design, the development of digital tasks, and the improvement of methods for fostering students' lexical and communicative skills.

Ключевые слова: методика обучения корейскому языку, цифровая образовательная среда, цифровая трансформация языкового образования, цифровые технологии в обучении иностранным языкам, искусственный интеллект, лексические навыки, коммуникативные навыки.

Keywords: Korean language teaching methodology, digital educational environment, digital transformation of language education, digital technologies in foreign language teaching, artificial intelligence, lexical skills, communicative skills.

Введение

Цифровая трансформация образования изменила способы представления учебного материала, организации самостоятельной работы и взаимодействия преподавателя с обучающимися. И.В. Роберт связывает ее с существенными изменениями образовательного процесса, возникающими при активном и систематическом использовании цифровых технологий и затрагивающими образовательные ресурсы, информационно-методическое

обеспечение, коммуникацию и состав образовательной среды [6, с. 869]. При этом цифровые средства должны рассматриваться не изолированно, а как элементы специально организованной образовательной среды. С.В. Тарасов определяет образовательную среду как подсистему социокультурной среды и целостность специально организованных педагогических условий развития личности [7, с. 133]. Развивая данное положение, С.С. Хапаева рассматривает цифровую образовательную среду (далее – ЦОС) как подсистему образовательной среды, в которой условия обучения, воспитания и развития личности реализуются на основе цифровых технологий [8, с. 785]. Е.О. Иванова и И.М. Осмоловская подчеркивают, что информационно-образовательная среда включает не только ресурсы и оборудование, но и субъектов образовательного процесса, а ее компоненты должны обеспечивать целостный дидактический цикл и социальную познавательную коммуникацию [1, с. 19, 23–24]. Следовательно, ЦОС представляет собой педагогически организованную систему, объединяющую содержание, учебную деятельность, взаимодействие, контроль и обратную связь.

В обучении иностранным языкам возможности такой среды реализуются прежде всего через организацию речевого взаимодействия и самостоятельной учебной деятельности. Исследования Дж. Ким и Х. У фиксируют развитие электронного, мобильного, смешанного и гибридного форматов обучения корейскому языку [10, с. 14], а А. Кукульска-Хьюм и Л. Шилд связывают развитие мобильного обучения с переходом от передачи содержания к поддержке сотрудничества и коммуникации обучающихся [12, с. 287]. Вместе с тем применение цифровых средств при обучении корейскому языку требует учитывать особенности корейского алфавита (хангыля), освоение корейской клавиатурной раскладки, значительный пласт лексики китайского происхождения, систему речевых регистров, а также ограниченность специализированных русскоязычных цифровых материалов. Поэтому общие возможности ЦОС необходимо соотнести со специфическими задачами формирования лексических и коммуникативных навыков при обучении корейскому языку.

Цель статьи – выявить специфические вызовы, возникающие в условиях цифровой трансформации обучения корейскому языку как иностранному, и предложить методические решения, направленные на формирование лексических и коммуникативных навыков студентов.

Материалы и методы

Материал исследования составили отечественные и зарубежные научные работы, посвященные теоретическим и дидактическим основаниям цифровой образовательной среды, онлайн- и мобильному обучению иностранным языкам, применению искусственного интеллекта в языковом образовании, а также специфике использования цифровых технологий при обучении корейскому языку как иностранному. Дополнительным материалом послужили результаты рефлексивного анализа опыта проведения очных и онлайн-занятий по корейскому языку.

В работе использовались теоретический, понятийно-терминологический и сравнительно-сопоставительный анализ научной литературы. Теоретический анализ применялся для выявления дидактических характеристик ЦОС; понятийно-терминологический – для уточнения содержания ключевых понятий; сравнительно-

сопоставительный – для соотнесения функций цифровых средств с задачами формирования лексических и коммуникативных навыков. Методы систематизации и классификации позволили выделить технические, дидактические и коммуникативные вызовы обучения корейскому языку в цифровой среде. Функциональный анализ цифровых инструментов и методическое моделирование использовались при разработке учебных заданий.

При оценке цифровых средств учитывались поддержка корейского шрифта и ввода текста на хангыле, доступность на разных устройствах, возможности тренировки, обратной связи и организации взаимодействия, соответствие уровню владения языком, трудозатраты преподавателя и защита персональных данных. Такое сочетание технических и методических критериев позволяет избежать ситуации, при которой привлекательный интерфейс подменяет педагогическую целесообразность.

Результаты и обсуждение

Вызовы цифровизации

Проведенный анализ позволил выделить три взаимосвязанные группы трудностей применения цифровых технологий при обучении корейскому языку. *Первая группа* объединяет общие технические, организационные и коммуникативные проблемы. М.С. Ремизова относит к ним несоответствие традиционных учебников возможностям онлайн-формата, нехватку оборудования, технические сбои, ограничение коллективных форм работы, дефицит невербального общения и смешение рабочей и личной пространства [5, с. 311]. С.С. Хапаева дополнительно отмечает недостаток опыта работы в ЦОС, увеличение времени на подготовку и проверку заданий, информационную перегрузку и неравенство доступа к цифровым ресурсам [8, с. 783]. В языковом обучении эти ограничения непосредственно влияют на интенсивность речевой практики и оперативность обратной связи. Кроме того, недостаток невербальных сигналов затрудняет распознавание эмоций и намерений собеседника, ослабляет чувство принадлежности к группе и вовлеченность в совместную деятельность [4, с. 118–119]. Следовательно, преподавателю необходимо не только предоставлять цифровые материалы, но и целенаправленно организовывать короткие циклы взаимодействия, адресную обратную связь и участие каждого студента.

Вторая группа трудностей обусловлена особенностями корейского языка. Для выполнения заданий на цифровых платформах студенту необходимо освоить корейскую раскладку, переключение языка ввода и расположение знаков хангыля на клавиатуре. На начальном этапе это увеличивает когнитивную нагрузку, поскольку обучающийся одновременно воспроизводит структуру слогового блока и осваивает технический способ его ввода. Мобильные устройства упрощают набор текста, но затрудняют одновременную работу с видеоконференцией, учебными материалами и интерактивным заданием. Рукописный ввод на цифровой доске эффективен преимущественно при наличии стилуса или графического планшета, поэтому при их отсутствии целесообразно сохранять письмо от руки с последующей фотофиксацией и загрузкой работы для проверки. Такой подход

соответствует положению И.М. Осмоловской о необходимости выбирать цифровые и традиционные средства исходя из их дидактической целесообразности, не превращая применение информационных технологий в самоцель [3, с. 71].

Третья группа охватывает ресурсные и методические трудности. Русскоязычные цифровые материалы по корейскому языку ограничены и неоднородны по качеству, поэтому преподавателю необходимо проверять отображение хангыля, естественность языковых примеров, корректность заданий и возможность их выполнения на разных устройствах. Одновременное обращение к нескольким платформам, мессенджерам и справочным ресурсам фрагментирует учебную деятельность, следовательно, ЦОС должна быть минимально достаточной, а каждый инструмент – выполнять определенную функцию. Как отмечает С.С. Хапаева, одной из основных проблем ЦОС остается организация взаимодействия субъектов обучения, поскольку цифровые платформы чаще ориентированы на предоставление готового содержания и учет результатов, чем на совместную деятельность [8, с. 786]. Исследование Дж. Ким и Х. У также показывает, что в корейской лингводидактике организационные аспекты онлайн-занятий разработаны подробнее, чем специализированное цифровое содержание и методики его применения [10, с. 16]. Поэтому качество обучения определяется соответствием цифровых инструментов формируемому навыку, поддержкой корейской письменности и возможностью содержательной обратной связи.

Сквозным вызовом для всех трех групп становится применение генеративного искусственного интеллекта, связанное с возможными языковыми ошибками, недостоверностью информации, смещением речевых регистров и рисками для персональных данных. Использование таких систем требует развития цифровой компетентности преподавателя и обучающихся [11, с. 546]. Таким образом, выявленные трудности имеют не только технический, но и дидактический характер: цифровой инструмент должен предварительно оцениваться с точки зрения языковой корректности, безопасности и соответствия конкретной учебной задаче. Именно это положение определяет дальнейшее рассмотрение методических решений для формирования лексических и коммуникативных навыков.

Формирование лексических навыков

Выявленные ограничения определяют необходимость соотносить цифровые средства с последовательными этапами формирования лексического навыка: семантизацией, первичным закреплением, автоматизацией и активизацией лексики в речи. На каждом этапе должны быть четко определены учебное действие и критерии его оценки. Такой подход обеспечивает целостность дидактического цикла и соответствует требованию Е.О. Ивановой и И.М. Осмоловской к согласованности компонентов информационно-образовательной среды [1, с. 22–24].

На этапе *семантизации* интерактивная доска позволяет объединить слово, изображение, краткую дефиницию, аудиозапись и пример употребления. При изучении корейской лексики особенно продуктивны словообразовательные и ассоциативные схемы, демонстрирующие общность иероглифического компонента [2, с. 181]. Такое представление раскрывает смысловые связи между единицами и подготавливает их последующее закрепление.

На этапе *первичного закрепления* целесообразно использовать мобильные словарные тренажеры. Описанный Г. Стоквеллом интеллектуальный тренажер фиксировал действия обучающихся и подбирал последующие задания с учетом результатов предыдущей работы, что подтверждает возможность индивидуализации лексической практики [13, с. 374–378]. Вместе с тем карточки не должны ограничиваться переводом: в них следует включать контекст, типичную сочетаемость, устойчивые выражения, изображения и, при необходимости, иероглифический компонент (ханча). Самостоятельное создание карточек дополнительно побуждает студентов анализировать контекст и отбирать значимую информацию.

Дальнейшая *автоматизация* обеспечивается заданиями на узнавание, воспроизведение, выбор и сочетание лексических единиц: сопоставление, сортировку, заполнение пропусков, составление словосочетаний и исправление ошибочного контекста. Для корейского языка важно отдельно отрабатывать сходные графемы, орфографически близкие формы и сочетания знаменательных слов с частицами и окончаниями, дополняя тесты заданиями на самостоятельное извлечение слова из памяти.

Завершающим этапом является *активизация* лексики в коммуникативных ситуациях: разыгрывании бытового диалога, объяснении маршрута, обсуждении планов или написании сообщения с учетом отношений между собеседниками. Цифровой ресурс в данном случае выполняет функцию опоры, а результатом становится самостоятельное устное или письменное высказывание студента.

Развитие коммуникативных навыков

Активизация лексики продолжается ее использованием в речевом взаимодействии. Формирование коммуникативных навыков в ЦОС предполагает переход от демонстрации материала к совместной деятельности, поскольку технологическая насыщенность занятия сама по себе не обеспечивает его коммуникативной направленности. Поэтому краткое предъявление материала целесообразно чередовать с работой в парах и мини-группах, взаимной проверкой, заданиями с информационным пробелом, ролевыми ситуациями и общей рефлексией.

Для компенсации дефицита социально-эмоциональных сигналов необходимы устойчивые коммуникативные ритуалы: краткий обмен информацией в начале занятия, смена ролей и персонализированная поддерживающая обратная связь в ходе работы, рефлексия в конце. По наблюдению А.С. Рафиковой, активные групповые задания и позитивные дискурсивные стратегии способствуют вовлеченности и созданию благоприятной атмосферы онлайн-обучения [4, с. 119–120].

Дополнительную речевую практику обеспечивают ИИ чат-боты. В исследовании А. Ким и Ю. Су, проведенном среди 65 студентов, изучавших корейский язык, выполнение коммуникативных заданий с чат-ботом способствовало повышению готовности к общению, снижению языковой тревожности и развитию коммуникативной уверенности [9]. Возможность многократной индивидуальной практики особенно важна для менее уверенных студентов, однако она не заменяет общение с преподавателем и группой.

Независимо от выбранного цифрового инструмента коммуникативные задания следует строить с постепенным снятием опор: от ключевых слов, модели реплики и визуальной подсказки к самостоятельному решению коммуникативной задачи. Такая последовательность предотвращает механическое воспроизведение диалога и создает условия для вариативного употребления лексики в соответствии с ситуацией общения.

Искусственный интеллект

Рассмотренные возможности чат-ботов являются частью более широкого применения генеративного искусственного интеллекта в языковом обучении. Преподаватель может использовать ИИ для создания черновых вариантов упражнений, адаптации текстов, разработки коммуникативных ситуаций и ролевых карточек, а обучающийся – для тренировки диалогов, получения объяснений и сопоставления способов выражения коммуникативного намерения. Как уже было сказано выше, эффективное и этичное использование таких инструментов требует соответствующих цифровых компетенций преподавателя и обучающихся [11, р. 546].

Качество сгенерированного материала во многом определяется точностью запроса, в котором следует указывать уровень владения языком, тему, целевую лексику, коммуникативную ситуацию, жанр, объем и формат обратной связи. Применительно к корейскому языку необходимо также задавать речевой регистр, используемые окончания и допустимый лексический уровень. Полученный результат требует экспертной проверки, поскольку модель может предлагать прагматически неестественные реплики, смешивать стили или некорректно объяснять значения.

ИИ целесообразно использовать для предварительной самопроверки, но не в качестве автономного средства итоговой оценки коммуникативной компетенции: решение о правильности и уместности высказывания должно оставаться за преподавателем. Обучающимся необходимо разъяснять нормы академической добросовестности, ограничения на передачу персональных данных и необходимость критической проверки сгенерированной информации.

М. Чжу и Ч. Ван на основе анализа 125 эмпирических исследований выделяют среди наиболее распространенных инструментов автоматизированную оценку письменной речи, чат-боты, машинный перевод, распознавание речи и интеллектуальные обучающие системы [14, с. 23–26]. Таким образом, образовательный потенциал ИИ определяется не разнообразием его функций, а соответствием конкретной учебной задаче и последующим педагогическим контролем.

Организация цифровой среды

Обобщение рассмотренных возможностей и ограничений позволяет сформулировать принципы организации ЦОС при обучении корейскому языку. Первым из них является техническая готовность: до начала курса необходимо настроить корейский ввод, проверить отображение хангыля на используемых устройствах и предоставить обучающимся краткую инструкцию. Второй принцип предполагает функциональное распределение ресурсов: интерактивная доска используется для совместной визуализации, карточки – для

интервального повторения, система управления обучением – для хранения материалов и фиксации результатов, видеоконференция – для синхронного общения, общий документ – для совместного письма. Закрепление каждой функции за определенным инструментом упрощает навигацию и снижает нагрузку, тогда как дублирование одних и тех же действий в нескольких сервисах фрагментирует учебный процесс.

Третий принцип состоит в содержательной адаптации учебно-методического комплекса, при которой меняется не только форма представления, но и способ действия обучающегося: соединение элементов заменяется перетаскиванием, установление последовательности реплик – восстановлением диалога, списки слов – системой карточек, а подстановочные упражнения – ролевыми задачами. Преподавателю также целесообразно формировать медиатеку, включающую словари, корпуса, аудио- и видеоматериалы, шаблоны заданий, инструкции и проверенные ссылки с указанием уровня, темы и формируемого навыка. В результате эффективность ЦОС определяется согласованностью ее компонентов и разумным сочетанием цифровых и традиционных средств: цифровизация должна повышать доступность материала, вариативность практики и качество обратной связи, а не становиться самостоятельной целью обучения.

Заключение

Цифровая образовательная среда расширяет возможности обучения корейскому языку как иностранному, обеспечивая мультимодальную семантизацию лексики, многократную тренировку, доступ к контекстам употребления, совместную работу и моделирование ситуаций общения. Вместе с тем ее эффективность ограничивают технические трудности корейского ввода, недостаток качественных ресурсов, увеличение навигационной и подготовительной нагрузки, а также ослабление социально-эмоционального взаимодействия.

Преодоление этих ограничений требует системного проектирования ЦОС: необходимо соотносить цифровые инструменты с этапами формирования лексического навыка и коммуникативной задачей, заранее знакомить обучающихся с техническими операциями, проверять материалы на языковую и прагматическую корректность. Генеративный искусственный интеллект может расширять набор заданий и контекстов, но его результаты нуждаются в экспертной верификации и не заменяют педагогическую оценку.

Таким образом, качество цифровой трансформации определяется не количеством сервисов, а целостностью созданных педагогических условий. Для преподавателя корейского языка ключевыми компетенциями становятся осознанный выбор инструмента, адаптация материалов к особенностям языка, поддержание эмоционально безопасной коммуникации и сочетание цифровых возможностей с традиционными способами работы. Перспективой дальнейшего исследования является экспериментальная проверка предложенной системы заданий и оценка ее влияния на прочность лексических навыков и вариативность иноязычного высказывания студентов.

Список литературы

1. Иванова Е.О., Осмоловская И.М. Дидактические требования к информационно-образовательной среде и ее компонентам // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 19–24.
2. Меркулова А.С. Обучение лексике корейского языка в цифровой среде // Лингвосфера: междисциплинарные подходы в лингвистике и изучении иностранных языков: Материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 14–15 ноября 2024 года). – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2025. – С. 179–184.
3. Осмоловская И.М. Обучение в информационно-образовательной среде: ожидания и реальность // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 67–73. – DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.8.
4. Рафикова А.С. Социально-эмоциональный дискурс в онлайн-обучении иностранному языку // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9–4 (96). – С. 118–120. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-4-118-120.
5. Ремизова М.С. Онлайн-обучение иностранным языкам в современных реалиях пандемии COVID-19 // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6 (91). – С. 311–312.
6. Роберт И.В. Цифровая трансформация образования: ценностные ориентиры, перспективы развития // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 16: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – С. 868–876.
7. Тарасов С.В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 3, № 3. – С. 133–138.
8. Хапаева С.С. Цифровая образовательная среда: проблемы взаимодействия // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 781–789. – DOI: 10.25559/SITITO.17.202103.781–789.
9. Kim A., Su Y. How implementing an AI chatbot impacts Korean as a foreign language learners' willingness to communicate in Korean // System. – 2024. – Т. 122. – DOI: 10.1016/j.system.2024.103256.
10. Kim J., Woo H. Analysis of the current status of EdTech in Korean language education // Fourth Industrial Review. – 2023. – Т. 3, № 2. – P. 11–17. – DOI: 10.20498/fir.2023.3.2.11.
11. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou D. ChatGPT for language teaching and learning // RELC Journal. – 2023. – Т. 54, № 2. – P. 537–550. – DOI: 10.1177/00336882231162868.
12. Kukulska-Hulme A., Shield L. An overview of mobile-assisted language learning: From content delivery to supported collaboration and interaction // ReCALL. – 2008. – Т. 20, № 3. – P. 271–289. – DOI: 10.1017/S0958344008000335.
13. Stockwell G. Vocabulary on the move: Investigating an intelligent mobile phone-based vocabulary tutor // Computer Assisted Language Learning. – 2007. – Т. 20, № 4. – P. 365–383. – DOI: 10.1080/09588220701745817.

14. Zhu M., Wang C. A systematic review of AI in language education: Current status and future implications // *Language Learning & Technology*. – 2025. – Т. 29, № 1. – P. 1–29. – DOI: 10.64152/10125/73606.

References

1. Ivanova E.O., Osmolovskaya I.M. [Didactic Requirements for Information and Educational Environment and Its Components] // *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. – 2015. – No. 5. – P. 19–24. (In Russ.)
2. Merkulova A.S. [Teaching Korean vocabulary in a digital environment] // *Lingvosfera: mezhdistsiplinarye podkhody v lingvistike i izuchenii inostrannykh yazykov: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 14–15 noyabrya 2024 goda)*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. – 2025. – P. 179–184. (In Russ.)
3. Osmolovskaya I.M. [Learning in information and educational environment: expectations and reality] // *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. – 2022. – Vol. 16, No. 4. – P. 67–73. – DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.8. (In Russ.)
4. Rafikova A.S. [Socio-emotional discourse in online foreign language teaching] // *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. – 2024. – No. 9–4 (96). – P. 118–120. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-4-118-120. (In Russ.)
5. Remizova M.S. [Online foreign language teaching in the contemporary realities of the COVID-19 pandemic] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2021. – No. 6 (91). – P. 311–312. (In Russ.)
6. Robert I.V. [Digital transformation of education: Value orientations and development prospects] // *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik*. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 868–876. (In Russ.)
7. Tarasov S.V. [Educational environment: concept, structure, typology] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – 2011. – Vol. 3, No. 3. – P. 133–138. (In Russ.)
8. Khapaeva S.S. [Digital educational environment: interaction problems] // *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*. – 2021. – Vol. 17, No. 3. – P. 781–789. – DOI: 10.25559/SITITO.17.202103.781–789. (In Russ.)
9. Kim A., Su Y. How implementing an AI chatbot impacts Korean as a foreign language learners' willingness to communicate in Korean // *System*. – 2024. – Vol. 122. – DOI: 10.1016/j.system.2024.103256.
10. Kim J., Woo H. Analysis of the current status of EdTech in Korean language education // *Fourth Industrial Review*. – 2023. – Vol. 3, No. 2. – P. 11–17. – DOI: 10.20498/fir.2023.3.2.11.
11. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou D. ChatGPT for language teaching and learning // *RELC Journal*. – 2023. – Vol. 54, No. 2. – P. 537–550. – DOI: 10.1177/00336882231162868.

-
12. Kukulska-Hulme A., Shield L. An overview of mobile-assisted language learning: From content delivery to supported collaboration and interaction // ReCALL. – 2008. – Vol. 20, No. 3. – P. 271–289. – DOI: 10.1017/S0958344008000335.
 13. Stockwell G. Vocabulary on the move: Investigating an intelligent mobile phone-based vocabulary tutor // Computer Assisted Language Learning. – 2007. – Vol. 20, No. 4. – P. 365–383. – DOI: 10.1080/09588220701745817.
 14. Zhu M., Wang C. A systematic review of AI in language education: Current status and future implications // Language Learning & Technology. – 2025. – Vol. 29, No. 1. – P. 1–29. – DOI: 10.64152/10125/73606.

ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья поступила в редакцию: 14.06.2026

Статья принята к публикации: 19.06.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 336+159.9

Управление финансами по типу личности: интроверты, экстраверты

Бурнаевская Анастасия Михайловна

студент

Филиал ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет в г. Воткинске

Российская Федерация, г. Воткинск

E-mail: burnaevskaa@gmail.com

Ардашева Галина Николаевна

зав. кафедрой педагогики и социально-экономических дисциплин, канд. экон. наук, доц.

ст. науч. сотр. Филиал ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет в г.

Воткинске

Российская Федерация, г. Воткинск

E-mail: ardashevavudgu@yandex.ru

Finance management by personality type: introverts, extraverts

Burnaevskaya Anastasia Mikhailovna

student, Branch of Udmurt State University in Votkinsk

Russia, Votkinsk

Ardasheva Galina Nikolaevna

Head of the Department of Pedagogy and Socio-Economic Disciplines, Candidate of Economic

Sciences, Associate Professor, Senior Researcher Branch of Udmurt State University in Votkinsk

Russia, Votkinsk

Аннотация

Данная статья раскрывает, как характер человека влияет на его денежные привычки. На основе теории психологических типов К.Г. Юнга в работе описаны главные отличия в том, как интроверты и экстраверты копят, тратят и относятся к риску. Интроверт через финансы выстраивает безопасность и контроль, предпочитает спокойные инструменты и редко совершает спонтанные покупки. Экстраверт, напротив, ищет в деньгах эмоции и статус, быстрее принимает решения и чаще участвует в рискованных операциях. Приводятся данные

Библиографическое описание: Бурнаевская А.М., Ардашева Г.Н. Управление финансами по типу личности: интроверты, экстраверты // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23069>

опроса, согласно которым 54 % россиян меняли финансовые привычки под влиянием окружения, причём экстраверты сильнее подвержены такому давлению. На основе диаграмм показано лидерство интровертов в сбережении и склонность экстравертов к импульсивным тратам. Отдельно рассматриваются типичные ошибки мышления: стадное чувство и эффект якоря, чаще свойственные экстравертам, а также предвзятость подтверждения и паралич анализа, характерные для интровертов. Проанализировано, как социальное окружение воздействует на финансовые решения, усиливая или ослабляя эти когнитивные искажения. С опорой на реальные данные и исследования предложены конкретные пути решения проблем для каждого типа: от автоматических отчислений и установки жёстких сроков для интровертов до правила 24–72-часовой паузы и разделения счетов для экстравертов. Статья будет полезна как обычным людям, стремящимся лучше управлять личными финансами, так и специалистам по финансовому консультированию – для понимания психологии клиента и выстраивания с ним долгосрочных, доверительных отношений. Ключевой вывод материала: эффективное финансовое планирование должно учитывать не только цифры, но и личностные особенности человека, позволяя выстроить систему, в которой ему комфортно, и избежать постоянного стресса.

Abstract

This article reveals how a person's character affects their money habits. Based on C.G. Jung's theory of psychological types, the paper describes the main differences in how introverts and extroverts save, spend, and take risks. An introvert builds security and control through finance, prefers calm tools, and rarely makes spontaneous purchases. An extrovert, on the other hand, looks for emotions and status in money, makes decisions faster and participates in risky operations more often. The survey data shows that 54 % of Russians have changed their financial habits under the influence of their environment, and extroverts are more susceptible to such pressure. The diagrams show the leadership of introverts in saving and the tendency of extroverts to impulsive spending. Typical thinking errors are considered separately: herd feeling and the anchor effect, more often characteristic of extroverts, as well as confirmation bias and analysis paralysis, characteristic of introverts. The article analyzes how the social environment influences financial decisions, reinforcing or weakening these cognitive distortions. Based on real data and research, specific ways to solve problems for each type are proposed: from automatic deductions and setting strict deadlines for introverts to the 24-72-hour pause rule and splitting accounts for extroverts. The article will be useful both for ordinary people who want to better manage their personal finances, and for financial consulting specialists to understand the psychology of a client and build long-term, trusting relationships with him. The key conclusion of the material is that effective financial planning should take into account not only numbers, but also personal characteristics of a person, allowing them to build a system in which they feel comfortable and avoid constant stress.

Ключевые слова: управление финансами, психология денег, финансовое поведение, экстраверт, интроверт, личное финансовое планирование, инвестиции, когнитивные искажения.

Keywords: financial management, psychology of money, financial behavior, extrovert, introvert, personal financial planning, investment, cognitive biases.

Введение

Финансовое планирование, как правило, воспринимается как чисто расчётная деятельность: доходы, расходы, проценты и таблицы. Однако практика показывает, что за большинством денежных решений стоят не столько математические выкладки, сколько автоматические психологические процессы [5, с. 245]. Более того, особенности характера объясняют около 30 % индивидуальных различий в накоплении и тратах [1, с. 152].

Одним из ключевых личностных параметров, определяющих финансовое поведение, является деление на интровертов и экстравертов, предложенное К.Г. Юнгом в начале XX века [10, с. 89]. Согласно его теории, интроверт направляет психическую энергию внутрь себя, а экстраверт – во внешний мир, на взаимодействие с людьми и событиями [10, с. 92]. Эти различия порождают два принципиально разных подхода к деньгам: для интроверта финансы становятся инструментом безопасности и контроля, тогда как экстраверт видит в них источник возможностей, статуса и ярких переживаний [8, с. 28].

Целью данной работы является изучение влияния личностных характеристик (интроверсии и экстраверсии) на финансовое поведение, выявление типичных когнитивных ошибок и разработка практических рекомендаций. Задачи исследования включают:

1. Сравнительный анализ сберегательных, потребительских и инвестиционных стратегий интровертов и экстравертов.
2. Определение роли социального окружения в финансовых решениях;
3. Выделение когнитивных искажений, характерных для каждого типа;
4. Формулирование способов коррекции денежных привычек.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные опроса, проведённого Национальным банковским журналом в 2026 году (выборка россиян), а также научные публикации по психологии финансов, теории личности и поведенческой экономике. В работе применялись методы теоретического анализа, систематизации, сравнения и визуализации данных.

Результаты и обсуждение

Управление деньгами – это учёт доходов и расходов, планирование, сбережения и вложения. Задача – закрыть текущие потребности и обеспечить будущее. Можно подумать, что здесь работают только цифры. Однако на деле многое решает не калькулятор, а голова. Точнее, те автоматические процессы, которые в ней запускаются [5, с. 245]. В научной литературе финансовое поведение определяется как совокупность действий и решений индивида, связанных с получением, распределением, сбережением и инвестированием денежных средств, которая обусловлена психологическими, социальными и экономическими факторами [9, с. 315]. Около 30 % различий между людьми в том, как они копят и тратят, объясняются особенностями характера [1, с. 152].

Важнейшая характеристика – это разделение на интровертов и экстравертов. Термины ввёл Карл Густав Юнг в начале прошлого века [10, с. 89]. Интроверт, по Юнгу, обращает энергию внутрь себя. Экстраверт – во внешний мир, на окружающих людей и события

[10, с. 92]. Отсюда разное отношение к деньгам. Интроверт через финансы строит безопасность и контроль. Экстраверт ищет возможности, статус, сильные впечатления [8, с. 28].

Интроверт погружён в свой внутренний мир. Перед любым денежным шагом он долго думает. Бюджет ведёт сам. Выбирает инструменты спокойные и прозрачные. Спонтанные траты ему несвойственны. На панику рынка и советы со стороны он почти не реагирует. Такой человек предпочтёт отложить деньги и не лезть в лишний риск [3]. Юнг замечал, что интроверт любое действие совершает, оглядываясь на себя [10, с. 95]. Применительно к деньгам это значит: семь раз проверит внутри себя и только потом пошевелится. Исследования это подтверждают – интроверты меньше поддаются стадному чувству и рыночной панике [3].

Экстраверта питают общение и внешние события. Отсюда интерес к новостям, трендам, разговорам о деньгах. Решения он принимает быстро. Деньги для него – способ получить эмоцию или подтвердить статус [8, с. 30]. Он не стесняется обсуждать доходы и расходы. Это может быть полезно – так люди обмениваются опытом. Но есть и минус: часто включаются ненужные траты под давлением среды [1, с. 155]. Экстраверты активнее торгуют на рынке и охотнее заходят в рискованные инструменты. Само по себе это не плохо. Но требует следить за комиссиями и держаться выбранной стратегии [7, с. 815].

Среда давит на экстравертов заметно сильнее. По данным опроса, 54 % россиян меняли свои денежные привычки, оглядываясь на знакомых. И среди таких людей больше экстравертов [2]. Каждый четвёртый начинал откладывать или вкладываться после того, как увидел пример друзей. Однако примерно такая же доля опрошенных стала больше тратить – просто чтобы не отставать от чужого уровня жизни [2].

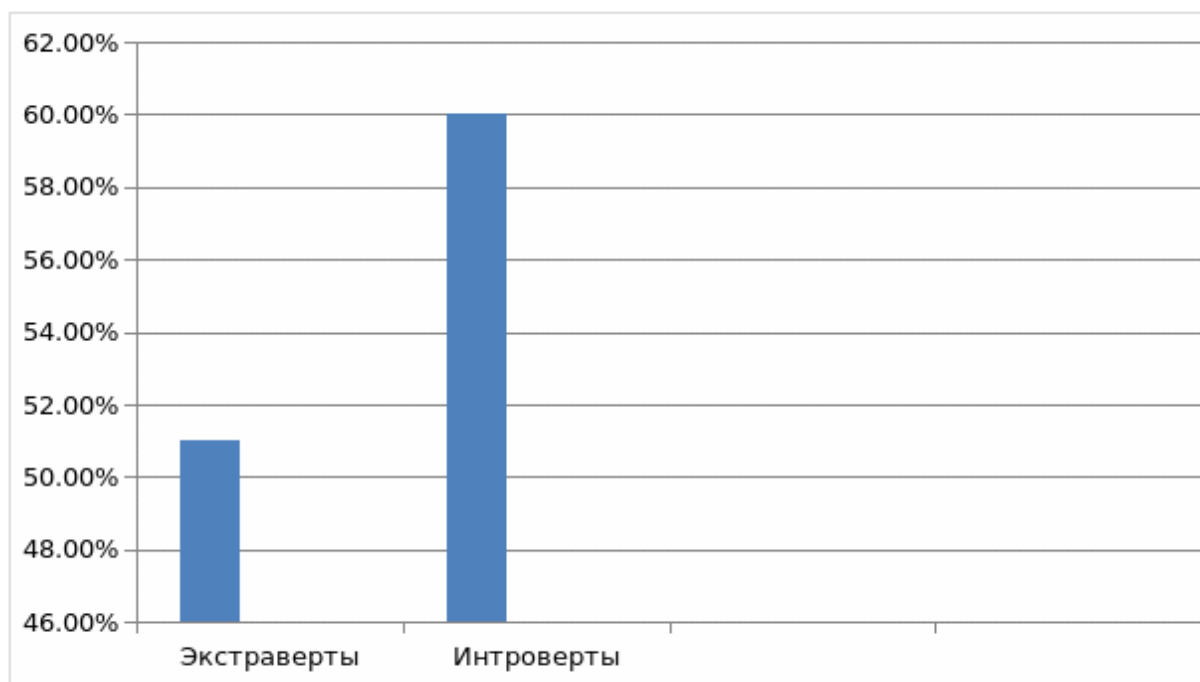

Рисунок 1. Лидерство в сбережении между экстравертами и интровертами [2]

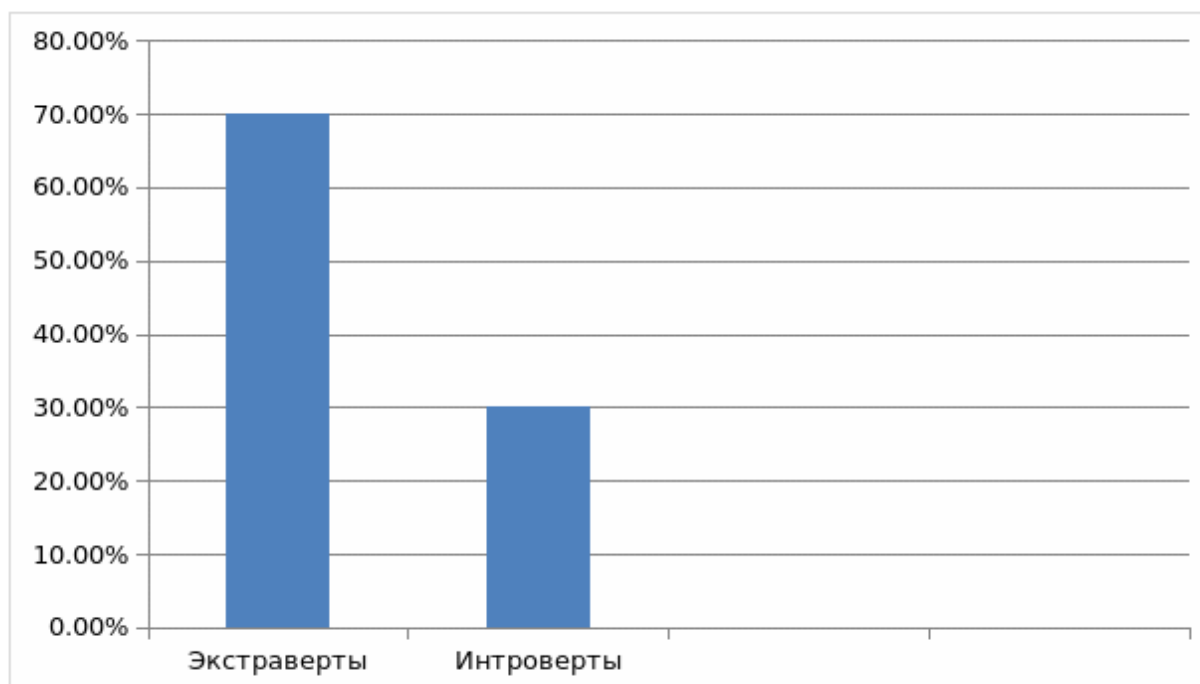

Рисунок 2. Лидерство в импульсивных покупках между экстравертами и интровертами [2]

Представленные данные наглядно отражают это различие: в сбережении лидируют интроверты. Привычка планировать и держать себя в руках позволяет им регулярно пополнять накопления. А по импульсивным покупкам впереди экстраверты. Им труднее устоять перед внезапным желанием что-то купить – часто ради быстрой радости или под влиянием внешнего повода.

Теперь об инвестициях. Экстраверты совершают сделки на 30–40 % чаще интровертов [7, с. 818]. Долгосрочные вложения держат 46 % интровертов. У экстравертов эта цифра ниже [4, с. 200]. Подушку безопасности на полгода и более интроверты имеют в полтора-два раза чаще [4, с. 203].

У каждого типа есть свои слабые места в мышлении. Это когнитивные искажения – встроенные ошибки, которые сбивают с толку при работе с деньгами [5, с. 255].

Когнитивные искажения, характерные для экстравертов:

1. Стадное чувство. Покупают то же, что и все вокруг. Продадут на панике вместе с толпой. Связь между экстраверсией и стадным поведением подтверждена исследованиями [6, с. 3555].

2. Эффект якоря. Первая попавшаяся на глаза цифра надолго застревает в голове как ориентир. Экстраверт легко клюёт на яркие скидки и акции, толком не оценив реальную выгоду [6, с. 3560].

Когнитивные искажения, характерные для интровертов:

1. Предвзятость подтверждения. Человек ищет доводы в пользу уже готового решения. Всё, что ему противоречит, он пропускает мимо ушей [5, с. 258].

2. Паралич анализа. Интроверт так глубоко уходит в обдумывание, что упускает момент. В итоге не делает ничего [3].

Сами по себе эти ошибки не исчезают. Но с ними можно работать. С опорой на исследования предлагаем такие шаги.

Рекомендации по коррекции финансового поведения для интровертов:

1. Отвести 5–10 % дохода на пробные траты или вложения. Это снимет часть страха перед ошибкой [3].

2. Ставить себе крайний срок. Например: «Три дня изучаю, на четвёртый – решение». Это помогает не застревать в размышлениях.

3. Иногда советоваться со специалистом. Взгляд со стороны помогает заметить предвзятость подтверждения.

4. Настроить автоматические отчисления на накопительный счёт. Тогда не придётся каждый раз думать, откладывать или нет [8, с. 31].

Рекомендации по коррекции финансового поведения для экстравертов:

1. Перед крупной покупкой брать паузу на 24–72 часа. Импульс за это время гаснет, и решение становится трезвее.

2. Завести два счёта. Один для долгих накоплений, с которого трудно снять деньги. Второй – для ежедневных расходов. Это помогает не тратить лишнее.

3. Следить за тем, с кем обсуждаете финансы. Меньше говорить о деньгах с теми, кто сам склонен к пустым тратам. Окружение сильно влияет на экстравертов [1, с. 160].

4. Перед покупкой или сделкой записывать на листе все «за» и «против». Это простое действие включает рациональное мышление и ослабляет стадный эффект [5, с. 261].

Заключение

Таким образом, исследование подтвердило, что характер сильно влияет на денежные решения. Экстраверты активничают на рынке и склонны к риску. Интроверты любят надёжность и точный расчёт. Главный вывод: планирование бюджета должно учитывать не только цифры, но и личность человека. Когда стратегия подходит вам по характеру, её гораздо легче придерживаться. Смысл персонального подхода к финансам простой – не ломать себя под чужие схемы, а выстроить систему, в которой вам удобно. Тогда и результаты будут лучше, и сам процесс перестанет быть постоянным стрессом.

Список литературы

1. Биткина И.К. Личностно-типологические особенности финансового поведения молодежи // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 151–164.
2. Более половины россиян меняют финансовые привычки под влиянием окружения [Электронный ресурс]. // Национальный Банковский Журнал. – 2026. URL: <https://nbj.ru/news/boleee-poloviny-rossiyan-menyayut-finanso/73151/>(дата обращения: 04.10.2026).
3. Бочарова Е.Е., Заграничная М.А. Личностные факторы финансового поведения в юношеском возрасте // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2023. – Т. 33, № 1. – С. 18–26.

4. Камат А.Н., Шеной С.С. Абхилаш, Кумар С.Н. Влияние личностных черт на принятие инвестиционных решений: посредническая роль настроений инвесторов в Индии [пер. с англ.] // *Investment Management and Financial Innovations*. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 200–211.
5. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Гл. 19. – С. 245–267. – М.: АСТ, 2023.
6. Ризван С., Ахмад Н., Хан Р.А. Личностные черты и поведенческие предубеждения: модулирующая роль толерантности к риску [пер. с англ.] // *Quality & Quantity*. – 2023. – Т. 57. – С. 3549–3573.
7. Сачдева М., Лехал Р. Влияние личностных черт на принятие инвестиционных решений: подход с модулируемой медиацией [пер. с англ.] // *International Journal of Bank Marketing*. – 2023. – Т. 41, № 4. – С. 810–834.
8. Хаузел М. Психология денег: Вечные уроки богатства, жадности и счастья / пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 224 с.
9. Экономическая психология: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. А.Л. Журавлёва, В.П. Познякова. – М.: Юрайт, 2021. – 315 с.
10. Юнг К.Г. Психологические типы. Гл. X. – С. 89–112. – М.: Академический проект, 2024.

References

1. Bitkina I.K. Personality-typological features of financial behavior of youth // *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*. – 2024. – Vol. 21, No. 4. – P. 151–164.
2. Bocharova E.E., Zagranichnaya M.A. Personality factors of financial behavior in adolescence // *Bulletin of Udmurt University. Series «Philosophy. Psychology. Pedagogy»*. – 2023. – Vol. 33, No. 1. – P. 18–26.
3. Economic psychology: textbook for bachelor's and master's degree programs / ed. by A.L. Zhuravlev, V.P. Poznyakov. – Moscow: Yurayt, 2021. – 315 P.
4. Housel M. The Psychology of Money: Timeless lessons on wealth, greed, and happiness / trans. from English. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2023. – 224 P.
5. Jung C.G. Psychological types. Ch.X. – P. 89–112. – Moscow: Academic Project, 2024.
6. Kahneman D. Think Slowly... Decide Quickly. Ch. 19. – P. 245–267. – Moscow: AST, 2023.
7. Kamat A.N., Shenoy S.S. Abhilash, Kumar S.N. The influence of personality traits on investment decisions: the mediating role of investor sentiment in India (translated from English) // *Investment Management and Financial Innovations*. – 2023. – Vol. 20, No. 3. – P. 200–211.
8. More than half of Russians change financial habits under the influence of their environment [Electronic resource]. // *National Banking Journal*. – 2026. – URL: <https://nbj.ru/news/boleepoloviny-rossiyan-menyayut-finanso/73151/> (accessed: 05.05.2026).
9. Rizwan S., Ahmad N., Khan R.A. Personality traits and behavioral biases: moderating role of risk tolerance (translated from English) // *Quality & Quantity*. – 2023. – Vol. 57. – P. 3549–3573.

-
10. Sachdeva M., Lehal R. The influence of personality traits on investment decisions: a moderated mediation approach (translated from English) // International Journal of Bank Marketing. – 2023. – Vol. 41, No. 4. – P. 810–834.

Статья поступила в редакцию: 23.09.2026

Статья принята к публикации: 29.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 159.9.072

Исследование профессионального выгорания педагогов

Хабибуллина Розалия Ильясовна

преподаватель

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий

Российская Федерация, г. Стерлитамак

E-mail: Rozaliya.xabibullina@inbox.ru

Research on professional burnout among teachers

Khabibullina Rozaliya

teacher

Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology

Russia, Sterlitamak

Аннотация

Профессиональная деятельность педагога характеризуется высокой интенсивностью межличностного взаимодействия, эмоциональной вовлечённостью и значительной ответственностью за результаты образовательного процесса, что создаёт предпосылки для возникновения профессионального выгорания. Цель исследования – выявить особенности выраженности основных компонентов профессионального выгорания у педагогов. В исследовании приняли участие 50 педагогов Стерлитамакского химико-технологического колледжа в возрасте от 38 до 45 лет с педагогическим стажем от 10 до 12 лет. Для диагностики применялась методика «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой, позволяющая оценить эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений. Установлено, что по показателю эмоционального истощения высокий уровень выявлен у 8 % педагогов, средний – у 46 %, низкий – у 46 %. По показателю деперсонализации высокий уровень установлен у 10 % испытуемых, средний – у 50 %, низкий – у 40 %. По показателю редукции личных достижений высокий уровень выявлен у 16 % педагогов, средний – у 36 %, низкий – у 48 %. Наиболее выраженным компонентом профессионального выгорания в исследуемой группе является деперсонализация. Полученные данные указывают на необходимость учитывать выраженность отдельных компонентов профессионального выгорания при организации профилактической работы с педагогами. Результаты исследования могут использоваться при разработке профилактических мероприятий, направленных на предупреждение и снижение профессионального выгорания педагогических работников.

Библиографическое описание: Хабибуллина Р.И. Исследование профессионального выгорания педагогов // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23486>

Abstract

Teaching is characterized by intensive interpersonal interaction, emotional involvement, and considerable responsibility for the outcomes of the educational process, which creates prerequisites for professional burnout. The aim of the study was to identify the characteristics of the main components of professional burnout among teachers. The study involved 50 teachers from Sterlitamak Chemical-Technological College aged 38 to 45 years, with 10 to 12 years of teaching experience. The Maslach Burnout Inventory developed by C. Maslach and S. Jackson and adapted by N.E. Vodopyanova was used to assess professional burnout, including emotional exhaustion, depersonalization, and reduced personal accomplishment. The results showed that a high level of emotional exhaustion was found in 8 % of teachers, a medium level in 46 %, and a low level in 46 %. Regarding depersonalization, a high level was identified in 10 % of participants, a medium level in 50 %, and a low level in 40 %. For reduced personal accomplishment, a high level was found in 16 % of teachers, a medium level in 36 %, and a low level in 48 %. Depersonalization was the most pronounced component of professional burnout in the studied group. The findings indicate the need for a differentiated approach to the prevention of professional burnout, taking into account the severity of its individual components. The results may be used to develop preventive measures aimed at preventing and reducing professional burnout among teaching staff.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, педагог, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений.

Keywords: professional burnout, teacher, emotional exhaustion, depersonalization, reduced personal accomplishment.

Введение

Профессиональное выгорание педагогов остаётся значимой проблемой современной образовательной среды. Педагогическая деятельность связана с высокой интенсивностью межличностного взаимодействия, значительной ответственностью и воздействием различных профессиональных стрессоров, что может способствовать формированию профессионального выгорания.

Высокая интенсивность межличностного взаимодействия является одной из особенностей педагогической деятельности. Науменко М.В. и Мозговая Н.Н. отмечают, что «педагогическая профессия неразрывно связана с постоянным межличностным общением» [8, с. 660].

Водяха С.А. и Водяха Ю.Е., анализируя зарубежные исследования, отмечают изменение условий педагогической деятельности и характера взаимодействия педагогов с обучающимися и их родителями, что рассматривается как один из факторов, способствующих проявлению симптомов профессионального выгорания [3].

Международные исследования также показывают многофакторный характер профессионального выгорания педагогов. В систематическом обзоре продольных исследований Mijakoski D. и соавторы выделили организационные и индивидуальные факторы, связанные с развитием выгорания у педагогов [9].

Westphal A. и соавторы отмечают значимость характеристик образовательной среды и индивидуальных особенностей педагогов при изучении стресса и профессионального выгорания [10].

В исследовании Мурафы С.В., Барковой Н.Н. и Карпенко А.В. среди факторов, связанных с возникновением эмоционального выгорания педагогов, выделены социальная оценка, ролевые конфликты, высокая ответственность, сверхурочная работа и продолжительный рабочий день [7].

В современных исследованиях профессиональное выгорание педагогов рассматривается с учётом различных профессиональных и личностных факторов, а также его возможных последствий. Луковцева З.В. рассматривает современные тенденции изучения эмоционального выгорания педагогов в психологии и нейронауках [6]. Воробьёва И.В. и Матвеева А.И. исследуют взаимосвязь эмоционального выгорания молодых педагогов с удовлетворённостью трудом и готовностью к уходу из профессии [4]. В связи с этим представляет интерес изучение выраженности отдельных компонентов профессионального выгорания у педагогических работников.

В рамках настоящего исследования профессиональное выгорание рассматривается через три основных компонента – эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений, выделяемые в методике К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

Цель исследования – выявить особенности выраженности основных компонентов профессионального выгорания у педагогов.

Материалы и методы

Исследование профессионального выгорания проводилось на базе ГБПОУ «Стерлитамакский химико-технологический колледж». В исследовании приняли участие 50 педагогов в возрасте от 38 до 45 лет с педагогическим стажем от 10 до 12 лет.

Для диагностики профессионального выгорания применялась методика К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой. Методика позволяет оценить три компонента профессионального выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений.

Тестирование проводилось индивидуально. Обработка результатов включала подсчёт баллов по каждой шкале и распределение участников по уровням выраженности показателей – низкому, среднему и высокому. Для анализа использовались методы описательной статистики: абсолютные значения и процентное распределение испытуемых по уровням выраженности компонентов профессионального выгорания.

Результаты и обсуждения

По результатам диагностики профессионального выгорания у педагогов были выявлены различные уровни выраженности его основных компонентов.

По шкале «Эмоциональное истощение» высокий уровень выявлен у 8 % педагогов, средний – у 46 %, низкий – у 46 %. По шкале «Деперсонализация» высокий уровень отмечен у 10 % испытуемых, средний – у 50 %, низкий – у 40 %. По показателю «Редукция личных достижений» высокий уровень выявлен у 16 % педагогов, средний – у 36 %, низкий – у 48 %.

Наиболее часто повышенные значения в исследуемой группе выявлялись по показателю деперсонализации: 50 % педагогов имели средний и 10 % – высокий уровень её выраженности. По эмоциональному истощению доля педагогов со средним и высоким уровнями составила 54 %, по редукции личных достижений – 52 %.

Полученное распределение показателей соотносится с данными современных исследований профессионального выгорания педагогов. Крушельницкая О.Б. и соавторы рассматривают профессиональное выгорание школьных учителей в связи с личностными и профессиональными факторами и отмечают необходимость изучения его различных предикторов [5]. Луковцева З.В. также указывает на неоднородность современных исследований выгорания педагогов и выделяет эмоциональную устойчивость, психологическое благополучие и самоэффективность как потенциально протективные факторы [6].

В исследуемой группе компоненты профессионального выгорания были выражены неодинаково. Наибольшая доля педагогов со средним и высоким уровнями отмечена по показателю деперсонализации – 60 %. По эмоциональному истощению такая доля составила 54 %, по редукции личных достижений – 52 %. Полученные результаты позволяют учитывать выраженность отдельных компонентов профессионального выгорания при выборе направлений профилактической работы с педагогами.

Таблица 1.

Результаты исследования педагогов по методике «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой, (%)

Исследуемые параметры	Педагоги		
	Уровень выраженности		
	Высокий	Средний	Низкий
Эмоциональное истощение	8	46	46
Деперсонализация	10	50	40
Редукция личных достижений	16	36	48

Заключение

Проведённое исследование показало, что профессиональное выгорание у педагогов характеризуется неодинаковой выраженностью отдельных компонентов. Наиболее выраженным компонентом в исследуемой группе является деперсонализация: средний уровень выявлен у 50 % педагогов, высокий – у 10 %.

Эмоциональное истощение и редукция личных достижений в целом имеют менее выраженный характер. По обоим показателям преобладают низкий и средний уровни. При этом высокий уровень редукции личных достижений выявлен у 16 % педагогов, что указывает на наличие у части участников признаков снижения субъективной оценки собственных профессиональных достижений.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о необходимости профилактической работы, направленной прежде всего на предупреждение развития деперсонализации и поддержание позитивного отношения педагогов к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Ахмерова С.Г. Профессиональная деятельность и здоровье педагога: монография. – М.: Арсенал образования, 2011. – 159 с.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностические и профилактические подходы. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
3. Водяха С.А., Водяха Ю.Е. Профессиональное выгорание педагога как психолого-педагогическая проблема: анализ зарубежного опыта // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 34–47.
4. Воробьева И.В., Матвеева А.И. Взаимосвязь эмоционального выгорания молодых педагогов с удовлетворенностью трудом и готовностью ухода из профессии // Вестник практической психологии образования. – 2025. – № 4. – С. 321–337.
5. Крушельницкая О.Б., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Хаймовская Н.А. Личностные факторы профессионального выгорания у школьных учителей // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – № 1. – С. 139–157.
6. Луковцева З.В. Современные тенденции в изучении эмоционального выгорания педагогов в психологии и нейронауках // Вестник практической психологии образования. – 2025. – Т. 22, № 4. – С. 293–305.
7. Мурафа С.В., Баркова Н.Н., Карпенко А.В. Проблемы эмоционального выгорания преподавателей высшей школы и практические пути их решения // Вестник практической психологии образования. – 2024. – № 2. – С. 102–112.
8. Науменко М.В., Мозговая Н.Н. Особенности эмоционального выгорания у учителей с разным уровнем стрессоустойчивости // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 12 (202). – С. 659–664.
9. Mijakoski D., Cheptea D., Marca S.C., Shoman Y., Caglayan C., Bugge M.D., Gnesi M., Godderis L., Kiran S. McElvenny D.M., Mediouni Z., Mesot O., Minov J., Nena E., Otelea M., Pranjic N., Mehlum I.S., van der Molen H.F., Guseva Canu I. Determinants of burnout among teachers: a systematic review of longitudinal studies // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Т. 19, № 9. – DOI: 10.3390/ijerph19095776.
10. Westphal A., Kalinowski E., Hoferichter C.J., Vock M. K–12 teachers' stress and burnout during the COVID-19 pandemic: a systematic review // Frontiers in Psychology. – 2022. – Т. 13. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.920326.

References

1. Akhmerova S.G. [Professional Activity and Health of a Teacher]: monograph. – Moscow: Arsenal obrazovaniya, 2011. – 159 P. (In Russ.)

2. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. [Burnout Syndrome: Diagnosis and Prevention]. – 2nd ed. – Saint Petersburg: Piter, 2008. – 336 P. (In Russ.)
3. Vodyakha S.A., Vodyakha Yu.E. [Teacher Professional Burnout as a Psychological and Pedagogical Problem: Analysis of Foreign Experience] // Vestnik psikhologii i pedagogiki Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – Vol. 6, No. 3. – P. 34–47. (In Russ.)
4. Vorobyeva I.V., Matveeva A.I. [The Relationship of Emotional Burnout of Young Teachers with Job Satisfaction and Willingness to Leave the Profession] // Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya. – 2025. – Vol. 22, No. 4. – P. 321–337. – DOI: 10.17759/bppe.2025220420. (In Russ.)
5. Krushelnitskaya O.B., Kochetkov N.V., Marinova T.Yu., Orlov V.A., Raskhodchikova M.N., Khaymovskaya N.A. [Personal Factors of Professional Burnout among School Teachers] // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. – 2024. – Vol. 32, No. 1. – P. 139–157. – DOI: 10.17759/cpp.2024320107. (In Russ.)
6. Lukovtseva Z.V. [Current Trends in the Study of Teacher Burnout in Psychology and Neurosciences] // Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya. – 2025. – Vol. 22, No. 4. – P. 293–305. – DOI: 10.17759/bppe.2025220418. (In Russ.)
7. Murafa S.V., Barkova N.N., Karpenko A.V. [Problems of Emotional Burnout of Higher School Teachers and Practical Ways to Solve Them] // Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya. – 2024. – Vol. 21, No. 2. – P. 102–112. – DOI: 10.17759/bppe.2024210213. (In Russ.)
8. Naumenko M.V., Mozgovaya N.N. [Features of Emotional Burnout in Teachers with Different Levels of Stress Resistance] // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. – 2022. – No. 12 (202). – P. 659–664. – DOI: 10.34835/issn.2308–1961.2022.12.p659-664. (In Russ.)
9. Mijakoski D., Cheptea D., Marca S.C., Shoman Y., Caglayan C., Bugge M.D., Gnesi M., Godderis L., Kiran S. McElvenny D.M., Mediouni Z., Mesot O., Minov J., Nena E., Otelea M., Pranjic N., Mehlum I.S., van der Molen H.F., Guseva Canu I. [Determinants of Burnout among Teachers: A Systematic Review of Longitudinal Studies] // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, No. 9. – DOI: 10.3390/ijerph19095776.
10. Westphal A., Kalinowski E., Hoferichter C.J., Vock M. [K–12 Teachers' Stress and Burnout during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review] // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.920326.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Статья поступила в редакцию: 05.09.2026

Статья принята к публикации: 11.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 316.6+159.9+364

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23399

Влияние культуры успеха на современное общество

Богданов Руслан Ришатович

бакалавр

Башкирский государственный университет

Российская Федерация, г. Уфа

E-mail: mindbender94@mail.ru

The impact of the culture of success on modern society

Bogdanov Ruslan Rishatovich

bachelor's degree, Bashkir State University

Russia, Ufa

Аннотация

В статье рассматривается феномен успешного успеха как междисциплинарная проблема, формирующаяся под воздействием психологических, экономических, демографических и социокультурных факторов. Особое внимание уделяется влиянию современной культуры успеха, ориентированной на непрерывную продуктивность, карьерный рост и потребление, а также роли социальных сетей в распространении нереалистичных стандартов достижений. Анализируются международные статистические данные, характеризующие распространенность выгорания, уровень стресса, демографические изменения и трансформацию пенсионных систем. Рассматривается влияние старения населения, роста финансовой ответственности граждан и информационной перегрузки на психическое благополучие [20,3]. На основе анализа научной литературы и международной статистики обсуждаются практические подходы к профилактике и преодолению выгорания, включая осознанное потребление, долгосрочное финансовое планирование, ограничение информационной нагрузки, формирование реалистичных критериев успеха и своевременное обращение за профессиональной психиатрической и психотерапевтической помощью [4,9]. Дополнительно подчеркивается значение баланса

между профессиональной деятельностью, личной жизнью и восстановлением ресурсов. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к решению проблемы как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Abstract

The article examines the phenomenon of “success culture” as an interdisciplinary issue shaped by psychological, economic, demographic, and sociocultural factors. Particular attention is paid to the influence of modern success culture, which emphasizes continuous productivity, career advancement, and consumption, as well as to the role of social media in promoting unrealistic standards of achievement. International statistical data on the prevalence of burnout, stress levels, demographic changes, and transformations in pension systems are analyzed. The impact of population aging, increasing financial responsibility among citizens, and information overload on mental well-being is also considered [20,3]. Based on an analysis of scientific literature and international statistics, practical approaches to preventing and overcoming burnout are discussed, including conscious consumption, long-term financial planning, limiting information overload, developing realistic criteria for success, and seeking timely professional psychiatric and psychotherapeutic assistance [4,9]. The importance of maintaining a balance between professional activity, personal life, and recovery is also emphasized. The article concludes that a comprehensive approach is necessary to address the problem at both individual and societal levels.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, культура успеха, психическое здоровье, потребительское общество, демографическое старение, пенсионные системы, социальные сети, финансовая тревожность, минимализм.

Keywords: emotional burnout, culture of success, mental health, consumer society, population ageing, pension systems, social media, financial anxiety, minimalism.

Введение

Культура успеха и последующее за ним эмоциональное выгорание в последние десятилетия стало одной из наиболее обсуждаемых проблем в области психологии труда, медицины и общественного здравоохранения [3]. Несмотря на значительный рост уровня жизни, развитие технологий и расширение возможностей для профессиональной самореализации в последние десятилетия вопросы хронического стресса, тревожных расстройств и эмоционального истощения приобрели значительное значение для психологии труда и общественного здравоохранения [14].

Материалы и методы

Исследование выполнено в формате междисциплинарного аналитического обзора научной литературы, международной статистики и результатов эмпирических исследований, посвященных эмоциональному выгоранию, социальному сравнению, материалистическим установкам, психологическому благополучию, экономическому неравенству и демографическим изменениям.

Информационную базу исследования составили научные публикации по психологии, психиатрии, социологии и поведенческой экономике, а также материалы Всемирной организации здравоохранения (WHO), Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), Международной организации труда (ILO), Eurofound, Gallup и American Psychological Association (APA) [8,15,1,3,9,14]. Дополнительно использовались данные международных исследований благополучия, доходов, имущественного неравенства, доступности жилья и демографической динамики [20,21,24].

В рамках исследования анализировались четыре взаимосвязанных блока факторов: (1) психологические механизмы социального сравнения и формирования самооценки; (2) влияние цифровой среды, социальных сетей и потребительской культуры; (3) экономические и демографические условия, включая рост стоимости жилья, имущественное неравенство и изменение пенсионных систем; (4) факторы психологической устойчивости и профилактики выгорания, включая физическую активность, социальные связи, просоциальное поведение, финансовую устойчивость и осмысленную деятельность.

Использовались методы анализа и синтеза научной литературы, сравнительного анализа международных данных, систематизации эмпирических результатов и междисциплинарной интерпретации. Для оценки взаимосвязей между социальным сравнением, потребительским поведением, финансовым давлением и эмоциональным выгоранием применялся концептуальный анализ, позволяющий объединить результаты исследований различных научных направлений в единую теоретическую модель.

При интерпретации результатов учитывалось различие между корреляционными и причинно-следственными связями. Теоретические цепочки, представленные в работе, не рассматривались как универсальные причинные механизмы и интерпретировались с учетом индивидуальных, социальных и экономических факторов.

Целью аналитического этапа являлось выявление взаимосвязи между современной культурой успеха и эмоциональным выгоранием, а также определение факторов, способных снижать негативное воздействие постоянного социального сравнения, экономического давления и ориентации на внешние критерии успеха.

Результаты и обсуждения

1. Социальное сравнение: от биологического механизма к цифровой эпохе

Стремление оценивать собственное положение относительно других людей является фундаментальным механизмом социального поведения. С эволюционно-психологической точки зрения способность отслеживать свое положение внутри группы могла иметь адаптивное значение, поскольку социальный статус был связан с доступом к ресурсам, социальным связям, партнерам и возможностям кооперации. Поэтому человеческая психика сохраняет высокую чувствительность к относительному, а не только абсолютному положению индивида.

Этот биологический механизм начинает действовать с первых лет жизни в ближайшем окружении. Давление иерархии проявляется задолго до взаимодействия с цифровой средой — на уровне семьи и круга сверстников. В ряде культур личные достижения жестко привязаны к семейному престижу, где статус ребенка выступает главным показателем его

ценности [25]. Подобная динамика нередко прослеживается и в межличностных отношениях: они могут строиться по функциональному принципу, когда отношение к человеку улучшается пропорционально его статусу, доходу или успеху. Окружение начинает оценивать индивида не столько как самостоятельную личность, сколько как носителя определенных достижений, формируя у него устойчивую установку: «твоя ценность равна твоей позиции».

Данный механизм получил теоретическое обоснование в теории социального сравнения Леона Фестингера [6]. Согласно данной концепции, при отсутствии объективных критериев оценки собственных способностей и достижений человек обращается к сравнению с окружающими. Особое значение имеет восходящее социальное сравнение — сопоставление себя с людьми, воспринимаемыми как более успешные. Оно может выполнять адаптивную функцию, стимулируя развитие и достижение целей, однако при определенных условиях способно становиться источником неудовлетворенности собой и снижения субъективного благополучия. Цифровая среда существенно изменила масштаб и характер данного процесса. Если традиционно основными объектами сравнения выступали родственники, друзья, соседи и коллеги, то социальные сети практически не ограничивают размер референтной группы. Пользователь получает возможность ежедневно сравнивать себя с тысячами людей, значительно превосходящих его по доходу, внешности, карьерным достижениям или образу жизни. При этом цифровой контент преимущественно демонстрирует селективные и социально привлекательные аспекты жизни, что создает асимметрию между реальной повседневностью человека и публичным образом жизни других пользователей.

В результате абсолютная оценка собственного благополучия может уступать место относительной оценке. Человек, располагающий стабильным доходом, жильем и удовлетворительными условиями жизни, может воспринимать собственное положение как недостаточное, если регулярно сопоставляет его с демонстрируемым в социальных сетях уровнем потребления и достижений.

Одним из механизмов, способных связывать социальное сравнение с изменением потребительского поведения, является личная относительная депривация — субъективное ощущение, что человек располагает меньшими ресурсами или возможностями, чем люди, с которыми он себя сопоставляет. В серии исследований Hyunji Kim и соавторов было показано, что актуализация чувства относительной депривации может усиливать материалистические установки и стремление к финансовым ресурсам [13]. В частности, в экспериментальных условиях участники, которым создавали ощущение относительного материального неблагополучия по сравнению с похожими на них людьми, демонстрировали более выраженное стремление к обладанию деньгами и материальными благами [13].

Таким образом, социальное сравнение способно формировать психологический цикл, в котором субъективное ощущение недостаточности стимулирует не только стремление к профессиональному развитию, но и увеличение значимости материальных символов социального статуса [5,13].

2. Коммерциализация социального сравнения алгоритмы и экономика потребления

Описанные психологические механизмы не существуют изолированно от современной социально-экономической среды. Цифровая экономика создает инфраструктуру, способную значительно расширить масштаб социального сравнения и превращать связанные с ним психологические процессы в коммерчески значимые формы поведения. При этом речь не идет о едином замысле или целенаправленном «заговоре корпораций». Усиление потребительского поведения может быть результатом взаимодействия экономических стимулов, рекламных технологий и фундаментальной человеческой потребности в социальном признании. Компании заинтересованы в привлечении и удержании внимания потребителей, а цифровые платформы используют персонализацию контента и рекламы для повышения коммерческой эффективности.

Социальные сети одновременно становятся пространством самопрезентации, социального сравнения и потребительского воздействия. Платформы собирают значительные объемы данных о цифровом поведении пользователей — просмотрах, кликах, подписках и других взаимодействиях, — что позволяет персонализировать информационную и рекламную выдачу. Однако корректнее говорить не об «определении скрытых психологических уязвимостей», а о вероятностной персонализации на основе наблюдаемого поведения.

Исследования показывают, что такая среда действительно связана с усилением материалистических установок [16]. В исследовании Ruan и соавторов было обнаружено, что чем больше у тебя друзей в социальных сетях тем выше фокус на внешних целях (стремление к статусу, богатству, улучшению имиджа), — а их связь с материалистическими установками была сильнее у людей с высокой склонностью к социальному сравнению [16]. Таким образом, социальные сети способны формировать своеобразный психологический контур: человек наблюдает достижения и потребление других, сопоставляет их со своей жизнью, обнаруживает субъективный разрыв и стремится его сократить. В этих условиях потребление может приобретать не только функциональное, но и символическое значение, становясь способом демонстрации социального положения и компенсации ощущения собственной недостаточности [5,13]. Исследования личной относительной депривации также показывают ее связь с усилением материалистических установок и стремлением к финансовым ресурсам [13].

Возникает потенциальная цепочка: социальное сравнение → относительная депривация → усиление статусных целей → потребление → финансовое давление → необходимость увеличения дохода → рост рабочей нагрузки → хронический стресс [5,13,16]. Важно подчеркнуть, что данная последовательность представляет собой теоретическую модель, а не доказанную универсальную причинную цепочку. Каждый ее элемент зависит от множества дополнительных факторов — социального положения, личности, характера занятости, финансовой грамотности и уровня социальной поддержки.

Тем не менее именно взаимодействие этих механизмов позволяет рассматривать современную культуру потребления не только как экономическое, но и как психологическое явление. Эволюционно сформированная чувствительность к социальному статусу

в цифровой среде получает практически неограниченное количество объектов для сравнения, а рыночная инфраструктура предоставляет человеку многочисленные способы демонстрации и компенсации воспринимаемого статусного разрыва. При высокой рабочей нагрузке и недостаточном восстановлении стремление поддерживать соответствующий уровень потребления может становиться одним из факторов хронического стресса и эмоционального выгорания [3,14].

3. Экономические ограничения современного среднего класса

Психологическое давление, возникающее вследствие постоянного социального сравнения, усиливается объективными экономическими изменениями, наблюдаемыми во многих развитых странах. В последние десятилетия стоимость жилья и финансовых активов во многих экономиках росла быстрее располагаемых доходов населения, что усложнило достижение уровня благосостояния, традиционно ассоциируемого со средним классом [15,21].

Одним из наиболее показательных примеров является рынок жилья. По данным OECD, во многих странах цены на недвижимость увеличивались быстрее доходов домохозяйств, снижая доступность собственного жилья, особенно для молодых поколений [15,1,21]. Одновременно рост арендных расходов ограничивает возможности накопления капитала, поэтому даже стабильная занятость не всегда позволяет достичь тех же жизненных ориентиров, которые были доступны предыдущим поколениям.

Дополнительным фактором выступает имущественное неравенство. Согласно данным World Inequality Database, значительная часть мирового богатства сосредоточена у относительно небольшой доли населения, тогда как большинство домохозяйств зависит преимущественно от трудовых доходов [24]. В долгосрочной перспективе доходность капитала нередко опережает темпы роста заработной платы, что затрудняет накопление капитала для людей, не владеющих значительными активами [24].

Демографические изменения также усиливают финансовое давление. Старение населения увеличивает нагрузку на пенсионные системы, вследствие чего многие государства расширяют роль частных пенсионных накоплений и долгосрочного инвестирования, постепенно перенося большую ответственность за финансовое благополучие в старости на самих граждан [15,20].

В результате психологические механизмы социального сравнения сталкиваются с объективными экономическими ограничениями [13,15]. Социальные сети формируют высокие стандарты потребления [16], тогда как реальные возможности их достижения становятся менее доступными для части населения [15,21,24]. Возникающий разрыв между ожиданиями и реальностью способен усиливать чувство относительной депривации [13], побуждая людей увеличивать рабочую нагрузку, откладывать отдых, брать кредиты или постоянно стремиться к росту доходов, что повышает риск хронического стресса и эмоционального выгорания [3,14].

Таким образом, эмоциональное выгорание целесообразно рассматривать не только как следствие индивидуальных психологических особенностей или условий труда, но и как результат взаимодействия эволюционно сформированных механизмов социального

сравнения с современными цифровыми и экономическими условиями, которые одновременно расширяют возможности для сравнения и усложняют достижение социально одобряемых критериев успеха [6,15,16,3].

4. Парадокс материального успеха

Дополнительным подтверждением ограниченности модели «успешного успеха» являются исследования материалистических ценностей и факторов долгосрочного благополучия [2,5]. Одним из наиболее известных исследователей в этой области является профессор психологии Тим Кассер, который на протяжении нескольких десятилетий изучал взаимосвязь между ориентацией на богатство, престиж и психологическим здоровьем [11,12]. Согласно его работам, высокая ориентация на внешние цели — материальное благополучие, социальный статус и общественное признание — устойчиво связана с более низкой удовлетворенностью жизнью, повышенной тревожностью и депрессивной симптоматикой, а также с менее качественными межличностными отношениями [2,11]. Напротив, люди, ориентированные преимущественно на внутренние ценности — личностное развитие, автономию и близкие отношения, — в среднем демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия [2,7,18].

Эти выводы согласуются с результатами одного из самых продолжительных исследований в истории психологии — Harvard Study of Adult Development, которое продолжается с 1938 года [10,22]. На протяжении более восьми десятилетий ученые наблюдали за несколькими поколениями участников, анализируя влияние различных факторов на здоровье, продолжительность жизни и субъективное благополучие [10,22]. Главный вывод исследования заключается в том, что качество близких отношений является одним из наиболее надежных предикторов счастливой, здоровой и долгой жизни, превосходя по своему значению уровень дохода, профессиональный статус и материальное благополучие. Люди, поддерживающие теплые и доверительные отношения с семьей, друзьями и партнерами, реже сталкиваются с депрессией, хроническим стрессом и когнитивным снижением в пожилом возрасте [22].

Следовательно, стремление к финансовому благополучию само по себе нельзя считать негативным. Проблема возникает тогда, когда материальный успех становится единственным критерием самооценки и основным источником жизненного смысла [2,11]. В этом случае человек может достигать все более высоких социальных и финансовых результатов, однако одновременно испытывать хронический стресс, эмоциональное истощение и чувство внутренней неудовлетворенности. Напротив, сочетание финансовой устойчивости с крепкими социальными связями, психологической автономией и осмысленной деятельностью создает значительно более прочную основу для долгосрочного благополучия [2,7,11,19,22,3].

5. Пути профилактики и преодоления эмоционального выгорания

Поскольку эмоциональное выгорание формируется под влиянием психологических, социальных и экономических факторов, его профилактика также требует комплексного подхода [9,14].

При выраженных симптомах хронического стресса, тревожных расстройств или депрессии наиболее эффективными остаются методы доказательной медицины. Наиболее изученным психотерапевтическим подходом является когнитивно-поведенческая терапия, эффективность которой подтверждена многочисленными исследованиями [4]. При наличии клинических показаний важную роль играет медикаментозная терапия, назначаемая врачом-психиатром, позволяющая уменьшить выраженность симптомов и восстановить психическое функционирование.

Существенное значение имеют изменения образа жизни. Регулярная физическая активность является одним из наиболее эффективных немедикаментозных способов профилактики эмоционального выгорания, тревожных и депрессивных состояний, способствуя снижению уровня хронического стресса, улучшению сна, настроения и когнитивных функций [17]. Не менее важным является регулярное пребывание на природе. Согласно современным исследованиям, не менее 120 минут в неделю, проведенных на природе, связаны с более высоким уровнем психологического благополучия и снижением уровня стресса [23]. Дополнительный положительный эффект может достигаться за счет ограничения времени, проводимого в цифровой среде, что уменьшает информационную перегрузку и интенсивность социального сравнения.

Не менее важным защитным фактором являются устойчивые социальные связи. Исследования последовательно показывают, что эмоциональная поддержка семьи, друзей и сообщества связана с более низким риском развития тревожных расстройств и эмоционального выгорания [22]. Показательно, что некоторые страны с более низким уровнем доходов населения демонстрируют высокий уровень субъективного благополучия благодаря развитым семейным и общественным связям, что свидетельствует о важной роли социальной поддержки в сохранении психического здоровья [7].

Также просоциальная деятельность, ощущение собственной полезности и вовлеченность в деятельность, соответствующую личным интересам и ценностям, играют значимую роль в психологическом благополучии человека. С точки зрения эволюционной психологии, человек формировался как социальный вид, для которого кооперация, взаимопомощь и принадлежность к группе имели важное значение для выживания и воспроизводства. В современных условиях эта потребность может реализовываться через волонтерство, общественную деятельность, поддержку близких, профессиональный труд и другие формы деятельности, направленные на создание ценности для окружающих. Многочисленные исследования показывают, что просоциальное поведение связано с более высоким уровнем субъективного благополучия. Таким образом, ориентация не только на личную выгоду, но и на создание ценности для других посредством общественной и созидательной деятельности может выступать защитным фактором, способствующим снижению социальной изоляции и чрезмерной фиксации на собственном статусе.

В долгосрочной перспективе существенное значение имеет финансовая устойчивость. Формирование сбережений, отказ от избыточного потребления, принципы минимализма и долгосрочное инвестирование позволяют снизить финансовую неопределенность и зависимость от постоянного роста доходов [15]. При этом минимализм следует рассматривать не только как модель потребления, но и как способ уменьшения давления социальных ожиданий, основанных на демонстрации материального статуса.

Важнейшим элементом профилактики является переосмысление самого понятия успеха. Современная культура нередко связывает его с уровнем дохода, материальным потреблением и общественным признанием [5,11]. Однако исследования субъективного благополучия показывают, что долгосрочная удовлетворенность жизнью значительно сильнее связана с качеством социальных отношений, ощущением автономии, наличием жизненного смысла, физическим и психическим здоровьем, а также чувством финансовой безопасности, чем с непрерывным ростом потребления или социального статуса [2,7,22]. Поэтому профилактика эмоционального выгорания предполагает не только изменение образа жизни человека, но и критическое переосмысление общественных представлений об успешной жизни [12,9].

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать культуру успеха и последующее эмоциональное выгорание как результат взаимодействия психологических, социальных и экономических факторов [6,15,3]. Эволюционно сформированная склонность человека к социальному сравнению в цифровой среде приобрела беспрецедентный масштаб [6,16], а культура постоянного роста и потребления усиливает разрыв между социальными ожиданиями и реальными возможностями человека [5,13,15].

При этом материальное благополучие само по себе не является проблемой. Достаточный доход необходим для удовлетворения базовых потребностей, обеспечения безопасности и снижения финансового стресса. Однако превращение дохода, потребления и социального статуса в бесконечную цель способно усиливать тревожность, социальное сравнение и риск выгорания [2,11,3,26].

Профилактика выгорания поэтому должна основываться на комплексном подходе: финансовой грамотности и создании материальной устойчивости [15], отказе от слепой гонки за статусом [2,11], регулярной физической активности [17], заботе о психологическом здоровье [4], качественных социальных отношениях [22], просоциальной деятельности и возможности заниматься осмысленным делом [7].

Таким образом, устойчивое благополучие определяется не максимизацией одного показателя — дохода, статуса или производительности, — а балансом между финансовой безопасностью, физическим и психологическим здоровьем, отношениями, смыслом и личной автономией [2,7,22]. Переосмысление успеха в этом контексте означает не отказ от достижений, а отказ от необходимости постоянно доказывать собственную ценность через них [11,12].

Список литературы

1. Analytical house price indicators [Электронный ресурс] / OECD. – OECD Data Explorer. – 2026. (дата обращения: 04.10.2026).
2. Bradshaw, E.L., Conigrave, J.H., Steward, B.A., Ferber, K.A., Parker, P.D. & Ryan, R.M. (2023). A meta-analysis of the dark side of the American dream: Evidence for the universal wellness costs of prioritizing extrinsic over intrinsic goals // Journal of Personality and Social Psychology. – 2023. – Т. 124, № 4. – P. 873–899. – DOI: 10.1037/pspp0000431.

3. Burn-out an «occupational phenomenon»: International Classification of Diseases [Электронный ресурс] / World Health Organization. – Geneva: WHO. – 2019. (дата обращения: 04.10.2026).
4. Cuijpers, P., Cristea, I.A., Karyotaki, E., Reijnders, M. & Huibers, M.J.H. How effective are cognitive behavior therapies for major depression and anxiety disorders? A meta-analytic update of the evidence. *World Psychiatry*. – 2016. – Т. 15, № 3. – P. 245–258. – DOI: 10.1002/wps.20346.
5. Dittmar, H., Bond, R., Hurst, M. & Kasser, T. The relationship between materialism and personal well-being: A meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2014. – Т. 107, № 5. – P. 879–924. – DOI: 10.1037/a0037409.
6. Festinger, L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. – 1954. – Т. 7, № 2. – P. 117–140. – DOI: 10.1177/001872675400700202.
7. Fischer, R. & Boer, D. What is more important for national well-being: Money or autonomy? A meta-analysis of well-being, burnout, and anxiety across 63 societies // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2011. – Т. 101, № 1. – P. 164–184. – DOI: 10.1037/a0023663.
8. Gallup. *Global Emotions 2022* / Gallup. – Washington, D. – C.: Gallup, Inc., 2022.
9. *Guidelines on mental health at work* / World Health Organization. – Geneva: WHO, 2022. – 134 P.
10. *Harvard Study of Adult Development* [Электронный ресурс] / Massachusetts General Hospital, Harvard Medical School. – Boston: Massachusetts General Hospital, [б.г.](укажите актуальную ссылку). (дата обращения: 04.10.2026).
11. Kasser, T. *The High Price of Materialism* / T. Kasser. – Cambridge, MA: MIT Press. – 2002. – 166 P. – DOI: 10.7551/mitpress/3501.001.0001.
12. Kasser, T. Living both well and sustainably: a review of the literature, with some reflections on future research, interventions and policy / T. Kasser // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. – 2016. – Т. 375. – Art. 20160369. – DOI: 10.1098/rsta.2016.0369.
13. Kim, H., Callan, M.J., Gheorghiu, A.I. & Matthews, W.J. Social comparison, personal relative deprivation, and materialism. *British Journal of Social Psychology*. – 2017. – Т. 56, № 2. – P. 373–392. – DOI: 10.1111/bjso.12176.
14. *Mental health at work: policy brief* / World Health Organization, International Labour Organization. – Geneva: WHO & ILO, 2022. *World Inequality Report 2022* / World Inequality Lab. 236 P. – Paris: World Inequality Lab, 2022. – 20 P.
15. *Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators* / OECD. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 236 P. – DOI: 10.1787/678055dd-en.
16. Ruan, C. More friends on SNS, more materialism? The moderating roles of self-esteem and social comparison orientation / C. Ruan, Z. Lu, H. Li, W. Lin, D. Li, J. Yuan // *PLOS ONE*. – 2023. – Т. 18. – P. 1–18. – DOI: 10.1371/journal.pone.0283723.

17. Singh, B., Olds, T., Curtis, R., Dumuid, D., Virgara, R., Watson, A., Szeto, K., O'Connor, E., Ferguson, T., Eglitis, E., Miatke, A., Simpson, C.E.M. & Maher, C. (2023). Effectiveness of physical activity interventions for improving depression, anxiety and distress: An overview of systematic reviews. *British Journal of Sports Medicine*. – Т. 57, № 18. – P. 1203–1209. – DOI: 10.1136/bjsports-2022-106195.
18. Steel, P., Taras, V., Uggerslev, K. & Bosco, F. The Happy Culture: A theoretical, meta-analytic, and empirical review of the relationship between culture and wealth and subjective well-being. *Personality and Social Psychology Review*. – 2018. – Т. 22, № 2. – P. 128–169. – DOI: 10.1177/1088868317721372.
19. Tan, J.J.X., Kraus, M.W., Carpenter, N.C. & Adler, N.E. The association between objective and subjective socioeconomic status and subjective well-being: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. – 2020. – Т. 146, № 11. – P. 970–1020. – DOI: 10.1037/bul0000258.
20. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Social Report 2023: Leaving No One Behind in an Ageing World. UN DESA [Электронный ресурс]. URL: <https://social.desa.un.org/publications/undesa-world-social-report-2023> (дата обращения: 04.10.2026).
21. United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat). (2026). World Cities Report 2026: The Global Housing Crisis: Pathways to Action. UN-Habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://unhabitat.org/world-cities-report-2026> (дата обращения: 04.10.2026).
22. Waldinger, R. The Good Life: Lessons from the World's Longest Scientific Study of Happiness / R. Waldinger, M. Schulz. – New York: Simon & Schuster, 2023. – 341 P.
23. White, M.P., Alcock, I., Grellier, J., Wheeler, B.W., Hartig, T., Warber, S.L., Bone, A., Depledge, M.H. & Fleming, L.E. (2019). Spending at least 120 minutes a week in nature is associated with good health and wellbeing. *Scientific Reports*, 9, 7730. – DOI: 10.1038/s41598-019-44097-3.
24. Yamamoto, Y. Parental Expectations and Children's Academic Performance in Sociocultural Context / Y. Yamamoto, S.D. Holloway // *Educational Psychology Review*. – 2010. – Т. 22. – P. 189–214. – DOI: 10.1007/s10648-010-9121-z.
25. Zhou, K., Lu, L., Hu, L. & Wang, Y. Associations between two conceptualizations of materialism and subjective wellbeing in China: A meta-analysis of studies from 1998 to 2022. *Frontiers in Psychology*, 13, 982172. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.982172.

МЕДИЦИНСКАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Статья поступила в редакцию: 19.09.2026

Статья принята к публикации: 22.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 159.9:618.2

Репродуктивный выбор женщин с повторными абортами в анамнезе: психологические трудности и пути их преодоления

Градинович Софья Евгеньевна

психолог женской консультации ФГБУЗ МСЧ №98 ФМБА

Российская Федерация, г. Большой Камень

E-mail: sromakhiina@gmail.com

Reproductive choice of women with a history of repeated abortions: psychological difficulties and ways to overcome them

Gradinovich Sofia Evgenyevna

Psychologist at the Women's Clinic of the FMBA Medical Unit No. 98

Russia, Bolshoy Kamen

Аннотация

Цель работы — систематизировать психологические трудности, возникающие при консультировании женщин в ситуации репродуктивного выбора, имеющих в анамнезе более одного аборта. Проведён обзор отечественной и зарубежной литературы, дополненный анализом практических наблюдений автора в женской консультации. Рассмотрены личностные особенности женщин с повторными абортами, включая снижение контроля импульсивности, эмоционального баланса, самооценки и способности к интегрированным отношениям, а также склонность к игнорированию контрацепции. Установлено, что более половины (из 31 из 54 женщин) обратившихся не использовали контрацепцию, объясняя это длительным отсутствием беременности или её непреднамеренностью («так получилось»), что может указывать на внешний локус контроля в сфере репродуктивного поведения. Описаны специфические трудности консультации: устойчивость репродуктивной стратегии, низкая мотивация к изменению поведения, защитные механизмы отрицания и рационализации, а также повышенный уровень эмоционального дистресса в межличностных отношениях. Отдельно обсуждаются этические сложности, связанные с риском директивности и стигматизации. Практическая значимость работы состоит в обосновании

Библиографическое описание: Градинович С.Е. Репродуктивный выбор женщин с повторными абортами в анамнезе: психологические трудности и пути их преодоления // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23472>

дифференцированного подхода к консультированию данной группы женщин, предполагающего более длительное сопровождение, работу с контрацептивным поведением и учёт психодинамических факторов.

Abstract

The aim of this work is to systematize the psychological difficulties that arise in counseling women in a situation of reproductive choice who have a history of more than one abortion. A review of Russian and foreign literature was conducted, supplemented by an analysis of the author's practical observations in a women's clinic. The personal characteristics of women with repeat abortions are examined, including reduced impulse control, emotional balance, self-esteem, and capacity for integrated relationships, as well as a tendency to ignore contraception. It has been established that more than half of those who sought help had not used contraception, explaining this by a long-term absence of pregnancy or its unintended nature ("it just happened"), which may indicate an external locus of control in the sphere of reproductive behaviour. Specific counseling difficulties are described: the stability of reproductive strategy, low motivation to change behavior, defense mechanisms of denial and rationalization, and elevated levels of emotional distress in interpersonal relationships. Ethical challenges associated with the risk of directiveness and stigmatization are discussed separately. The practical significance of the work lies in substantiating a differentiated approach to counseling this group of women, which involves longer-term support, work with contraceptive behavior, and consideration of psychodynamic factors.

Ключевые слова: повторный аборт, доабортное консультирование, репродуктивный выбор, психологические трудности, женская консультация, перинатальная психология.

Keywords: repeat abortion, pre-abortion counseling, reproductive choice, psychological difficulties, women's clinic, perinatal psychology.

Введение

Доабортное консультирование в женской консультации традиционно рассматривается как вид кризисной помощи, направленной на поддержку женщины в ситуации репродуктивного выбора [2], [4], [10]. Однако при работе с женщинами, имеющими в анамнезе более одного аборта, стандартные подходы часто оказываются недостаточно эффективными [3], [6]. Как отмечают исследователи, женщины, неоднократно прибегающие к прерыванию беременности, демонстрируют особый паттерн репродуктивного поведения, который с позиции трудно объяснить: они игнорируют современные контрацептивы и многократно прибегают к аборту, в том числе хирургическому [1], [7], [12],[13].

По данным сравнительных исследований, повторные аборты связаны с более высоким уровнем психологического неблагополучия [20]. Женщины, ожидающие второго аборта, демонстрируют более низкие показатели контроля импульсивности, эмоционального баланса, реалистичности, самооценки и стабильности жизни, а также сниженную способность к более интегрированным личным отношениям [11], [18]. Качественные исследования выявляют у таких женщин психологическую уязвимость, проявляющуюся в неуверенности при использовании контрацептивов и в отношениях с половыми партнёрами [1], [8].

Цель настоящей работы — систематизировать психологические трудности, возникающие при консультировании женщин с повторными абортами в анамнезе, и обозначить возможные пути их преодоления. Задачи: 1) описать личностные и эмоциональные особенности данной группы; 2) выявить специфические трудности консультативного процесса; 3) обсудить этические аспекты работы; 4) предложить практические рекомендации.

Материалы и методы

Работа выполнена на базе женской консультации. Проведён обзор научной литературы по проблеме повторных аборт. Дополнительно использованы материалы практических наблюдений (консультаций в ситуации репродуктивного выбора), включая анализ консультативных записей и структурированных бесед с женщинами, имеющими в анамнезе более одного аборта. Применялись методы включённого наблюдения и качественного анализа случаев. Исследование носило качественный характер. В анализ были включены все случаи психологического консультирования женщин в ситуации репродуктивного выбора, обратившихся в женскую консультацию, в том числе, имевших в анамнезе более одного аборта. Общая численность выборки составила 54 случая. Метод сбора данных: включённое наблюдение в процессе консультативных встреч, а также анализ консультативных записей (протоколов) и данных структурированной беседы. Метод анализа данных: тематический анализ, позволяющий выделить и описать смысловые паттерны (темы) в высказываниях участниц. Процедура тематического анализа включала: 1) ознакомление с данными и их первичное кодирование; 2) поиск и выделение тем; 3) пересмотр и уточнение тем; 4) финальное определение и наименование тем; 5) подготовку аналитического отчёта. Для повышения надёжности результаты анализа обсуждались с коллегами-психологами.

Результаты и обсуждение

Обзор литературы позволяет выделить ряд устойчивых характеристик женщин с повторными абортами. Сравнительные исследования показывают, что после аборта женщины с повторными прерываниями сохраняют значительно более высокие показатели эмоционального дистресса в сферах, связанных с межличностными отношениями, по сравнению с женщинами, перенёвшими первый аборт [11], [18], [20]. Исследования личности выявляют у женщин с повторными абортами более низкие показатели контроля импульсивности, эмоционального баланса, реалистичности и самооценки [7], [18]. Исследования подчёркивают роль раннего опыта: повторные аборты связаны с недостаточной заботой со стороны матери в детстве и опытом ранней материнской утраты [1], [11].

Психоаналитически ориентированные работы предлагают рассматривать множественные аборты как способ переработки психической боли и сильной тревоги, как замену психической переработки ментальной боли [1]. В этом контексте повторный аборт может выполнять функцию «наркотического решения» — анестезирующего средства,

позволяющего избежать столкновения с внутренним конфликтом. Важную роль играют нарушения формирования женской идентичности в ранних отношениях с матерью и трансгенерационная передача опыта психической травмы [1], [4].

Специфические трудности консультирования: первая и, вероятно, ключевая трудность связана с устойчивостью репродуктивной стратегии. Для женщины с несколькими абортами в анамнезе ситуация нежелательной беременности и её прерывания перестаёт быть уникальным кризисным событием – она приобретает характер привычного решения данной проблемы. Это существенно снижает эффективность разовой консультации, ориентированной на поддержку принятия решения здесь и сейчас. Вторая трудность — низкая мотивация к изменению контрацептивного поведения. Исследования показывают, что повторные аборты часто связаны не с недостатком информации о контрацепции, а с неспособностью интегрировать имеющиеся знания с ситуативными, интрапсихическими и социальными факторами [9], [12], [13]. Женщины могут знать о доступных методах, но не использовать их регулярно из-за опасений побочных эффектов, нестабильных отношений с партнёром или особенностей эмоциональной регуляции [5], [8]. По нашим наблюдениям, из 54 женщин, обратившихся за консультированием в ситуации репродуктивного выбора, 31 (57,4 %) не использовали контрацепцию. В качестве объяснения они приводили либо ссылку на длительный период, в течение которого данный способ не приводил к беременности, либо указание на непреднамеренность наступления беременности («так получилось»), что может рассматриваться как признак внешнего локуса контроля в сфере репродуктивного поведения. Это согласуется с данными литературы о том, что отказ от контрацепции может выполняться не столько из-за отсутствия информации, сколько из-за психологических механизмов, позволяющих женщине избегать активной позиции в отношении собственной фертильности. Третья трудность — защитные механизмы, затрудняющие контакт. Отрицание, рационализация и интеллектуализация позволяют женщине дистанцироваться от эмоционального содержания ситуации. Как отмечают исследователи, пациентки с повторными абортами могут испытывать скорее удовлетворение и облегчение, чем вину и чувство утраты после очередного аборта [1], [11]. Это создаёт парадоксальную ситуацию: психолог ожидает столкновения с переживаниями, а женщина демонстрирует эмоциональную отстранённость. Четвёртая трудность – этическая. Консультирование женщин с повторными абортами сопряжено с риском незаметного соскальзывания в директивность и морализаторство. Психологи, настроенные против абортов, могут открыто или скрыто пытаться убедить пациентку отказаться от прерывания, что противоречит принципам репродуктивного консультирования [8], [10]. Кроме того, существует риск стигматизации: женщины, имеющие более одного аборта, часто сталкиваются с осуждением и описывают усиленные чувства стыда [12].

Когнитивно-поведенческий подход в консультировании: рассматривает повторный аборт как результат устойчивых дисфункциональных когниций и поведенческих паттернов, а не только как следствие социальных или эмоциональных трудностей. В рамках этого подхода мишенями психологического вмешательства становятся: внешний локус контроля в сфере репродуктивного поведения; иррациональные убеждения («беременность не наступит», «так получилось»); низкая самооэффективность в использовании контрацепции; избегающее поведение, связанное с обсуждением контрацепции с партнёром; а также

дефицит навыков планирования и принятия решений. Интервенции включают когнитивное переструктурирование, поведенческие эксперименты, обучение навыкам решения проблем и коммуникативный тренинг.

Практические рекомендации. С учётом выявленных трудностей консультирование женщин с повторными абортами требует дифференцированного подхода. Целесообразно: 1) увеличивать длительность и число встреч, не ограничиваясь разовой консультацией; 2) отдельно обсуждать контрацептивное поведение, учитывая возможные опасения побочных эффектов и предшествующий негативный опыт; 3) использовать методы когнитивно-поведенческой терапии, направленные на выявление и коррекцию дисфункциональных установок в сфере репродуктивного поведения и контрацепции, а также на формирование внутреннего локуса контроля; 4) сохранять недирективную позицию, уважая автономию женщины и избегая стигматизации; 5) предусматривать возможность включения в консультативный процесс партнёра (партнёрское консультирование), поскольку нестабильные отношения с партнёром и отсутствие его поддержки выступают значимыми факторами повторных абортов; при этом решение о привлечении партнёра должно приниматься самой женщиной с учётом её безопасности и согласия.

Заключение

Консультирование женщин с повторными абортами в анамнезе представляет собой особую область работы психолога женской консультации, требующую учёта личностных особенностей, эмоционального состояния и когнитивных и поведенческих механизмов, лежащих в основе репродуктивного выбора. Основные трудности связаны с устойчивостью репродуктивной стратегии, низкой мотивацией к изменению контрацептивного поведения, действием защитных механизмов и этическими рисками директивности и стигматизации. Полученные данные свидетельствуют о том, что более половины женщин не используют контрацепцию и склонны объяснять наступление беременности её непреднамеренностью, что может рассматриваться как признак внешнего локуса контроля в сфере репродуктивного поведения. Это требует включения в консультирование работы с установками и поведенческими паттернами в сфере контрацепции. Эффективная помощь этой группе предполагает более длительное и комплексное сопровождение, включающее работу с контрацептивным поведением, когнитивно-поведенческие интервенции и уважение автономии женщины.

Список литературы

1. Агарков, В.А. Множественные аборты как способ переработки психической боли / В.А. Агарков, С.А. Бронфман // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т. 22, № 2. – С. 191–212.
2. Алехин, А.Н. Психопрофилактика абортов: методические рекомендации / А.Н. Алехин, М.Е. Блох, А.И. Блюм, Т.Д. Василенко [и др.]; под ред. А.Н. Алехина, И.В. Добрякова. – Санкт. ISBN [указать]. – Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. – 120 с.

3. Волгина, Н.Е. Психологические детерминанты репродуктивного выбора женщин с повторными абортами / Н.Е. Волгина, И.С. Морозова, К.Н. Белогай // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 105–117.
4. Добряков, И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков. – Санкт. – Петербург: Питер, 2015. – 272 с.
5. Захарова, Е.С. Искусственное прерывание беременности: факторы, влияющие на репродуктивный выбор / Е.С. Захарова, И.А. Германович, Н.В. Руденко, А.В. Калантай // Вестник Краевой клинической больницы. – 2024. – № 2. – С. 1–5.
6. Костарева, Е.Н. Проблемы профилактики абортов в работе психолога медицинской организации, оказывающей помощь по профилю «акушерство и гинекология» / Е.Н. Костарева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 389–397.
7. Малышкина, А.И. Характеристика медико-социально-психологической помощи беременным женщинам в ситуации репродуктивного выбора / А.И. Малышкина, О.Н. Песикин, М.В. Кулигина // Акушерство и гинекология. – 2025. – № 12. – С. 134–138.
8. Микляева, А.В. «Что мне делать со своей беременностью?»: стратегии психологического консультирования (на материале интернет-форума) / А.В. Микляева, П.В. Румянцева // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 113–126.
9. Мордовский, Э.А. Контрацептивное поведение, знания и представления женщин, проживающих в северном регионе, о методах контрацепции / Э.А. Мордовский, И.М. Сон, Т.А. Мужикова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2025. – Т. 33, № 2.
10. Организация психологической помощи беременной женщине в ситуации репродуктивного выбора: методические рекомендации для специалистов / Ю.А. Заозерский, Л.В. Винтухова, И.В. Добряков, И.О. Ефременко. – Санкт-Петербург: СПб ГКУЗ «Городской центр общественного здоровья и медицинской профилактики», 2025. – 12 с.
11. Полякова, Е.Я. Клинико-психологические аспекты постабортного синдрома / Е.Я. Полякова // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2009. – Т. 3. – С. 121–135.
12. Русанова, Н.Е. Новые тенденции абортов и контрацепции в России / Н.Е. Русанова, Л.В. Ерофеева // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сборник научных статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 383–389.
13. Русанова, Н.Е. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи / Н.Е. Русанова, Л.В. Ерофеева // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5, № 2. – С. 6–21.
14. Русанова, Н.Е. Эмоциональные проблемы на этапах репродуктивного выбора: от планирования до послеродовой депрессии / Н.Е. Русанова, И.Б. Назарова // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 1. – С. 40–50.
15. Ткаченко, Л.В. Аборт: репродуктивный выбор или потеря репродукции? / Л.В. Ткаченко, И.А. Гриценко, К.Ю. Тихаева [и др.] // Медицинский алфавит. – 2021. – № 11. – С. 22–27.

16. Тюмина, О.В. Эффективность медико-психологических мероприятий у женщин в ситуации репродуктивного выбора / О.В. Тюмина, Ю.М. Черезова, А.В. Колпакова // Медицинский и фармацевтический журнал «Пульс». – 2023. – Т. 25, № 10. – С. 42–46.
17. Фаткуллина, Л.С. Консультирование в ситуации репродуктивного выбора: учебное пособие для ординаторов / Л.С. Фаткуллина, М.М. Миннуллин, В.В. Жаворонков; под ред. И.Ф. Фаткуллина. – Казань: Казанский ГМУ, 2023. – 66 с.
18. Юсупова, А.Н. Личностные психологические особенности женщин, прервавших беременность / А.Н. Юсупова, О.Н. Камышева // Казанский медицинский журнал. – 2001. – Т. 82, № 3. – С. 213–215.
19. E. Dumitriu. Contraceptive Barriers and Psychological Well-Being After Repeat Induced Abortion: A Systematic Review // Behavioral Sciences. – 2025. – Т. 15, № 10. – Art. 1363. – DOI: 10.3390/bs15101363.
20. The first abortion – and the last? A study of the personality factors underlying repeated failure of contraception / [Author names not specified] // BJOG: An International Journal of Obstetrics & Gynaecology. – 2004. – Т. 111, № 3. – P. 263–268.

References

1. Agarkov V.A. Multiple abortions as a way of processing mental pain / V.A. Agarkov, S.A. Bronfman // Counseling Psychology and Psychotherapy. – 2014. – Vol. 22, No. 2. – P. 191–212.
2. Alekhin A.N. Psychoprophylaxis of abortions: methodological recommendations / A.N. Alekhin, M.E. Blokh, A.I. Blyum, T.D. Vasilenko [et al.]; ed. by A.N. Alekhin, I.V. Dobryakov. ISBN. – Saint Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2024. – 120 P.
3. Volgina N.E. Psychological determinants of reproductive choice in women with repeat abortions / N.E. Volgina, I.S. Morozova, K.N. Belogai // National Psychological Journal. – 2023. – No. 3. – P. 105–117.
4. Dobryakov I.V. Perinatal psychology. – Saint Petersburg: Piter, 2015. – 272 P.
5. Zakharova E.S. Artificial termination of pregnancy: factors influencing reproductive choice / E.S. Zakharova, I.A. Germanovich, N.V. Rudenko, A.V. Kalantai // Herald of the Regional Clinical Hospital. – 2024. – No. 2. – P. 1–5.
6. Kostareva E.N. Problems of abortion prevention in the work of a psychologist of a medical organization providing care in the field of obstetrics and gynecology // Izvestia of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture. – 2023. – Vol. 29, No. 4. – P. 389–397.
7. Malyshkina A.I. Characteristics of medical, social and psychological assistance to pregnant women in a situation of reproductive choice / A.I. Malyshkina, O.N. Pesikin, M.V. Kuligina // Obstetrics and Gynecology. – 2025. – No. 12. – P. 134–138.

8. Miklyaeva A.V. “What should I do with my pregnancy?”: strategies of psychological counseling (based on an Internet forum) / A.V. Miklyaeva, P.V. Rumyantseva // *Counseling Psychology and Psychotherapy*. – 2020. – Vol. 28, No. 1. – P. 113–126.
9. Mordovsky E.A. Contraceptive behavior, knowledge and perceptions of women living in the northern region about contraceptive methods / E.A. Mordovsky, I.M. Son, T.A. Muzhikova [et al.] // *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. – 2025. – Vol. 33, No. 2.
10. Organization of psychological assistance to a pregnant woman in a situation of reproductive choice: methodological recommendations for specialists / Yu.A. Zaozersky, L.V. Vintukhova, I.V. Dobryakov, I.O. Efremenko. – Saint Petersburg: St. Petersburg State Public Health Institution “City Center for Public Health and Medical Prevention”, 2025. – 12 P.
11. Polyakova E.Ya. Clinical and psychological aspects of post-abortion syndrome // *Bulletin of NSU. Series: Psychology*. – 2009. – Vol. 3. – P. 121–135.
12. Rusanova N.E. New trends in abortions and contraception in Russia / N.E. Rusanova, L.V. Erofeeva // *Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges: collection of scientific articles*. – Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. – P. 383–389.
13. Rusanova N.E. Reproductive health and reproductive choice of Russian youth / N.E. Rusanova, L.V. Erofeeva // *DEMIS. Demographic Research*. – 2025. – Vol. 5, No. 2. – P. 6–21.
14. Rusanova N.E. Emotional problems at the stages of reproductive choice: from planning to postpartum depression / N.E. Rusanova, I.B. Nazarova // *Population*. – 2025. – Vol. 28, No. 1. – P. 40–50.
15. Tkachenko L.V. Abortion: reproductive choice or loss of reproduction? / L.V. Tkachenko, I.A. Gritsenko, K.Yu. Tikhaeva [et al.] // *Medical Alphabet*. – 2021. – No. 11. – P. 22–27.
16. Tyumina O.V. Effectiveness of medical and psychological measures in women in a situation of reproductive choice / O.V. Tyumina, Yu.M. Cherezova, A.V. Kolpakova // *Medical and Pharmaceutical Journal “Pulse”*. – 2023. – Vol. 25, No. 10. – P. 42–46.
17. Fatkullina L.S. Counseling in a situation of reproductive choice: a textbook for residents / L.S. Fatkullina, M.M. Minnullin, V.V. Zhavoronkov; ed. by I.F. Fatkullin. – Kazan: Kazan State Medical University, 2023. – 66 P.
18. Yusupova A.N. Personal psychological characteristics of women who terminated pregnancy / A.N. Yusupova, O.N. Kamysheva // *Kazan Medical Journal*. – 2001. – Vol. 82, No. 3. – P. 213–215.
19. Dumitriu, E. Contraceptive Barriers and Psychological Well-Being After Repeat Induced Abortion: A Systematic Review // *Behavioral Sciences*. – 2025. – Vol. 15, No. 10. – Art. 1363. – DOI: 10.3390/bs15101363.
20. The first abortion – and the last? A study of the personality factors underlying repeated failure of contraception / [Author names not specified] // *BJOG: An International Journal of Obstetrics & Gynaecology*. – 2004. – Vol. 111, No. 3. – P. 263–268.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Статья поступила в редакцию: 19.09.2026

Статья принята к публикации: 24.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 159.98:004.8

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23454

Программный комплекс анализа экстралингвистических характеристик речи в психологическом консультировании: архитектура и принцип трёхуровневой интерпретируемости

Шанин Александр Владимирович

докторант

институт Смарт

Российская Федерация, г. Москва

E-mail: Otis13@ya.ru

A software system for analysing extralinguistic speech characteristics in psychological counselling: architecture and the principle of three-level interpretability

Shanin Aleksandr Vladimirovich

Smart Institute

Russia, Moscow

Аннотация

Распространение больших языковых моделей в психологической практике обострило проблему доверия к автоматически сформированным выводам: связный и профессионально звучащий текст не содержит указания на то, из каких данных он получен, а ответственность за сказанное клиенту остаётся за специалистом. В статье описан программный комплекс «Оракул Лайт», предназначенный для анализа экстралингвистических характеристик речи в индивидуальном психологическом консультировании, и обоснован положенный в его основу принцип трёхуровневой интерпретируемости. Консультативная сессия рассматривается как объект, имеющий акустический, структурный и аналитический уровни. Интерпретируемость понимается не как объяснение внутреннего устройства модели, а как свойство выходного текста: возможность проследить любой вывод от формулировки гипотезы через её адрес во фрагменте сессии до числового показателя, вычисленного детерминированным алгоритмом. Показано, как этот принцип закреплён в архитектуре комплекса. Языковая модель не

Библиографическое описание: Шанин А.В. Программный комплекс анализа экстралингвистических характеристик речи в психологическом консультировании: архитектура и принцип трёхуровневой интерпретируемости // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23454>

получает аудиозапись и не выполняет измерений; интерпретационная версия принимается только при двойной опоре на реплику клиента и акустический показатель того же фрагмента; каждая версия сопровождается явным уровнем уверенности и условием, которое её опровергает; противоречащие сигналы подлежат обязательному называнию. Рассмотрено практическое значение подхода для специалиста в рамках концепции «ИИ как ассистент профессиональной рефлексии», а также ограничения, связанные с пилотным статусом апробации, тематической однородностью выборки и зависимостью результатов от качества автоматического разделения говорящих.

Abstract

The spread of large language models in psychological practice has sharpened the problem of trust in automatically generated conclusions: a coherent, professionally worded text gives no indication of the data it was derived from, while responsibility for what is said to the client remains with the practitioner. The article describes Oracul Lite, a software system for analysing extralinguistic speech characteristics in individual psychological counselling, and substantiates the principle of three-level interpretability underlying it. A counselling session is treated as an object with acoustic, structural and analytical levels. Interpretability is understood not as an explanation of the model's internal workings but as a property of the output text: the possibility of tracing any conclusion from the wording of a hypothesis, through its location in a session fragment, to a numerical indicator computed by a deterministic algorithm. The article shows how this principle is embedded in the architecture of the system. The language model receives no audio recording and performs no measurements; an interpretative version is accepted only with dual support, a client utterance and an acoustic indicator from the same fragment; every version carries an explicit confidence level and a condition that would refute it; contradictory signals must be reported. The practical value of the approach is discussed within the concept of AI as an assistant to professional reflection, together with limitations related to the pilot status of the evaluation, the thematic homogeneity of the sample and the dependence of the results on the quality of automatic speaker diarization.

Ключевые слова: экстралингвистические характеристики речи, психологическое консультирование, большие языковые модели, трёхуровневая интерпретируемость, экстралингвистический профиль консультативной сессии, верифицируемость выводов, профессиональная рефлексия.

Keywords: extralinguistic speech characteristics, psychological counselling, large language models, three-level interpretability, extralinguistic profile of a counselling session, verifiability of conclusions, professional reflection.

Введение

Получив от программы текст о собственном клиенте, опытный консультант спрашивает прежде всего не о том, насколько текст глубок, а о том, откуда он взялся. Вопрос этот не праздный: всё, что специалист затем скажет клиенту или положит в план следующей встречи, ложится на его профессиональную ответственность, и ссылка на «так посчитала система» её не снимает.

С появлением больших языковых моделей вопрос стал заметно острее. Модели пишут гладко, уверенно и в узнаваемом профессиональном регистре – и как раз поэтому оценить написанное труднее, чем прежде. Применение таких моделей в психологии стало предметом отдельного обсуждения [4]. Лоуренс и др. [8] в обзоре возможностей и рисков языковых моделей в сфере психического здоровья предупреждают, что неточная информация может оказаться вреднее, чем её отсутствие, особенно когда неточность трудно заметить, и настаивают, что решение о принятии предложений модели остаётся за специалистом. Для консультанта это означает простую вещь: убедительность вывода ничего не говорит о его точности.

Традиция автоматического анализа голоса, существовавшая задолго до языковых моделей, эту проблему не решает, а по-своему воспроизводит. Обзор Эль-Айяди и др. [5] описывает типичную схему распознавания эмоций по речи: из сигнала извлекаются акустические признаки, классификатор соотносит их с одной из заранее заданных категорий. Точность такого распознавания ограничена: по данным Шерера [10], на записях актёрских портретов эмоций она составляет от 55 до 65 %. Хазарика и др. [6] ввели в модель контекст диалога – предшествующие реплики обоих собеседников в диаде, – однако итогом анализа по-прежнему остаётся метка эмоционального класса. В работе Трана и др. [11] по тексту и звуку реальных сессий мотивационного интервьюирования автоматически распознаётся уровень эмпатии консультанта, и результатом снова служит итоговая оценка.

Практику такая метка мало что даёт: с ней можно согласиться или не согласиться, но её нельзя проверить – в ней не указано, на каком отрезке беседы и по какому признаку она получена. Мы исходим из того, что вопрос «как сделать систему точной» применительно к интерпретации не имеет окончательного ответа: два квалифицированных специалиста могут по-разному прочесть один и тот же случай, и оба прочтения будут профессионально обоснованы. Решаемым мы считаем другой вопрос – как сделать выводы системы проверяемыми.

Цель исследования

Цель работы – обосновать принцип трёхуровневой интерпретируемости как способ обеспечить проверяемость выводов системы автоматизированного анализа речи в психологическом консультировании и показать, как этот принцип реализован в архитектуре программного комплекса «Оракул Лайт» (Oracul Lite, Python 3.12 / FastAPI / WhisperX / ruannote.audio, 2025–2026). Техническое устройство комплекса рассматривается здесь не само по себе, а в той мере, в какой оно этот принцип воплощает.

Материал и методы исследования

Материалом служат аудиозаписи индивидуальных консультаций, проводимых автором в рамках собственной практики. Каждая встреча длится от 20 до 30 минут, проходит в диаде «консультант – клиент» и строится по фиксированному скрипту из десяти вопросов, направленных на прояснение запроса. Единый формат сессий – условие сопоставимости акустических данных между записями.

Методологически работа опирается на представление о консультативной сессии как о трёхуровневом объекте. Первый уровень, акустический, включает объективно измеримые характеристики: темп речи, вариативность основного тона, громкость, длительность высказываний и долю пауз. Здесь ничего не интерпретируется, здесь измеряют. Второй уровень, структурный, отвечает на вопрос, кто говорит и в какой части беседы: он разделяет речь психолога и клиента и членит сессию на смысловые блоки. Третий уровень, аналитический, строит из измерений и структуры профессиональные гипотезы. Совокупность акустических показателей, разнесённых по структуре беседы, мы называем экстралингвистическим профилем консультативной сессии; принципиально, что этот профиль описывает процесс, а не состояние человека.

Обработка записи устроена как конвейер, где за каждым этапом закреплена ровно одна операция. Речь переводится в текст средствами WhisperX – надстройки над моделью распознавания речи Whisper, обученной на большом массиве слабо размеченных данных [9]. Исходная модель не выдаёт пословных временных меток, и WhisperX получает их принудительным выравниванием фонемного распознавания с аудиосигналом [1]. Разделение говорящих выполняет пакет ruannote.audio – набор нейросетевых компонентов, включающий определение речевой активности и векторные представления голоса [2]. Роли психолога и клиента назначаются по взвешенной сумме четырёх признаков речевого поведения: доли времени речи, доли слов, средней длины реплики и частоты вопросов. Просодические характеристики извлекаются средствами Praat через программный интерфейс parselmouth [7], энергетические – средствами библиотеки анализа аудио librosa.

Границы смысловых блоков система не угадывает: консультант после каждого вопроса нажимает элемент интерфейса, который фиксирует момент перехода. Адрес любого фрагмента – «ответ на седьмой вопрос» – известен системе точно, а не восстановлен задним числом по тексту.

Отдельного обоснования требует выбор меры вариативности тона. Интуитивно напрашивается простой размах: расстояние от самого низкого значения частоты во фрагменте до самого высокого. Однако алгоритм отслеживания тона время от времени ошибается на октаву, и единственная ошибочная точка раздувает размах до бессмысленных величин: на одной из ранних записей размах составил 318 Гц при медиане около 100 Гц. В действующей версии основной мерой служит стандартное отклонение частоты основного тона, устойчивое к единичным выбросам, а диапазон поиска частоты задаётся с учётом пола говорящего.

Языковая модель подключается только на третьем уровне. Аудиозапись ей не передаётся: на вход подаётся структурированный пакет – транскрипт, разбитый по блокам и размеченный по ролям, агрегированные акустические показатели каждого блока и сводные характеристики сессии. Эта же граница разделяет два вычислительных контура системы. Все измерения выполняются на локальном сервере, откуда аудиозапись и голос как биометрическая характеристика не выходят; внешней языковой модели через промежуточный шлюз передаются только текст и числа. Такое устройство реализует подход «конфиденциальность по архитектуре», при котором защита данных встроена в саму конструкцию системы, а не добавлена к ней после [3].

Результаты исследования и их обсуждение

Термин «интерпретируемость» в литературе по машинному обучению обычно относится к объяснению внутренней работы модели. Мы употребляем его в ином значении: интерпретируемость для нас – свойство не модели, а выходного текста. Внутренности языковой модели остаются закрытыми, и раскрывать их не требуется. Вместо этого к тексту предъявляется требование разложимости: любое утверждение отчёта должно допускать обратный ход – от формулировки гипотезы (аналитический уровень) к конкретному фрагменту сессии, где она основана (структурный уровень), и далее к числу, вычисленному для этого фрагмента (акустический уровень). Три уровня модели сессии превращаются в три ступени проверки, отсюда и название принципа.

У принципа есть простой рабочий критерий. Специалист, располагающий несколькими минутами, берёт из отчёта любое утверждение и пытается найти в транскрипте реплику, на которую оно опирается, и показатель, который его подкрепляет. Если это удаётся, вывод можно принимать или отклонять уже по существу. Если обратный ход обрывается, утверждение не обосновано, как бы убедительно оно ни звучало. Отсюда вытекает требование, которое легко упустить: проследить вывод до числа имеет смысл лишь тогда, когда само число надёжно. Обратный ход к ошибочному измерению создаёт видимость обоснованности там, где её нет, и это хуже прямого отсутствия опоры. Поэтому трёхуровневая интерпретируемость начинается не с языковой модели, а с выбора метрик на акустическом уровне.

Разделение труда между алгоритмами и моделью сужает саму природу возможных ошибок. Ошибиться в измерении модель не может, потому что не измеряет; ошибиться она может только в прочтении. Ошибка прочтения обнаружима, поскольку исходный пакет данных и необработанный ответ модели сохраняются вместе с итоговым текстом отчёта. Инструкция для модели зафиксирована в единой редакции и не менялась на протяжении апробации, иначе сопоставлять отчёты разных сессий было бы некорректно.

Сами по себе эти меры не гарантируют, что текст отчёта будет опираться на данные: соблюсти любую форму можно и при содержательно произвольном наполнении. Поэтому основную нагрузку несёт система требований, предъявляемых к каждому выводу модели. Центральное из них – требование двойной опоры. Версия о причинах, скрытых за запросом клиента, принимается лишь при наличии двух оснований одновременно: дословной или близкой к дословной реплике клиента и акустического показателя, выделяющегося на том же фрагменте сессии. Если голос в этом месте ничего не добавляет к словам, версия допускается с одной, речевой, опорой, но уровень уверенности в ней не может быть выше среднего. Подставлять цифру ради солидности запрещено. Двойная опора переводит интерпретируемость из декларации в условие порождения текста: обратный ход закладывается в вывод в момент его формулировки, а не восстанавливается специалистом потом.

С двойной опорой связан запрет на очевидное. Акустический показатель считается аргументом только тогда, когда сообщает то, чего нельзя было узнать из слов. Формула «много пауз – значит, тема трудная» лишь подписывает цифру и ничего не открывает. Ценно другое – рассогласование между сказанным и тем, как это прозвучало. Приведём условный

пример того уровня, на который ориентирована система. Клиент называет главной своей трудностью отсутствие цели и говорит об этом относительно ровно; зато на вопросе о том, по каким признакам он поймёт, что цель достигнута, речь дробится сильнее всего за сессию, а вариативность тона падает до минимума. Словами клиент этот момент не выделил и прошёл его вскользь. Отсюда рабочая гипотеза: застревание, возможно, связано не с выбором цели, а с отсутствием внутреннего критерия её достижения. Именно такие места консультант, удерживающий в фокусе содержание беседы, рискует пропустить. Показатель, который лишь повторяет вывод, уже очевидный из слов, опасен другим: он создаёт иллюзию проверенности и ослабляет критичность читателя.

Каждая версия сопровождается двумя обязательными элементами – явным уровнем уверенности и указанием на то, что могло бы её опровергнуть. Второй элемент не менее важен, чем первый. Гипотеза с условием опровержения перестаёт быть суждением, которое остаётся только принять или отвергнуть, и становится предметом проверки на следующей встрече: в отчёте ей соответствует конкретный вопрос с пометкой, какую именно версию он проверяет. Проверка тем самым выносится за пределы текста – в живую работу с клиентом, где у специалиста есть собственные средства различения.

Отдельное правило касается формы, в которой числа предъявляются читателю. Консультант не обязан помнить, что означают восемь герц стандартного отклонения тона, поэтому любое значение приводится со сравнением внутри той же сессии: не «вариативность тона 8,4 Гц», а «самый ровный тон за встречу – 8,4 Гц против 15–22 Гц на других темах». Внутрисессионное сравнение решает сразу две задачи: делает цифру понятной без справочника и избавляет от опоры на внешние нормативы, которых для подобных метрик в консультативной речи не существует. Наконец, инструкция запрещает замалчивать противоречащие сигналы: если громкость на фрагменте растёт, а вариативность тона падает, модель обязана назвать оба факта и предложить два прочтения. Выбор удобного сигнала при умолчании о неудобном – самый естественный способ получить гладкий и убедительный текст, поэтому он закрыт прямым запретом.

Структура отчёта подчинена тому же принципу, но выстроена от выводов к данным. Консультант присутствовал на сессии, и пересказ беседы ему не нужен. Отчёт открывается сопоставлением исходной и итоговой формулировок запроса, продолжается конкурирующими версиями того, что может за ним стоять, адресными направлениями работы и опорами для следующей встречи и завершается разделом опорных показателей. Этот последний раздел не вводит новых трактовок: в нём собраны именно те числа, на которые опирались версии, и при каждом помечено, какую версию оно подкрепляет. Круг замыкается внутри самого документа, а в печатной версии отчёта сводная таблица показателей приложена к аналитическому тексту.

Что получает специалист от системы, устроенной подобным образом? Прежде всего не новые сведения о клиенте, а возможность вернуться к прошедшей встрече с другой стороны. Внимание консультанта во время сессии поглощено содержанием разговора, удержанием контакта и выбором следующего шага; форма речи – где клиент замедлился, где замолчал дольше обычного, где голос перестал совпадать со словами – фиксируется в лучшем случае фрагментарно. Отчёт возвращает эту сторону беседы в поле рассмотрения. Мы обозначаем такую роль системы как «ИИ как ассистент профессиональной рефлексии»: система не

сообщает психологу, что происходило на встрече, – он там был, – а задаёт вопрос, близкий по духу к супервизорскому: что происходило вот в этом месте и почему оно звучит иначе, чем соседние?

Трёхуровневая интерпретируемость защищает специалиста от двух противоположных ошибок. Первая – некритичное принятие вывода, звучащего профессионально и уверенно. Вторая, о которой говорят реже, – огульное отвержение: если вывод нельзя проверить, осторожный практик разумно отказывается от него целиком, вместе с тем полезным, что в нём было. Возможность обратного хода позволяет обойтись без обеих крайностей: консультант может принять одну версию, отклонить другую, третью отложить до следующей встречи – и в каждом случае знать, на каком основании он это делает.

Разграничение ответственности формулируется в системе явно. Система отвечает за корректность измерений и за честную маркировку того, на чём держится каждая гипотеза и насколько она уверена. Специалист отвечает за интерпретацию, за выбор того, что из отчёта взять в работу, и за всё, что будет сказано клиенту. Сам клиент отчёт не читает и знакомится с выводами системы в устном обсуждении со специалистом. Инструкция запрещает модели описывать черты личности: одна встреча не даёт для этого оснований, и подкрепить такие суждения системе было бы нечем. Рабочий материал отчёта – темы, противоречия и динамика в пределах конкретной сессии.

Предлагаемый подход отличается и от направления, в котором развивается автоматический анализ записей консультаций. В работах, подобных исследованиям Хазарики и др. [6] и Трана и др. [11], задача ставится как распознавание: определить эмоцию собеседника или уровень эмпатии консультанта. Мы сознательно отказываемся от итоговой оценки в пользу набора проверяемых гипотез с адресами. Точность такого отчёта нельзя выразить одной цифрой, зато каждое его утверждение открыто для профессиональной проверки.

Ограничения подхода назовём прямо. Апробация системы имеет пилотный характер и ведётся на тематически однородной выборке: клиенты обращались с запросами, связанными со смыслом, самореализацией и целеполаганием, и переносить результаты на другие категории запросов пока нельзя. Сессии проводит, а отчёты оценивает один специалист, который одновременно является автором системы, поэтому его оценки не слепые и не свободны от эффекта подтверждения. Самое чувствительное техническое ограничение – зависимость всей цепочки от качества разделения говорящих: если алгоритм отнёс фрагмент речи клиента консультанту, обратный ход сработает безупречно, но приведёт к реплике и показателю не того человека. Трёхуровневая интерпретируемость обеспечивает проверяемость вывода и не защищает от ошибок, допущенных на ранних этапах обработки. Требования к выводам модели заданы инструкцией, а не жёстким программным ограничением, и модель может их нарушить; именно поэтому числа, на которые опирается отчёт, всегда остаются в распоряжении специалиста. Наконец, совпадение выводов системы с наблюдением специалиста само по себе ещё не доказывает, что акустический канал добавляет что-то к анализу одного лишь текста беседы: этот вопрос проверяется отдельной процедурой сопоставления отчётов, построенных на полном и урезанном пакете данных, и выходит за рамки настоящей статьи.

Заключение

Проблему доверия к выводам систем на основе больших языковых моделей в психологической практике мы предлагаем решать не повышением убедительности этих выводов, а обеспечением их проверяемости. Принцип трёхуровневой интерпретируемости понимает интерпретируемость как свойство выходного текста: любое утверждение отчёта должно допускать обратный ход от гипотезы к фрагменту сессии и далее к числу, полученному детерминированным алгоритмом. В программном комплексе «Оракул Лайт» этот принцип закреплён разделением измерения и интерпретации, выбором устойчивых метрик, требованием двойной опоры, явными уровнями уверенности с условиями опровержения и запретом на замалчивание противоречащих сигналов.

Такое устройство оставляет интерпретацию за специалистом, которому она принадлежит и по профессиональным, и по этическим основаниям, и одновременно даёт ему материал для профессиональной рефлексии, недоступный в ходе живой беседы. Дальнейшая работа связана с эмпирической проверкой того, насколько систематически выводы системы согласуются с независимыми критериями, и с оценкой собственного вклада акустического канала.

Список литературы

1. Bain M., Huh J., Han T., Zisserman A. WhisperX: time-accurate speech transcription of long-form audio // Proceedings of Interspeech. – 2023. – P. 4489–4493. – DOI: 10.21437/Interspeech.2023–78.
2. Bredin H., Yin R., Coria J.M., Gelly G., Korshunov P., Lavechin M., Fustes D., Titeux H., Bouaziz W., Gill M.-P. pyannote.audio: neural building blocks for speaker diarization // Proceedings of the IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP. – 2020. – P. 7124–7128. – DOI: 10.1109/ICASSP40776.2020.9052974.
3. Cavoukian A. Privacy by design: the 7 foundational principles. Toronto: Information and Privacy Commissioner of Ontario [Электронный ресурс]. – 2011. – 5 с. URL: https://student.cs.uwaterloo.ca/~cs492/papers/7foundationalprinciples_longer.pdf (дата обращения: 18.09.2026).
4. Demszky D., Yang D., Yeager D.S., Bryan C.J., Clapper M., Chandhok S., Eichstaedt J.C., Hecht C., Jamieson J., Johnson M., Jones M., Krettek-Cobb D., Lai L., JonesMitchell N., Ong D.C., Dweck C.S., Gross J.J., Pennebaker J.W. Using large language models in psychology. Nature Reviews Psychology. 2023. vol. 2. P. 688–701. DOI: 10.1038/s44159-023-00241-5.
5. El Ayadi M., Kamel M.S., Karray F. Survey on speech emotion recognition: features, classification schemes, and databases. Pattern Recognition. 2011. vol. 44. no. 3. P. 572–587. DOI: 10.1016/j.patcog.2010.09.020.
6. Hazarika D., Poria S., Zadeh A., Cambria E., Morency L.-P., Zimmermann R. Conversational memory network for emotion recognition in dyadic dialogue videos // Proceedings of the. – 2018. – P. 2122–2132. – DOI: 10.18653/v1/N18-1193.
7. Jadoul Y., Thompson B. de Boer B. Introducing Parselmouth: a Python interface to Praat // Journal of Phonetics. – 2018. – P. 1–15. – DOI: 10.1016/j.wocn.2018.07.001.

8. Lawrence H.R., Schneider R.A., Rubin S.B., Matarić M.J., McDuff D.J., Jones Bell M. The opportunities and risks of large language models in mental health. *JMIR Mental Health*. 2024. vol. 11. P. e59479. DOI: 10.2196/59479.
9. Radford A., Kim J.W., Xu T., Brockman G. McLeavey C., Sutskever I. Robust speech recognition via large-scale weak supervision // *Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning (ICML. – 2023. – P. 28492–28518.*
10. Scherer K.R. Vocal communication of emotion: a review of research paradigms. *Speech Communication*. 2003. vol. 40. no. 1–2. P. 227–256. DOI: 10.1016/S0167-6393(02)00084-5.
11. Tran T., Yin Y., Tavabi L., Delacruz J., Borsari B., Woolley J.D., Scherer S., Soleymani M. Multimodal analysis and assessment of therapist empathy in motivational interviews // *Proceedings of the 25th International Conference on Multimodal Interaction (ICMI '23)*. Paris. – 2023. – P. 406–415. – DOI: 10.1145/3577190.3614105.

ARTICLES IN ENGLISH

PSYCHOLOGY

SOCIAL PSYCHOLOGY

Статья поступила в редакцию: 18.09.2026

Статья принята к публикации: 26.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 615.851.82:314.151.3 – 054.73(477)

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23475

The role of visual art in emotional recovery during crisis situations: a conceptual analysis in the context of forced Ukrainian displacement

Mariien Kateryna
Independent Researcher
Visual Artist,
United States, Miami, Florida
E-mail: k.marien.art@gmail.com

Роль изобразительного искусства в эмоциональном восстановлении в кризисных ситуациях: концептуальный анализ в контексте вынужденного перемещения украинцев

Мариен Катерина
независимый исследователь, художник
США, Майами, Флорида

Abstract

The study seeks to conceptualize the mechanisms by which engagement in visual art practice may support self-perceived emotional recovery among forcibly displaced Ukrainians. The article offers a theoretical and analytical review of published research on art therapy and arts-based reflective practices involving refugees and forcibly displaced populations. The included sources were examined comparatively across five analytic categories: internal experience, visual

Библиографическое описание: Мариен К. Роль изобразительного искусства в эмоциональном восстановлении в кризисных ситуациях: концептуальный анализ в контексте вынужденного перемещения украинцев // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23475>

For citation: Mariien K. The role of visual art in emotional recovery during crisis situations: a conceptual analysis in the context of forced ukrainian displacement // Universum: Psychology and Education : electronic scientific journal. 2026. No. 10(148). Available at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23475>

externalization, reflective distance, formal structuring, and meaning reconstruction. This analysis led to the proposed Visual Transformation of Internal Experience Framework. The framework indicates that creating an image should not be treated as equivalent to emotional recovery on its own. Any meaningful change may instead depend on whether an individual can view the depicted experience from an alternative standpoint, structure visual material using formal artistic elements, and link the image to personal history and cultural identity. The framework further includes neutral and adverse pathways, such as the absence of perceived change, increased emotional distress, and interpretations of visual symbols imposed from outside. Its practical relevance is grounded in offering a foundation for designing arts-based reflective support programs and for conducting subsequent empirical studies. The study does not establish the clinical effectiveness of visual art practice and does not position it as a replacement for professional mental health care.

Аннотация

Цель исследования состоит в осмыслении механизмов, благодаря которым практики визуального искусства способны включаться в субъективно переживаемое эмоциональное восстановление вынужденно перемещённых украинцев. Работа выполнена как теоретико-аналитическое исследование опубликованных источников по арт-терапии и художественно-рефлексивным практикам, ориентированным на беженцев и вынужденно перемещённых лиц. Сопоставление материала осуществлялось по пяти аналитическим категориям: внутреннее переживание, визуальная экстернализация, рефлексивная дистанция, формальное структурирование и реконструкция смысла. В итоге сформулирована модель визуальной трансформации внутреннего опыта. Она демонстрирует, что само по себе создание изображения не тождественно эмоциональному восстановлению. Возможное изменение связано с вероятностью взгляда на переживание со стороны, с организацией визуального материала посредством средств формы и с соотносением создаваемого образа с личной историей и культурной идентичностью. Модель также принимает во внимание нейтральные и отрицательные сценарии, включая отсутствие изменений, усиление эмоционального напряжения и принудительную интерпретацию символов. Практическая значимость предложенной модели заключается в том, что её можно использовать при проектировании программ художественно-рефлексивной поддержки и в последующих эмпирических исследованиях. Исследование не устанавливает клиническую эффективность визуального искусства и не рассматривает художественную практику как замену профессиональной психологической помощи.

Keywords: visual art, emotional recovery, forced displacement, Ukrainian refugees, visual externalization, reflective distance, cultural identity.

Ключевые слова: визуальное искусство, эмоциональное восстановление, вынужденное перемещение, украинские беженцы, визуальная экстернализация, рефлексивная дистанция, культурная идентичность.

1. Introduction

1.1. Research Context

Ultimately, this study highlights the value of combining creative, culturally responsive strategies with psychosocial support models. Given the continually rising number of displacement crises in most regions worldwide, it is long past time to develop new prevention policies that address not only the physical needs of displaced individuals but also their emotional and psychological needs. As this paper argues, visual art offers a practical and accessible way to facilitate emotional healing and strengthen resilience during crises.

1.2. Crisis, Trauma, and Displacement

Crisis-related displacement is among the most urgent global humanitarian challenges, bringing substantial psychological and social repercussions for affected populations. Forced migration frequently exposes people to traumatic experiences such as violence, the loss of loved ones, and the destruction of homes, all of which can markedly shape mental health outcomes. Displacement undermines not only physical safety but also social institutions, cultural identity, and individuals' sense of belonging [2, 17].

The Ukrainian displacement crisis illustrates these dynamics: millions have been compelled to seek refuge in different countries amid conditions characterized by uncertainty and instability. Research indicates that displaced Ukrainian populations face a broad spectrum of psychological difficulties, including anxiety, depression, emotional instability, and challenges in adapting to new socio-cultural environments [2, 3, 9, 13, 15]. These emotional reactions are often intensified by sustained uncertainty and the stress associated with integrating into host communities.

Emotional recovery in such circumstances is a complex, non-linear process. It entails regulating emotions, reconstructing identity, and adjusting to new life conditions. In this article, emotional recovery is defined as a non-linear, self-perceived process that may include emotion regulation, the rebuilding of meaning and identity, and adaptation to altered circumstances. It does not necessarily mean the complete disappearance of distress or a return to the pre-crisis state. Nevertheless, in many displacement contexts, access to formal psychological support remains restricted, which underscores the need for alternative approaches to emotional healing.

1.3. Visual Art and Emotional Expression

Visual art is widely recognized as an effective tool for communication and emotional expression. In contrast to verbal expression, visual art enables people to express internal experiences symbolically and in a non-linear manner, which makes it particularly suitable for situations involving trauma, when language may be insufficient or unavailable.

As a structured therapeutic practice, art therapy is grounded in the idea that creative activities can promote emotional processing, support self-identity, and facilitate psychological recovery. Systematic reviews and intervention studies indicate that visual art therapy may be linked to improvements in specific psychological outcomes, including anxiety and depressive symptoms. However, the reported effects differ across populations, intervention formats, and study designs [6–9, 11, 12].

In addition, visual art helps people engage with complex emotions connected to trauma by translating abstract feelings into concrete, tangible expressions. This externalization process not only supports the release of emotions but also allows individuals to return to, review, and reinterpret their experiences. Reviews focused on adults with depressive or anxiety symptoms suggest that visual art interventions may be associated with improvements in selected psychological outcomes. These results should not be applied directly to forcibly displaced Ukrainians, because the populations involved and the intervention settings differ [6–8, 12].

1.4. Art in Humanitarian and Crisis Contexts

The use of visual art in humanitarian contexts has attracted increasing attention for promoting psychosocial well-being among displaced populations. Art-based interventions may also be implemented in community centers, non-governmental organization (NGO) programs, and refugee camps during crisis situations, where they can offer a safe space for expression and interaction.

The aims of these interventions differ. At the individual level, they facilitate emotional recovery by enabling participants to communicate grief, fear, and hope. At the social level, they foster community participation and improved coping by bringing people together around a shared creative life. At the social level, group-based artistic activities may further create opportunities for interaction and shared experience. Studies on creative arts therapies and arts-based interventions have examined their potential relevance for refugee populations [4, 5, 13, 16, 17].

In addition, art may be essential for maintaining cultural identity, which displacement often undermines. Visual representation can support identity reconstruction by allowing individuals to preserve cultural heritage and personal histories and thereby retain a connection to their past. In cases of displacement from Ukraine, culturally meaningful images can visually link personal memory, place attachment, and identity continuity. Nevertheless, assign interpretations to an image only when the participant reports them or the original study documents them [2, 3, 9, 13, 15].

1.5. Psychological Resilience and Emotional Recovery

One of the most important determinants of emotional recovery is psychological resilience, especially in times of crisis and for those who have been displaced. In essence, it is an individual's ability to deal with adversity constructively and put in place a recovery plan after emotional distress. Resilience should not be thought of as static; it is more of an evolutionary process shaped by the various personal, social, and environmental forces at work.

Research shows a link between resilience and emotional recovery. People who can keep their emotions in check and hold on to a sense of purpose are generally better equipped to handle adverse conditions. In the case of displacement, resilience is heavily influenced by community ties, family cohesion, and the support one has from others.

Visual art can promote psychological resilience by enabling people to express their feelings, strengthen self-efficacy, and cultivate a sense of accomplishment. Creative activities can support this goal by helping individuals feel a sense of control and agency—resources that crises readily undermine. In addition, art-based interventions may improve coping strategies by providing alternative ways to manage stress and trauma.

1.6. From Emotional Expression to Visual Transformation

Prior research has highlighted non-verbal expression as a key advantage of visual and creative arts practices. At the same time, expression alone cannot explain how interacting with an image can alter a person's relationship to a challenging experience. Making an image, then watching it, revising it, and interpreting it may represent distinct phases within the reflective process.

Visual externalization refers to translating an internal experience into an observable form using color, line, shape, symbol, or composition. Once the experience is represented outside the individual, it becomes available for reflection without requiring a fully developed verbal account. This procedure does not eliminate emotional experience but may render it more noticeable and more structured.

Reflective distance captures the movement from being absorbed in an experience to examining its visual depiction. The image can operate as an intermediary object linking the individual and the difficult experience. This distance should not be read as emotional avoidance; instead, it may provide a temporary standpoint that lets the person engage with the experience at an intensity they can tolerate.

Formal structuring occurs when the individual arranges visual elements by establishing boundaries, relationships, contrasts, rhythm, balance, or spatial order. Within this approach, artistic form is not understood as mere decoration. Rather, it is viewed as a means by which emotionally fragmented material can take on a visible, manageable organization.

Meaning reconstruction involves interpreting the finished or developing image in relation to the individual's memories, identity, losses, cultural background, and anticipated future. This phase is especially important in the context of displacement, because forced migration may disrupt continuity between a person's prior environment, current circumstances, and future orientation.

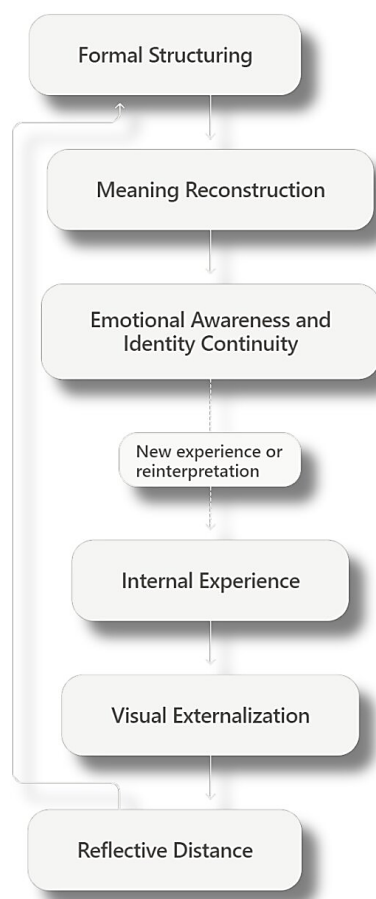

Figure 1. Visual Transformation of Internal Experience Framework

Figure 1 illustrates the proposed Visual Transformation of the Internal Experience Framework. The model frames visual involvement as an evolving process rather than as a single therapeutic event. It initially conveys an internal experience through visual elements, thereby rendering it externally observable. The resulting image may then create reflective distance, enabling the person to examine the experience and approach it from another standpoint. By arranging color, line, boundary, space, and composition, the visual material develops structure. Reading and interpreting this structured image can subsequently support meaning reconstruction, emotional awareness, and continuity of identity. The dotted return pathway suggests that the process may be recursive instead of strictly linear.

1.7. Research Gap and Scientific Novelty

Existing research generally treats visual art as a broad therapeutic or psychosocial intervention and examines its relationship with anxiety, depression, post-traumatic stress, emotional expression, or general well-being. Yet it does not clearly explain the internal mechanism by which an initially unstructured emotional experience becomes a visual form that a displaced person can watch, arrange, and interpret. Consequently, involvement in visual art is often handled as a single intervention rather than as a series of psychologically and artistically distinct processes.

This study addresses that gap by proposing the Visual Transformation of Internal Experience Framework, a process-oriented conceptual model with five interconnected stages: internal experience, visual externalization, reflective distance, formal structuring, and meaning

reconstruction. The framework explains how a challenging internal experience may first be translated into an external visual image, after which the person can create some reflective distance from it. By intentionally organizing color, line, shape, boundary, space, and composition, an emotionally fragmented experience gains a discernible structure. That structure can then help the individual interpret it personally and reconstruct meaning.

The study's scientific contribution is distinguishing visual externalization from reflective distance and formal structuring. These processes are frequently grouped together under broad notions such as emotional expression or art engagement. In contrast, the proposed framework treats them as analytically distinct mechanisms that may serve different roles in emotional recovery. Externalization renders the experience visible; reflective distance alters the individual's relationship to it; formal structuring introduces boundaries and organization; and meaning reconstruction links the visual outcome to identity, memory, and personal continuity.

A further contribution involves applying the framework to Ukrainian displacement. Forced displacement can entail not only psychological distress but also disruption of attachment to place, cultural identity, social roles, and continuity between the past and the present. Accordingly, the framework includes personal and culturally meaningful visual symbols as potential mechanisms that allow displaced individuals to maintain identity and reinterpret their experiences without requiring immediate verbal disclosure.

The proposed model does not assume that visual practice automatically produces therapeutic gains or replaces professional mental health care. Instead, it provides a theoretically testable account of how non-clinical, arts-based reflective practices may foster emotional awareness, symbolic organization, and meaning-making. The framework can inform future qualitative and mixed-method research that examines which stages participants experience, how the stages interact, and under what conditions visual engagement is viewed as helpful, neutral, or emotionally challenging.

1.8. Research Aim and Questions

This study seeks to develop a process-oriented conceptual framework explaining how engagement in visual art practice may support individuals' self-perceived emotional recovery in the context of forced displacement from Ukraine. Using a structured qualitative analysis of published secondary sources, the study investigates five interconnected processes: internal experiencing, visual externalization, reflective distancing, formal structuring, and meaning reconstruction. It further examines the circumstances under which arts-based reflective practice may be experienced as beneficial, affectively neutral, or emotionally challenging. The study does not evaluate the clinical effectiveness of art therapy, nor does it test or establish a causal link between participation in visual art activities and emotional recovery.

Based on the identified research gap, the study addresses the following research questions:

RQ1. How are difficult internal experiences associated with forced displacement represented through visual elements such as color, line, shape, symbol, boundary, and composition?

RQ2. How might an externally generated visual image create reflective distance between an individual and the experience being depicted?

RQ3. What role may formal visual structuring play in transforming emotionally fragmented material into a form that is perceptible and interpretable?

RQ4. How might personal and culturally meaningful symbols contribute to meaning reconstruction and the maintenance of identity continuity among displaced Ukrainians?

RQ5. Under what conditions may arts-based reflective practice be experienced as helpful, neutral, or emotionally difficult?

1.9. Operational Definitions

For this study, internal experience refers to an individual's subjectively perceived combination of emotions, bodily sensations, memories, thoughts, and associations related to crisis or displacement. Visual externalization refers to representing aspects of this experience through observable visual elements. Reflective distance refers to the participant's perceived shift from immediate emotional immersion to observing the represented experience. Formal structuring refers to organizing visual material through boundaries, spatial relationships, composition, rhythm, contrast, or other formal properties. Meaning reconstruction refers to the participant's interpretation or reinterpretation of the image in relation to personal experience, identity, cultural memory, or future orientation.

These concepts describe potential reflective processes and should not be interpreted as clinical diagnoses, standardized treatment stages, or guaranteed psychological outcomes.

2. Materials and Methods

This article provides a qualitative conceptual analysis of secondary sources. The analytical corpus included publications addressing art therapy or arts-based practices with refugees and forcibly displaced populations, studies involving Ukrainian participants, and systematic reviews intended to situate the potential psychological outcomes of visual art interventions. Sources that focused on displacement without an arts-based component were included only to describe the social, cultural, and identity-related context and were not treated as evidence of art's psychological effects.

Publications were included if they described at least one of the following elements: participants' internal experiences before or during art-making; the transformation of an experience into a visual image; participants' or facilitators' observations about reflection on the finished image; the use of visual form, composition, boundaries, color, line, or symbols; or the interpretation of an image in relation to memory, cultural identity, displacement, or future orientation. Publications that were not connected to visual practice, emotional experience, identity, or psychosocial support were excluded from the main analytical corpus.

We examined each retained publication through five analytical categories derived from the proposed Visual Transformation of Internal Experience Framework: internal experience, visual externalization, reflective distance, formal structuring, and meaning reconstruction. We recorded a category as present only when the primary publication included a participant statement, facilitator observation, or direct description of the corresponding process. We coded categories as present, partially described, or not reported.

We did not assign psychological interpretations to colors, symbols, lines, objects, or compositional elements independently. We regarded a visual element as culturally or emotionally meaningful only when the participant reported such meaning or when the authors of the primary

study explicitly documented it. Symptom reductions reported in clinical studies or identified in meta-analyses were not transferred to Ukrainian community art practices in a way that would treat them as findings of the present study.

The study contains no new interviews, questionnaires, clinical measurements, or independent analysis of participants' artworks. Accordingly, its results reflect a conceptual synthesis of published evidence rather than outcomes from a new intervention or clinical study. The analysis seeks to develop theoretically testable propositions for subsequent qualitative or mixed-method research involving forcibly displaced Ukrainians.

The credibility of the analysis was strengthened by distinguishing statements from the reviewed publications from the author's conceptual interpretations and by applying the same five analytical categories to each source. However, because the source selection was purposive rather than systematic, the study does not claim exhaustive coverage of the literature and cannot calculate intervention effects.

3. Results and Discussion

The results are structured in line with the Visual Transformation of Internal Experience Framework. They do not present new interview transcripts. Instead, they identify which stages are addressed in published arts-based work involving displaced Ukrainians and in closely comparable refugee programs, and which stages are still only weakly documented. A stage is marked as present only when participant or facilitator language explicitly refers to that process. Symptom reductions reported in mixed-population meta-analyses are not carried over to Ukrainian workshops as though they were findings of this study.

3.1. Visual externalization

Externalization is the act of rendering an internal state into a visible image. In contexts of displacement, that state is frequently a compound of fear, grief, insomnia, loss of one's home, and an inability to give a coherent verbal account. The reviewed studies describe visual art as a way for refugees to represent difficult experiences without relying solely on a complete verbal account [4, 5, 17].

Work with Ukrainian refugees likewise treats drawing and painting as plausible starting points when verbal expression is hard to sustain or emotionally taxing [9, 13]. The analytical focus is limited. The feeling is no longer only within the individual; it takes up a surface that can later be observed. This shift does not yet amount to regulation, insight, or recovery. In some cases, it may even intensify the feeling. Accordingly, externalization functions as a necessary first operation in the model rather than evidence that art generally "expresses emotion."

3.2. Reflective Distance

Reflective distance is a form of repositioning: rather than staying entirely within the state that generates an image, a person regards the image. In the proposed framework, reflective distance denotes a perceived move away from immediate immersion in an experience toward observing, and when relevant, discussing, its visual representation. The reviewed literature offers a theoretical foundation for this distinction, even though the process is not consistently described as a distinct outcome [1, 13].

Distance is not the same as distraction or avoidance. Distraction leaves the experience unexamined. Distance keeps the experience present, but transforms it into an object. Not all participants reach this stage. Some make markings and refuse to look again, while some leave the session before any viewing occurs. The framework records this as an interruption. A workshop that compels immediate group display can prevent reflective distance by returning the person to public exposure before they have had the chance to privately observe the image.

3.3. Formal structuring

Formal structuring is the arrangement of what is placed on the surface: edge, ground, contrast, repetition, center and margin, a division between before and after, and the completion or intentional incompleteness of a shape. In the proposed framework, formal structuring denotes the organization of visual material through boundaries, spatial relationships, contrast, repetition, composition, or intentional completion and incompleteness. The reviewed refugee art-therapy literature offers a contextual foundation for investigating these processes, but it does not consistently present formal visual changes as distinct psychological outcomes [4, 5].

Here, form is treated as a psychological operation rather than an aesthetic attribute. Fragmented material becomes perceptible because it gains limits. Most visual-art-therapy reviews continue to report anxiety or depression scores instead of line, boundary, or composition [6–8, 12]. Those reviews provide background regarding possible symptom change. They do not demonstrate that Ukrainian participants structured the form in a particular manner. For this study, structuring is inferred only when authors describe how the picture was constructed.

3.4. Meaning reconstruction and cultural symbols

Meaning reconstruction interprets the structured image by relating it to memory, place, family roles, and a potential future. In practice, connected to Ukrainian contexts, the stage is most convincing when the motifs are locally specific: interiors of a former home, a city or steppe outline, family objects, ornamental patterns, or colors employed as a claim to belonging rather than as a generic sign of hope [9, 13].

A cultural motif can support this stage only if the maker links it to a personal before-and-after. Without that connection, the image remains decoration or externalization. Research on Ukrainian adaptation in host countries documents identity strain, role loss, and pressure to present oneself as “already fine” [2, 3, 15]. These findings clarify why continuity of self is at issue. They do not demonstrate that depicting those symbols leads to recovery. Analyses of media representations of Ukrainians by others are not evidence of how Ukrainians reconstruct meaning in their own images, and they are not used for this stage.

Table 1.

Summary of Key Findings and Thematic Insights

Theme	Description	Experiences Reported in the Reviewed Studies	Potential Relevance to Emotional Recovery
Emotional Expression	Use of art to express complex emotions non-verbally	Drawing feelings of fear, hope, and loss	Emotional release and self-awareness
Identity Reconstruction	Rebuilding personal and cultural identity through artistic representation	Inclusion of cultural symbols and personal narratives	Sense of purpose and continuity

Theme	Description	Experiences Reported in the Reviewed Studies	Potential Relevance to Emotional Recovery
Stress Reduction	Engagement in art as a calming and therapeutic activity	Feeling relaxed and Focused during art creation	Reduced anxiety and improved mood
Social Connection	Group art activities fostering relationships and shared experiences	Participation in community art programs	Reduced isolation and stronger networks

The reviewed sources indicate that visual art may be linked to multiple processes pertinent to emotional recovery, such as visual externalization, reflective distancing, formal organization, meaning reconstruction, and social connectedness. Taken together, these patterns form a conceptual synthesis of the published research and should not be read as evidence of a causal relationship or a universally therapeutic impact.

3.5. When the process stalls or increases distress

The fifth set of findings addresses RQ5 and constrains the article's claim. The sequence is not automatic and is not a kind of psychotherapy.

Visual externalization may elicit or heighten challenging emotions in some participants, especially when facilitation and psychological support are insufficient. This consideration underlines the need for voluntary participation, appropriate boundaries, and the right to stop the activity [1, 17]. Reflective distance may not hold in brief, noisy, or highly performative, exhibition-like sessions. Formal structuring can harden an experience into a closed image that the person later rejects. A facilitator can impose meaning reconstruction by assigning an interpretation (for example, "this blue means peace") rather than asking what the maker perceives.

Pipere et al. [13] set out how arts therapists working with Ukrainian refugees manage linguistic differences, cultural meanings, and the constraints of short-term interventions. Factors that increase the likelihood of progress through the stages include voluntary attendance, the right not to interpret the image, private viewing before any group discussion, and a facilitator who does not complete the meaning for the participant. Under the opposite conditions, the same materials may be experienced as neutral or harmful.

Table 2.

Stages of visual transformation in the reviewed sources

Stage	What is described in the sources	When the stage helps	When the stage stalls
Externalization [1, 4, 5, 9, 13, 17]	Image appears where a full verbal account does not	The experience becomes visible and bounded	The image floods the person
Reflective distance [1, 4, 5, 13, 17]	Looking at or speaking <i>about</i> the picture	The person can approach the experience at a tolerable intensity	Refusal to look; public exposure too early
Formal structuring [4, 5, 13]	Edge, order, split composition, completed or held form	The experience feels holdable	Empty decoration; imposed neatness
Meaning reconstruction [2, 3, 9, 13, 15]	Personal or cultural reading of the image	Continuity of self across before and after	Facilitator's interpretation; cliché symbols

The four earlier themes—emotional expression, identity, stress reduction, and community—are not abandoned. Instead, they are reassigned. Expression primarily involves externalization. Identity primarily involves meaning reconstruction. Stress reduction can result from taking distance or applying structuring, but it serves as an endpoint rather than a stage. Community functions as an environment that can support or hinder the sequence; it is not, by itself, a visual mechanism.

Future quantitative and mixed-methods studies could build on qualitative findings by assessing distinct psychological outcomes linked to arts-based interventions.

3.6. Theoretical Contribution of the Proposed Framework

The proposed framework builds on existing conversations about arts-based support by separating out processes that are often bundled within the broad domain of emotional expression. Its core claim is that creating an image is not necessarily the same as processing or understanding an experience. By externalizing an experience visually, it becomes observable; however, reflective distance alters the person's relationship to it. Subsequent formal structuring introduces visual boundaries and connections, while meaning reconstruction links the emerging form to personal and cultural interpretations.

This theoretical distinction matters because participants may progress through different phases of the overall process. One participant might externalize an experience without intending to interpret it. Another might maintain reflective distance but fail to reconstruct meaning. A third participant might draw on culturally meaningful imagery to relate personal loss to a wider sense of identity. Accordingly, the model does not treat all visual engagement as uniform or automatically therapeutic.

In the setting of displacement, the framework also ties emotional processing to the continuity of identity. Ukrainian landscapes, domestic spaces, traditional motifs, family objects, or culturally meaningful colors can operate not only as depictions of heritage, but also as visual links connecting experience, present displacement, and anticipated future life. This, in turn, supports examining visual form as a mediator between emotional experience and identity reconstruction.

The study's main theoretical contribution is reframing visual engagement as a multistage, potentially recursive process. The Visual Transformation of Internal Experience Framework differentiates between giving an experience visual form, establishing reflective distance from that form, organizing it through artistic elements, and interpreting it in relation to identity and personal meaning. By making these distinctions, the framework offers a more precise foundation for future empirical research than models that treat emotional expression and art engagement as single, undifferentiated processes.

Future research should assess whether participants' narratives and visual artifacts reflect the proposed stages, whether they follow a consistent sequence, and whether states may be missing or experienced differently across individuals. Attention should be paid to situations in which visual externalization heightens distress, fails to produce reflective distance, or does not result in meaning reconstruction.

3.7. Limitations

This study has several limitations. First, it relies solely on published secondary sources and does not incorporate original interviews, questionnaires, clinical assessments, or independent analysis of artworks produced by forcibly displaced Ukrainians. Second, the purposive selection of sources is not a systematic review and does not guarantee comprehensive coverage of the literature. Third, the studies reviewed vary markedly in participant characteristics, displacement settings, types of visual practice, facilitation formats, and reported outcomes, which restricts direct comparison. Finally, the Visual Transformation of Internal Experience Framework is a conceptual model that has not yet been empirically validated. Future research should assess whether participants can recognize their proposed stages in narratives and visual materials, and whether these stages emerge consistently across individual and cultural contexts.

4. Conclusion

This study investigated whether visual art practice can be conceptually linked to self-perceived emotional recovery in the setting of forced displacement from Ukraine. Drawing on a structured qualitative analysis of secondary sources, it proposed the Visual Transformation of Internal Experience Framework, which distinguishes five interrelated processes: internal experience, visual externalization, reflective distance, formal structuring, and meaning reconstruction.

The findings indicate that producing an image should not be treated as synonymous with emotional recovery. Any potentially beneficial change may hinge on whether an individual can view the depicted experience from an alternative standpoint, arrange visual materials using formal artistic elements, and relate the resulting image to personal history and cultural identity. The framework further acknowledges that visual practice may be seen as neutral or emotionally challenging, and that participants may not necessarily move through every proposed stage.

The study does not demonstrate a causal relationship between involvement in visual art and emotional recovery, nor does it establish the clinical effectiveness of the proposed framework. Its primary contribution is a theoretically testable structure to guide future empirical research. The framework may also support the careful development of voluntary, culturally sensitive arts-based support programs, assuming participants retain the right not to disclose, interpret, or share their work and have access to appropriate professional support when intense emotional responses emerge.

References

1. Annous N., Al-Hroub A., El Zein F. A systematic review of empirical evidence on art therapy with traumatized refugee children and youth // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – Art. 811515. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.811515.
2. Chargaziia L., Panchenko T. Adaptation models of Ukrainian refugees in Germany // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. – 2025. – Vol. 38, No. 1. – P. 193–219. – DOI: 10.1080/13511610.2025.2467220.

3. Childress S., Shrestha N., Russ S. et al. A qualitative study of adaptation challenges of Ukrainian refugees in the United States // *Children and Youth Services Review*. – 2025. – Vol. 169. – Art. 108039. – DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.108039.
4. Dieterich-Hartwell R., Koch S.C. Creative arts therapies as temporary home for refugees: Insights from literature and practice // *Behavioral Sciences*. – 2017. – Vol. 7, No. 4. – DOI: 10.3390/bs7040069.
5. Feen-Calligan H., Grasser L.R., Debryn J. et al. Art therapy with Syrian refugee youth in the United States: An intervention study // *The Arts in Psychotherapy*. – 2020. – Vol. 69. – Art. 101665. – DOI: 10.1016/j.aip.2020.101665.
6. Han B., Jia Y., Hu G. et al. The effects of visual art therapy on adults with depressive symptoms: A systematic review and meta-analysis // *International Journal of Mental Health Nursing*. – 2024. – Vol. 33, No. 5. – P. 1183–1196. – DOI: 10.1111/inm.13331.
7. Huang W., Luan T., Li L. et al. The effects of visual art therapy on improving anxiety symptoms in adults: A systematic review and meta-analysis // *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*. – 2025. – Vol. 32, No. 5. – P. 1197–1210. – DOI: 10.1111/jpm.70003.
8. Joschko R., Klatte C., Grabowska W.A., Roll S., Berghöfer A., Willich S.N. Active visual art therapy and health outcomes: A systematic review and meta-analysis // *JAMA Network Open*. – 2024. – Vol. 7, No. 9. – DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2024.28709.
9. Kim S.-Y., Lee J.S., Choi H. The effects of art therapy on anxiety and distress for Korean–Ukrainian refugee: Quasi-experimental design study // *Healthcare*. – 2023. – Vol. 11, No. 4. – Art. 466. – DOI: 10.3390/healthcare11040466.
10. Lind J., Sabates-Wheeler R. Social protection in conflict and conflict-related displacement crises // *IDS Bulletin*. – 2024. – Vol. 55, No. 2. – P. 71–86. – DOI: 10.19088/1968–2024.122.
11. Martinelli V., Lumer E.L.L., Fusar-Poli L., Chiappedi M., Politi P. Active visual art therapy in the general hospital: Facts and challenges from an ethical perspective // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2025. – Vol. 22, No. 2. – Art. 316. – DOI: 10.3390/ijerph22020316.
12. Mizera S., Krysta K. The impact of visual art therapy on anxiety: A systematic review // *Psychiatria Danubina*. – 2025. – Vol. 37. – P. 46–55. – DOI: 10.24869/psyd.2025.46.
13. Pipere A., Eglīte U., Karkou V., Bull M.D., Mārtinsone K. Experience of Latvian arts therapists working with Ukrainian refugees: Interpretative phenomenological analysis // *International Journal of Art Therapy*. – 2025. – P. 1–13. – DOI: 10.1080/17454832.2025.2537639.
14. Schreuder M.J., Ariens S., Lafit G., Ceulemans E. Bouncing back from emotional ups and downs: Insights into emotional recovery using survival analyses of burst ESM data // *Cognition and Emotion*. – 2025. – Vol. 39, No. 4. – P. 910–919. – DOI: 10.1080/02699931.2024.2423706.
15. Šed'ová K., Obrovská J., Hlado P. et al. Šed'ová K., Obrovská J., Hlado P. et al. “They usually look happy”: Approaches to the adaptation of Ukrainian refugees in Czech schools // *Pedagogy, Culture & Society*. – 2025. – Vol. 33, No. 5. – P. 1553–1574. – DOI: 10.1080/14681366.2024.2362965.

-
16. Yang N., Gong Y. A scoping review on arts-based interventions for the mental health of refugee and asylum-seeking children and youth // *Perspectives in Public Health*. – 2025. – Vol. 145, No. 4. – P. 209–219. – DOI: 10.1177/17579139251353431.
 17. Zadeh R., Jogia J. The use of art therapy in alleviating mental health symptoms in refugees: A literature review // *International Journal of Mental Health Promotion*. – 2023. – Vol. 25, No. 3. – P. 309–326. – DOI: 10.32604/ijmhp.2023.022491.

MEDICAL AND CLINICAL PSYCHOLOGY

Статья поступила в редакцию: 15.09.2026

Статья принята к публикации: 24.09.2026

Статья опубликована: 08.10.2026

УДК 616.89.

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.148.10.23451

Artificial intelligence for dementia diagnostics and treatment: a systematic literature review

Pavenkov Oleg

PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy, Faculty of Liberal Arts, Alliance University
Republic of India, Bengaluru

Rubtcova Mariia

doctor of Sociological Sciences, Professor
of the Department of Sociology of Management and Planning, Faculty of Sociology, Saint
Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg

Искусственный интеллект в диагностике и лечении деменции: систематический обзор литературы

Павенков Олег Владимирович

канд. филос. наук, доц.
кафедры филос., факультет свободных искусств, Университет Альянс
Республика Индия, г. Бенгалуру

Рубцова Мария Владимировна

д-р социол. наук, проф.
кафедры социологии управления и планирования, факультет социологии, Санкт-
Петербургский государственный университет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Abstract

This systematic literature review examines the use of artificial intelligence (AI) and machine learning (ML) in dementia diagnosis, prediction, monitoring and treatment support. The application of Artificial Intelligence enhances detection and diagnosis of dementia, and also includes the

Библиографическое описание: Павенков О.В., Рубцова М.В. Искусственный интеллект в диагностике и лечении деменции: систематический обзор литературы // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23451>

For citation: Pavenkov O., Rubtcova M. Artificial intelligence for dementia diagnostics and treatment: a systematic literature review // Universum: Psychology and Education : electronic scientific journal. 2026. No. 10(148). Available at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23451>

neuroimaging and multimodal data integration. This has catalysed a growing body of research exploring the applications of Artificial Intelligence in the early detection, differential diagnosis and management of dementia. The transformative potential of multimodal AI driven methods in the diagnosis of dementia have greatly helped in the precision diagnosis by integrating neuroimaging modalities. Studies published from 2015 to 2025 were screened using a PRISMA-oriented procedure; 80 studies were included. The review covers neuroimaging, quantitative EEG (qEEG), clinical variables, speech, gait and behavioral data, as well as multimodal combinations. Imaging-based deep learning frequently produced the highest reported diagnostic performance, while multimodal systems showed promise for complex prediction. However, small samples, heterogeneous datasets, limited external validation, demographic bias and limited interpretability remain major barriers to clinical implementation.

Аннотация

Данный систематический обзор литературы посвящен применению искусственного интеллекта (ИИ) и методов машинного обучения (МО) в диагностике деменции, прогнозировании, мониторинге и поддержке лечения.

Применение искусственного интеллекта повышает эффективность выявления и диагностики деменции, включая использование методов нейровизуализации и интеграции мультимодальных данных. Это способствовало активному развитию исследований, посвящённых применению искусственного интеллекта для раннего выявления, дифференциальной диагностики и лечения деменции. Трансформационный потенциал мультимодальных методов, основанных на искусственном интеллекте, значительно расширил возможности точной диагностики деменции за счёт интеграции различных методов нейровизуализации. Были проанализированы исследования, опубликованные с 2015 по 2025 год, с использованием процедуры, ориентированной на PRISMA; в обзор включено 80 исследований. Рассмотрены нейровизуализация, количественная ЭЭГ, клинические переменные, речь, походка и поведенческие данные, а также мультимодальные комбинации. Методы глубокого обучения на основе визуализации часто демонстрировали наивысшие показатели диагностической точности, тогда как мультимодальные системы показали перспективность при сложном прогнозировании. Однако небольшие размеры выборок, гетерогенные наборы данных, ограниченная внешняя валидация, демографическая предвзятость и ограниченная интерпретируемость остаются основными барьерами для клинической реализации.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, dementia, Alzheimer's disease, EEG, MRI, multimodal data.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, деменция, болезнь Альцгеймера, ЭЭГ, МРТ, мультимодальные данные.

Introduction

Dementia is a major public-health problem characterized by progressive cognitive decline. Early and differential diagnosis remain difficult because of heterogeneous causes, overlapping symptoms and limitations of early biomarkers. AI provides tools for pattern recognition, neuroimaging analysis, digital biomarkers and integration of clinical information. Recent studies increasingly combine imaging, clinical, genetic and behavioral data. Wearables and smart environments also allow continuous assessment of activity, gait, sleep and behavioral symptoms, supporting a shift toward proactive care.

The potential benefits must be distinguished from clinical effectiveness. Many AI studies use selected datasets or small samples, and models developed mainly in high-income settings may not generalize to other populations. Data quality, labeling, acquisition protocols, privacy, bias and interpretability therefore remain central concerns.

Materials and Methods

The review asked how data modality affects the predictive performance of AI-based dementia diagnostics and which AI/ML methods are most frequently used. Searches for “artificial intelligence” and “dementia,” including dementia subtypes, were conducted in ScienceDirect, PubMed Central, Wiley Online Library and JMIR Publications. English-language studies published between 2015 and 2025 were eligible when they used AI, ML or deep learning with neuroimaging, clinical or speech/voice data. Non-peer-reviewed publications, book chapters and studies outside the defined scope were excluded. From 1,300 records initially identified, 80 studies were included.

The studies were grouped into five clusters: clinical diagnosis and management; ML/AI for dementia prediction; technology-assisted digital monitoring; rehabilitation and caregiving interventions; and systematic reviews or meta-analyses. The synthesis emphasized modality, algorithm type and reported diagnostic performance.

Results and discussion

Neuroimaging was the principal source of high-performing models. MRI, PET and image-like qEEG data were commonly analyzed with convolutional neural networks (CNNs), ResNet and support vector machines (SVMs). Selected studies reported about 99 % accuracy for MRI-based AD-versus-control classification, 99.99 % for early MCI versus AD using fine-tuned ResNet-18, and near-100 % performance in some binary PET/MRI tasks. These peak results are task-specific and require external validation.

qEEG/EEG is a comparatively accessible modality for diagnosis and monitoring. A qEEG feature-image ResNet approach reported 97.4 % accuracy, with 100 % sensitivity and 96.8 % specificity. Combining qEEG with handwriting dynamics produced 93.7 % accuracy for MCI versus healthy controls. Clinical-variable models also showed strong results, including 98.66 % for binary dementia detection and approximately 92 % for progression prediction in selected studies.

Speech and behavioral modalities provide potentially scalable alternatives. Voice and language models generally reported approximately 90–95 % accuracy, while gait, facial expression, drawing and wearable-sensor methods supported severity estimation and remote monitoring. These methods can capture changes in everyday functioning that may be missed by episodic clinical assessments.

A major trend is multimodal integration. Combining neuroimaging with clinical variables, biomarkers, speech or behavioral measures generally produced stronger results than isolated modalities. One hybrid model integrating temporal, spatial, spectral, audio and text information reported 94.5 % accuracy for AD progression. Nevertheless, multimodal superiority should be tested in independent, real-world populations.

The evidence demonstrates rapid technical progress, but research remains concentrated on diagnosis. Imaging and deep learning often produce the strongest benchmark results, whereas qEEG, speech, gait and other digital biomarkers broaden opportunities for accessible and continuous assessment. Multimodal approaches are attractive because dementia is biologically and clinically heterogeneous.

Translation into practice is constrained by generalizability, small samples, data heterogeneity and limited external validation. Performance can change when scanners, recording protocols, languages, disease prevalence or demographic characteristics differ. Complex models may also be difficult to interpret, creating a “black box” problem. Ethical issues include privacy, consent, algorithmic bias and unequal access.

Future research should prioritize prospective multicenter and longitudinal studies, representative samples, external validation and transparent reporting. Federated learning, explainable AI, bias audits and human-in-the-loop systems may improve accountability. AI may also support treatment-response monitoring and drug discovery, although evidence for clinical benefit is less mature than evidence for diagnostic classification.

Conclusion

The review of 80 studies demonstrates substantial progress in AI-supported dementia diagnosis, prediction and monitoring. Imaging-based deep learning frequently achieves the highest reported performance, while qEEG, clinical, speech and behavioral biomarkers provide complementary information. Multimodal strategies are particularly promising. However, accuracy alone is insufficient for clinical adoption: generalizability, data quality, bias, interpretability and real-world validation remain decisive. AI should augment, rather than replace, professional clinical judgment.

References

1. Almohimeed A., Saad R., Ibrahim S., El-Rashidy N., Abd-el Ghany S.F., Elkhateb A. Elsayed Abd Elaziz M., El-Sappagh S., Saleh H. Explainable artificial intelligence of multi-level stacking ensemble for detection of Alzheimer’s disease based on particle swarm optimization and the sub-scores of cognitive biomarkers // IEEE Access. – 2023. – Vol. 11. – P. 123173–123193. – DOI: 10.1109/ACCESS.2023.3328331.

2. Andargoli A.E., Ulapane N., Nguyen T.A., Shuakat N., Zelcer J., Wickramasinghe N. Intelligent decision support systems for dementia care: A scoping review // *Artificial Intelligence in Medicine*. – 2024. – P. 354–373. – DOI: 10.1016/j.artmed.2024.102815.
3. Arvanitakis Z., Shah R.C., Bennett D.A. Diagnosis and management of dementia: Review // *JAMA*. – 2019. – P. 1589–1599. – DOI: 10.1001/jama.2019.4782.
4. Bucholc M., James C., Khleifat A.A., Badhwar A., Clarke N., Dehsarvi A., Madan C.R., Marzi S.J., Sh, C., Schilder B.M., Tamburin S., Tantiangco H.M., Lourida I., Llewellyn D.J., Ranson J.M. Artificial intelligence for dementia research methods optimization // *Alzheimer's & Dementia*. – 2023. – P. 5934–5951. – DOI: 10.1002/alz.13441.
5. Chai J., Wu R., Li A., Xue C., Qiang Y., Zhao J., Zhao Q., Yang Q. Classification of mild cognitive impairment based on handwriting dynamics and qEEG // *Computers in Biology and Medicine*. – 2023. – P. 106–123. – DOI: 10.1016/j.compbiomed.2022.106418.
6. Choi H., Jin K.H.; Alzheimer's Disease Neuroimaging Initiative. Predicting cognitive decline with deep learning of brain metabolism and amyloid imaging // *Behavioural Brain Research*. – 2018. – P. 103–109. – DOI: 10.1016/j.bbr.2018.02.017.
7. Dauwan M. van der Zande J.J., van Dellen E., Sommer I.E., Scheltens P., Lemstra A.W., Stam C.J. Random forest to differentiate dementia with Lewy bodies from Alzheimer's disease // *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. – 2016. – P. 99–106. – DOI: 10.1016/j.dadm.2016.07.003.
8. Ding Y., Sohn J.H., Kawczynski M.G., Trivedi H., Harnish R., Jenkins N.W., Lituiev D., Copel T.P., Aboian M.S., Mari Aparici C., Behr S.C., Flavell R.R., Huang S.Y., Zalocusky K.A., Nardo L., Seo Y., Hawkins R.A., Hernandez Pampaloni M., Hadley D., Franc B.L. A deep learning model to predict a diagnosis of Alzheimer disease by using 18F-FDG PET of the brain // *Radiology*. – 2019. – P. 456–464. – DOI: 10.1148/radiol.2018180958.
9. Fernandes S., Rosselet Amoussou J. Gomes da Rocha C., Perruchoud E., von Gunten A., Mabire C., Verloo H. Using artificial intelligence-based technologies for the early detection of behavioral and psychological symptoms of dementia: Scoping review // *JMIR Aging*. – 2025. – P. 74–87. – DOI: 10.2196/76074.
10. Frizzell T.O., Glashutter M., Liu C.C., Zeng A., Pan D., Hajra S.G., D'Arcy R.C.N., Song X. Artificial intelligence in brain MRI analysis of Alzheimer's disease over the past 12 years: A systematic review // *Ageing Research Reviews*. – 2022. – P. 102–124. – DOI: 10.1016/j.arr.2022.101614.
11. Jasodan V.H., Bellitti M., Kolachalama V.B. An AI-first framework for multimodal data in Alzheimer's disease and related dementias // *Alzheimer's & Dementia*. – 2025. – Vol. 21. – P. 111–131. – DOI: 10.1002/alz.70719.
12. Jeong T., Park U., Kang S.W. Novel quantitative electroencephalogram feature image adapted for deep learning: Verification through classification of Alzheimer's disease dementia // *Frontiers in Neuroscience*. – 2022. – P. 103–121. – DOI: 10.3389/fnins.2022.1033379.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ПСИХОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Электронный научный журнал

№ 10(148)

Октябрь 2026 г.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

Издание содержит научную информацию и в соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не подлежит классификации (маркировке) по возрастным категориям

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 128 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 08.10.2026

Журнал размещается в:

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

Google
scholar

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

>BASE

СОЦИОНЕТ

OpenAIRE

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)